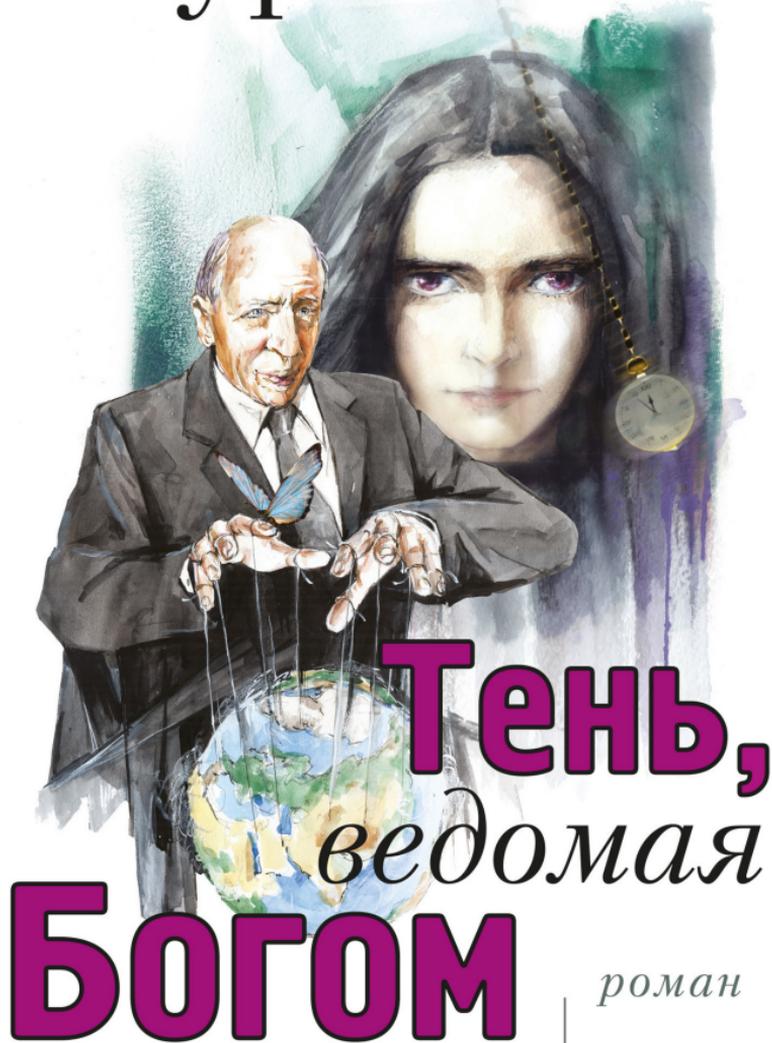

Светлана
Журавская

**Тень,
ведомая
БОГОМ** роман

Светлана Сергеевна Журавская

Тень, ведомая Богом

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30480951

Тень, ведомая Богом: У Никитских ворот; Москва; 2016

ISBN 978-5-00095-210-8

Аннотация

Предсказание старого индейца о низвержении кукловодов мирового порядка начинает сбываться, когда скользящая по улицам Нью-Йорка неприкаянная серая тень спасает одну жизнь. Доведенному до отчаяния человеку кажется, что впереди лишь темнота, но именно в этот момент ему выпадает шанс не просто отомстить, а исполнить заветное желание всех тех, кто погиб по вине мирового закулисья.

Случайный визит давнего пациента и подслушанный разговор об утерянной реликвии сербского народа запускают колесо невероятных событий, где враги убивают друг друга и не могут сопротивляться неведомой силе, явившейся из богоугодной местности.

Содержание

Часть I. Становление Тени	5
Глава I	5
Глава II	16
Глава III	41
Глава IV	68
Глава V	99
Глава VI	123
Глава VII	158
Глава VIII	181
Глава IX	207
Глава X	250
Конец ознакомительного фрагмента.	288

Светлана Журавская

Тень, ведомая Богом

© Журавская С.С., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

Все события, происходящие в романе, вымышленные, любое сходство с реально существующими людьми случайно

* * *

Сербам, которые помнят, посвящается

И один в поле воин, если он по-русски скроен

Часть I. Становление Тени

Глава I

Нью-Йорк, наше время

Зима выдалась в этот год холодной и богатой на события. Рождественские праздники были позади, а память о новогодних салютах уже сменялась предвкушением поисков сокровищ пасхального кролика.

Часы давно пробили три часа ночи. На прославленный в сотнях криминальных репортажей район Гарлем тихо падал мокрый снег. На бульваре Адама Клейтона Пауэлла-младшего было безлюдно. Лишь с автомойки рядом с домом 2588 доносилась ритмичная музыка и были слышны голоса местной молодежи. К удивлению жильцов дома, не работала сегодня индийская закусочная на углу, хотя ее хозяин был рядом – на другой стороне дома, приглядывал за своей же аптекой. С виду это была обычная аптека, однако все менялось для постоянных клиентов. У местных африканские и индийские снадобья, микстуры и особенно средства от кашля пользовались большой популярностью, да и получить их можно было за копейки без дорогих рецептов. Несмотря на все погуги черного президента, медицина была и оставалась рос-

кошью, даже поход к врачу за рецептом. Такие вот люди, как Омар Ариядаса, были на вес золота для простых смертных.

Дом 2588 с 1970 года числился среди исторических достопримечательностей. Построен он был еще в 1928 году на средства Джона Рокфеллера для малоимущих афроамериканцев. Возможно, в глазах архитектора Томаса это и было идеальное жилье, но в глазах современных жителей шестиэтажная коробка из кирпича не вызывала оптимизма. Обшарпанные стены, местами выпадающие кирпичи, серые окна, увешанные кондиционерами. Летом в квартирах бывало так жарко, что любой мог сесть и расписать свои впечатления от 451 градуса по Фаренгейту, пользуясь лишь своим личным опытом. Однако местным этот дом нравился тем, что называли его в честь одного из первых афроамериканских поэтов – Пола Дунбара.

К дому подъехал старенький автомобиль и остановился напротив арки, ведущей во внутренний двор дома. Из грязно-серой «ауди» вышел молодой чернокожий парень. Он осмотрелся по сторонам, затем подошел к багажнику, открыл его. Долго копался среди мусора, коробок с запчастями и стопок рассыпающихся, пожелтевших от времени газет. Наконец, найдя то, что искал, закрыл багажник. Он крутил в руках белый конверт без каких-либо отметок, будто пытался вспомнить адресата, затем направился к арке. Парень зашел во второй подъезд. Здесь было темно, нащупав на стене вы-

ключатель, он несколько раз нажал на него, но света так и не дождался. Поморщившись и выругавшись про себя, он полез в карман куртки за телефоном. Бледное голубоватое сияние осветило стену напротив и лестницу. Рядом с лестницей располагались почтовые ящики. Незнакомец подошел к ним и, поднеся телефон ближе, стал выискивать нужный ящик. Остановив свой взгляд на ящике номер 51, он снова огляделся по сторонам, замер, прислушиваясь к окружающей его тишине. Помешкав несколько секунд, он опустил письмо в ящик. Поспешно ретировавшись, он направился к своей машине. Завел мотор. У него было ощущение, что кто-то наблюдает за ним. Он даже высунул голову из машины и пробежался глазами по темным окнам дома. В одном из окон на шестом этаже, ему показалось, он заметил кого-то. Не дожидаясь того, что пульс участится до 150 ударов в минуту, он нажал на педаль газа. Только проехав два квартала, он вдруг осознал, что впервые за все время доставки писем он так перенервничал. Теперь он жалел, что не открыл письмо и не прочитал, хотя это было вовсе не в его правилах.

Из заинтересовавшего курьера окна на шестом этаже открывался вид на школу, что была через дорогу, на комплекс красно-черных высоток, а вдалеке текла река Гарлем, разделяющая Манхэттен и Бронкс. В однокомнатной квартире-студии не горел свет, были открыты все окна. Холодный ветер гулял под потолком и теребил хрустальные капли на старенькой люстре в стиле барокко. Едва различимый пе-

резвон разносился по квартире. На письменном столе, заваленном газетами на разных языках и записями на иврите, расклеенными на стене за ними, бесшумно работал ноутбук. Он и освещал малую часть комнаты. В браузере была открыта одна-единственная страница – почта. Открыто последнее письмо. В нем было лишь три строчки:

Здравствуй, Мария! Я пишу тебе, все еще не веря произошедшему, но ты должна знать.

Сегодня не стало нашего хорошего друга Микаэля. Он до последнего надеялся тебя увидеть, сказал перед смертью, что ты свободна от обещаний, данных ему.

Хрустальный перезвон люстры нарушал лишь тихий плач человека, сидевшего в углу комнаты, обхватив голову руками, уткнувшись в колени. От очередного дуновения ветра одна из хрустальных капель звякнула и полетела на пол. От неожиданного звука молодая женщина, плакавшая в темноте, подняла голову. Она нашла глазами источник шума, потом перевела глаза на ноутбук, и снова защемило глаза, несколько слезинок скатилось по щекам женщины. Она смотрела на последнее предложение и перечитывала его снова и снова, будто это могло что-то изменить.

– Ни одно обещание его не вернет... – прошептала она. На часах было без пятнадцати шесть. – Что ж, так рано на работу я еще не собиралась. – Она встала на ноги и подошла к окну, сделала глубокий вдох. От морозного воздуха по спине бегали мурашки. – Холодно, значит, еще жива, – сказала

она, глядя в небо.

Вытерев с лица слезы, она пошла в ванную.

Ее звали Мария Лазарь, ей было всего 33 года, а она уже работала помощником видного в Нью-Йорке психоаналитика, который порой позволял ей самой вести прием. Пожилой психоаналитик Гэбриэл Зев частенько прибегал в своей практике к гипнозу. Порой не столько ради лечебного эффекта, сколько по прихоти пациентов, которые были готовы платить за удивительный опыт. Зев считал, что ему несказанно повезло, когда ему в помощницы досталась Мария Лазарь. Гэбриэл не уставал повторять, что у нее был талант к гипнозу, она могла погрузить в гипноз любого уровня практически любого пациента. Да и еще она была чистокровной еврейкой из хорошей семьи, что было, бесспорно, ценностью для Зева, закоренелого сиониста и ортодокса. Пускай и со своими принципами.

Расчесав свои длинные темно-каштановые волосы, Мария подошла к зеркалу. На столике лежали два контейнера для линз. Лазарь неохотно открыла один из них, ловким движением подцепила первую линзу и поднесла к глазу.

– Ненавижу... – выдохнула она и вставила линзу, затем вторую. Она подняла голову и посмотрела на себя в зеркало. Темно-коричневые глаза, почти черные, смотрели на нее из зеркала. Она коснулась своего отражения рукой, провела по глазам. – Такие чужие, такая не я...

Отмахнувшись от дурных мыслей и неудобных воспоминаний,

наний, она собрала волосы в пучок и пошла одеваться. Перед выходом из дома она глянула на часы: было все еще рано, до работы можно пройти пешком.

Мария вышла из квартиры, окинула длинный коридор безразличным взглядом. В конце коридора у окна стоял мужчина и курил, задумчиво разглядывая оконное стекло. Лазарь направилась к лестнице, мужчина не реагировал на нее, будто и не видел вовсе. Спустившись на первый этаж, она подошла к почтовым ящикам и заглянула в ящик номер 108 – пусто. Ей давно уже не приходило писем, особенно писем с хорошими новостями. Тяжелая входная дверь со скрипом открылась, и в подъезд вошла молодая женщина. Чернокожая американка молча прошла мимо Марии и поднялась по лестнице, через минуту за ней следом забежали два ребенка. Они тоже не отреагировали на белую соседку. Лазарь вышла на улицу. У подъезда, несмотря на ранний час, толпились люди. Стороннему наблюдателю могло бы показаться странным, что чернокожие не обращают никакого внимания на белую женщину, живущую в этом доме. Ни одного едкого комментария, ни одного косоного взгляда. Мария без интереса прошла мимо своих соседей и вышла на бульвар. Старенькая миссис Рудольф поливала молодой клен, что посадил год назад ее ныне покойный внук. Она, как и все, не обратила внимания на Марию.

Накинув теплый платок на голову и поправив сумку, Лазарь направилась в сторону автобусной остановки. Когда она

подходила к пешеходному переходу, подъезжавшая машина остановилась. Женщина перешла дорогу.

– Не такая уж я и невидимая, – улыбнулась она.

Автобусная остановка была рядом с пиццерией «Domino». На остановке никого не было. Лазарь села на скамейку и достала из кармана пачку сигарет.

– Что ж, пока полиция нравов меня не поймала, можно и покурить. – Она закурила, задумчиво разглядывая коробку. – Даже сигареты тут не такие... мне не хватает тех, наших, – сказала она вслух, выпуская клуб дыма.

Снова пошел снег, и теперь Мария точно не могла отказать себе в том, чтобы пройтись пешком. Она затушила сигарету об один из мусорных контейнеров, что стояли вдоль дома, и направилась в сторону Центрального парка. До начала ее рабочего дня все еще оставалось полтора часа.

Мария шла по пока еще тихим, малолюдным улицам и радовалась лишь снегу. Она оказалась в Нью-Йорке совсем недавно, хотя некоторые думали, что она живет здесь больше десяти лет, на деле же едва ли два года. Проходящие мимо нее люди, сами не зная почему, с любопытством смотрели на нее. Кто-то мог подумать, что любит красотку, а кто-то – что встречались с ней ранее. Мария уже давно не обращала внимания на такие взгляды, все эти люди тут были ей безразличны, в чем-то даже противны. Правда, как психолог она старалась бороться с этой своей чертой. Пока безуспешно. Не прошло и тридцати минут, как впереди появился Цен-

тральный парк. Марии он никогда не нравился, для нее в нем не было укромных мест, где было бы приятно находиться. Всюду было ощущение, что ты на виду. Здесь можно было потеряться, но только не для тех, кто наблюдал за всем через объективы сотен камер, кто подслушивал даже любой мало-значимый лепет ребенка. Места массового скопления народа давно стали паноптикумом для властителей этого города.

Офис Гэбриэла Зева располагался на углу Восточной Семьдесят пятой улицы и Пятой авеню, в старинном четырехэтажном здании-пристройке. Сам дом был из белого камня, обнесенный невысокой кованой оградой. Этот дом впитал в себя массу историй, но секретами он делиться не собирался. Большие окна гордо смотрели на прохожих. Офис был на втором этаже, его не скрывали жалюзи, а шторы всегда были задернуты. Стены дома слышали сокровенные мысли и потаенные желания разных знаменитых людей, и Зев гордился этим. Соседом по зданию был фонд общественного благополучия, но он производил впечатление сомнительной и редко работающей организации.

Без десяти девять Мария уже была у дверей офиса Гэбриэла. Она не спеша поднялась на второй этаж, отряхнула снег с пальто у входной двери и вошла внутрь. Кроме секретаря, на месте никого не было.

– Привет, Мария! – пролепетала Джулия. – Ты снова рано, плохо спалось?

– Не спалось вовсе, – ответила Лазарь, вешая пальто в

шкаф. – Кто у нас сегодня в списке?

– Рэйчел Рид на десять, потом Карл Дим на двенадцать, и доктор Зев ждет какого-то особого гостя в четырнадцать.

– Понятно. – Настроение было испорчено еще первым именем. В памяти снова пробежали строки из вчерашнего письма. – А как у тебя дела? – вспомнив о вежливости, спросила Лазарь без интереса, для галочки.

– Я выхожу замуж, если тебе интересно, – просияла в ответ секретарша. – Через полгода.

– Полгода – это большой срок, уверена, что он вытерпит?

– Вот еще! Я подарок, меня не нужно терпеть.

– Да-да, – улыбнулась Лазарь, – тебя только распаковать. Я подожду Гэбриэла в кабинете. – Мария скрылась за дверью. – Дай мне сил не убить ее, о бог психоанализа...

Лазарь села в кресло и, взяв со стола файл мисс Рэйчел Рид, погрузилась в чтение заметок Гэбриэла, надеясь найти что-то интересное.

– О! Мария! Ты уже тут! – Зев вошел в свой кабинет.

– Здравствуйте, Гэбриэл! – поднялась Мария с места.

– Сиди-сиди, не прыгай, – махнул он рукой.

Зеву было семьдесят три года, а выглядел он лет на шестьдесят с хвостиком. Невысокий, худощавый, с кудрявыми седыми волосами. В годы юности считал себя неотразимым, как Аль Пачино, и веселым, как Вуди Аллен. Бойкий, с ясным умом и острым взглядом. Он обожал бегать по утрам и не пропускал ни одной тренировки. После смерти жены он

сам придумал себе режим дня и строго его соблюдал. Работа была второй любовью его жизни, если не первой. На ней он мог проводить время часами, а больше всего ему нравилось то, что к нему на прием записывались видные политические деятели и разного рода бизнесмены. Так он чувствовал себя причастным к «вершению судеб».

– Мари, сегодня отличный день, познакомлю тебя с моим очень хорошим другом. К сожалению, он придет к нам за помощью, а не просто так. Полагаю, нам пригодится твой талант гипнотизера.

– Как скажете, доктор, – натянуто улыбнулась Лазарь.

– Очень большой человек, очень, – бормотал Гэбриэл, вешая пальто в шкаф и одновременно переобувая туфли. – Так, скажи мне, какой пиджак подойдет? Деловой вид нужен.

– Вон тот серый вполне себе. – Мария встала с кресла и подошла к книжной полке.

– Тоже так думаю, – пробормотал Зев. – Кто у нас первый?

– Рид.

– Милая девушка эта Рэйчел. – Гэбриэл прошел к своему столу и сел в высокое кожаное кресло. – Думаю, сегодня назначим ей последний сеанс на этот месяц.

– Полагаете, она уже сама справится со своей проблемой?

– Нет, что ты, – махнул он рукой, надевая очки, – просто ее отец не оплатил сеансы, а в долг я не работаю.

– Зависит от того, кто попросит, – прошептала Мария, но доктор ее не услышал.

Большие напольные часы, подаренные Гэбриэлу кем-то из благодарных клиентов, пробили десять часов утра, когда на пороге появилась мисс Рид.

Глава II

Шла пятьдесят третья минута сеанса психоанализа с мисс Рид, а девушка все ворочалась на красной кожаной кушетке и рассказывала о своих снах, не имевших абсолютно никакого значения для терапии. Мария то и дело теряла нить разговора, погружаясь в свои размышления. Вчерашнее письмо все не шло у нее из головы. Незаметно для пациентки и доктора Лазарь вышла в коридор и, пройдя по нему до конца, оказалась на лестничной площадке. Девушка подошла к открытому окну и выглянула наружу – на другой стороне улицы она заметила группу детей, играющих с собакой.

– Какой смысл во всем этом был?.. Я ничего не могу отсюда сделать, ни помочь, ни посодействовать... Толку от тех обещаний?.. – спрашивала она саму себя. – Я сдохну раньше, чем Бог соизволит направить меня... – Мария чувствовала, что злится на все окружающее, а ведь было только начало рабочего дня. – Держись, дорогуша Лазарь, другого выхода у тебя все равно нет.

– О! Мария! – Джулия появилась на лестничной площадке неожиданно, тоже подошла к окну. – Все-таки ты странная, такая нелюдимая... – Секретарша осмотрела ее с ног до головы. – Почему ты такая? – Она достала из кармана леденец, быстро развернув фантик, закинула конфету в рот.

– Какая? – Лазарь передернула плечами. – Больше кон-

кретики не повредит.

Джулия приходилась доктору Гэбриэлу племянницей. Ей было 24, и она только-только окончила университет по специальности «искусствовед». Работы в области антиквариата, так увлекавшего девушку, не нашлось. Верней сказать, не нашлось родственников и друзей родственников, там работающих. На помощь пришел дядя Гэб, который предположил, что среди его пациентов могут найтись те, кого Джулия как специалист заинтересует. На том и условились. Рыжеволосая, темноглазая, приятной наружности пышечка Джулия поступила на работу к дяде. Конечно, работать по специальности ей хотелось, но посмотрев на списки богатых пациентов, она задалась другой целью – хорошо устроиться.

– Твоя внешность обманчива, – немного помолчав, ответила девушка, разглядывая Марию, которая даже и головы в ее сторону не поворачивала. – Ты с виду ангел, красивая, стройная, ухоженная молодая женщина, образованная, но ты ведешь себя, как будто ты... эм...

– Как кто? – Мария повернулась к Джулии и внимательно посмотрела ей в глаза.

– Как человек, который ничего не боится. А для женщины это ненормально. – Взгляд Лазарь Джулия выносила с трудом, смотреть в ее глаза было для девушки пыткой.

– А если я и впрямь ничего не боюсь?

– Всем есть что терять, – пожала плечами Джулия, раскусывая леденец.

– Мне нечего. – Мария снова посмотрела в окно, на улице было пусто, ни машин, ни прохожих.

– ...Жизнь.

– У нас с тобой разные ценности. – Лазарь направилась обратно в офис. – Спасибо за компанию, мне это было так необходимо.

– Правда? – просияла Джулия, не поняв сарказма Марии.

– Еще бы! С кем еще я могу обсудить вопросы моей мятущейся личности?..

Дверь захлопнулась, оставляя Джулию одну. Девушка хмыкнула и выплюнула конфету в окно.

– По-моему, всех этих психологов самих лечить нужно, – фыркнула она. – Ничего она не боится... глупости!

Мария вернулась в кабинет доктора Зева. Рид уже ушла.

– Могу тебя обрадовать, Рэйчел уезжает на некоторое время, так что мы ее в ближайшие дни не увидим.

– Чудная новость, доктор! – улыбнулась Мария. – Вам ведь тоже с ней неинтересно?

– Ох, Мари, в наше время так трудно отыскать по-настоящему сложный интересный случай, – махнул рукой доктор Зев, вставая с кресла и беря с подоконника лейку. Гэбриэл направился поливать свои любимые фиалки. – Сейчас проблемы у людей сплошь одинаковые. Женщины хотят уверенности в своем будущем, мужчины – в своем кошельке. А гарантий никто им дать не может. Не могут люди, даже очень

богатые, удовлетворить свои базовые потребности, вот и бьются с жиру. – Гэбриэл полил цветы и заботливо гладил листья, фиалки эти напоминали ему о жене.

– Считаете, наша работа бесполезна?

– Конечно. – Зев поправил очки и направился к своему письменному столу. – Сама наука психология бесполезна, видишь ли, она лишь объясняет, но не лечит. Слава богу, что мало кто об этом знает и мы можем еще заработать себе на обеспеченную старость.

– И давно вы так думаете?

– Лет двадцать уже. – Он улыбнулся, поудобней усаживаясь в кресле.

– Вы же с таким рвением и задором рассказываете о новых методах на разных конференциях... – Мария села напротив доктора. – Все ложь?

– Почему же? Мне интересно слушать про новые открытия в сфере человеческой психики, правда, в ней уже не осталось ничего неизведанного.

– Не соглашусь с вами, доктор, – покачала Лазарь головой. – Мозг человека, как и его сознание, удивительны и полны загадок.

– Загадки все крутятся вокруг извилин, новых отклонений, но норму мы изучили вдоль и поперек. Нет в ней ничего нового, – замотал он головой. – Разнятся лишь способы лечения. Одним нравится разыгрывать драмы по методике старика Перлза, вторым – задушевные разговоры с милым

старичком, а третьим нашим с тобой пациентам чертовски нравится делиться своими фантазиями и свободными ассоциациями на тему секса. Говорить в открытую пока стыдно, а тут за их счет их не только выслушают, а еще и не заявят куда следует.

– Гэбриэл, тогда как быть с теми, кому мы помогли? Та же Рэйчел избавилась от невроза навязчивых состояний...

– От одного избавилась, другой приобрела. Тоже мне лечение, – фыркнул доктор. – Психоанализ – отличный способ выкачивать из людей деньги. А настоящую помощь еще нужно заслужить.

– То есть все ложь?

– Ложь мы говорим лишь недостойным, дабы правда служила только лучшим.

– А кто решает это?

– Бог решает, милая моя.

Лазарь никогда не нравились разговоры доктора и ему подобных о богоизбранности своего народа. Стоит отметить, что Зев злоупотреблял этими разговорами. Он частенько перечитывал Талмуд, который занимал в его рабочей библиотеке почетное место. Книга была редкого издания, в красивом дорогом переплете. Он прибегал к ней в работе с пациентами-евреями. В ней он чаще мог найти «исцеляющие» слова, чем во всех работах того же Фрейда.

– Ты знаешь меня, Мария, я не буду помогать тем, кто моей помощи не достоин. – Гэбриэл снял очки и принялся

их протирать белым носовым платком. Благодаря своему никудашному зрению он не видел выражения лица Марии, не видел, с какой злобой на него смотрели ее темные глаза. – Другими словами, мой дар целителя душ я не трачу на гоев. И тебе не рекомендую мараться.

Мария хотела было что-то сказать, но стук в дверь прервал ее. В кабинет зашла Джулия.

– Что-то случилось, Джулия? – доктор надел очки и с улыбкой посмотрел на в общем-то любимую племянницу.

– Да, – кивнула она. – Позвонил Карл Дим и попросил перенести свой визит. Никак не успеваает.

– Что ж, это и к лучшему. Уже полдень, и я голоден, как волк. – Организм Зева с малых лет отличался высоким уровнем метаболизма, который с возрастом никуда не делся, хотя Гэбриэлу и обещали, что годам к пятидесяти все придет в норму. – Мария, Джулия, вот вы и составите мне компанию.

– Ну дядя, только не греческий ресторан, – приуныла девушка. – Там для меня нет ничего вкусенького.

– Нет-нет! – загадочно заулыбался Гэбриэл и, подняв с пола свой портфель, достал из него цветастый флаер. – Вот, вручили сегодня по пути на работу. – Он протянул его племяннице.

– Плава... рангер... – прочитала Джулия и подняла глаза на дядю. Лазарь едва заметно нахмурилась. – Ресторан балканской кухни. Ты шутишь? Ты хочешь туда пойти?

– А почему нет? – удивился Зев. – Я слышал много отзы-

вов об этой кухне, хвалят. Хочу попробовать.

– Разве это правильно – вкушать еду гоев? – тихо спросила Мария, хмуро глядя на доктора.

– Не пропадать же добру.

– Право, дядя, это некошерная пища, ты же всегда...

Гэбриэл поднял руку вверх, что означало молчать и слушать.

– Я следую зову своего сердца.

– Скорей желудка, – сложила руки на груди Джулия. – Ладно! Надеюсь, там хоть салаты подают. Мария, ты пойдешь?

– Мария? – позвал ее доктор. – Ты пойдешь с нами?

Лазарь на несколько секунд ушла в свои мысли, глядя в одну точку. События недавнего прошлого проносились мимо, и все они были потревожены названием ресторана.

– Не думаю, что у меня есть выбор, – наконец ответила она.

– И тут ты права, – довольно кивнул Зев. – Учись, Джулия.

Втроем они вышли на Пятую авеню и направились по адресу, указанному во флаере. Новый рестораник расположился недалеко от офиса психоаналитика, на Мэдисон-авеню, 860. Выйдя из офиса, все трое сели в «мерседес» Гэбриэла и отправились вкушать заморскую кухню, как выразился доктор.

Ресторан расположился в двухэтажном недавно отремонтированном здании. Соседствовал с маленьким магазинчи-

ком парфюмерии. На крыше красовалась большая вывеска, да и вдоль улицы то тут, то там встречались плакаты с рекламой. Машину пришлось парковать за два дома от места назначения. Несмотря на ранний час, вокруг ресторана уже был ажиотаж. В глубине души Мария надеялась, что мест уже нет.

– Чего ты такая невеселая, а, Мария? – поинтересовался Гэбриэл, беря под руки и ее, и Джулию. – Бери пример с меня! Я в окружении двух прекрасных молодых женщин иду в ресторан. Романтика! – он улыбался, будто ребенок, которого вели в магазин сладостей.

– Да ну, дядя, она вообще всегда недовольна чем-то. Хоть танцуй перед ней, – поддержала его Джулия.

– Ну, дорогая моя, зависит от того, кто танцует. – Он посмотрел на Марию, которая натянуто улыбнулась. – Ничего, Лазарь, я на днях тебя кое с кем познакомлю, вдруг сойдется характерами, – шепотом сказал он так, чтобы его племянница не расслышала.

– Как скажете, доктор, – проговорила Мария.

Над стеклянной дверью ресторана красовался его логотип, лишь отдаленно напомилавший тот, который помнила Лазарь. На логотипе красовался воин в синих очень космических доспехах и шлеме, держащий два перекрещенных на уровне груди меча.

– Какая у них там громкая музыка, – улыбнулся Зев. – Пряма-таки дискотека.

И правда, из заведения доносилась музыка и шум голосов. Гэбриэл открыл дверь, пропуская своих спутниц вперед, и зашел сам. Народу было много, столики на первом этаже были заняты. Было сильно накурено, но едой все же пахло довольно соблазнительно. К гостям подошел официант с довольным выражением лица и предложил пройти на второй этаж, где как раз оставался столик на троих. Зев с удовольствием ухаживал за дамами и с интересом разглядывал дизайн этого милого, по его мнению, заведения. Вокруг было много людей, американцев среди них не наблюдалось.

– Столько иностранцев тут. – Он уселся на мягкий стул, взял в руки меню. – Не слышно английского языка даже. – Зев заговорщически наклонился вперед и тихонько ладонью позвал девушек, они также наклонились. – Давайте и мы не будем выделяться... – сказал шепотом на идиш.

– Дядя... – огорчилась Джулия, которая, несмотря на все нравоучения родственников, дальше бытовых фраз не продвинулась в изучении языка своих предков. – Давайте на испанском, я как раз начала его учить.

– Нужно учить родной, милая моя, – продолжал Зев. – Кто не знает иврита – не образован, а кто не знает идиш...

– Да-да, тот не еврей, – совсем погрузилась Джулия.

Мария смотрела в меню, а боковым зрением разглядывала все окружающее ее пространство и людей, вслушивалась в разговоры вокруг. На миг Лазарь показалось, что она не в Нью-Йорке, а где-то в районе Стари Града в Белграде. Раз-

говоры вокруг были громкие и оживленные, всюду лилась сербская речь. Могло сложиться впечатление, что тут собрались все иммигранты из Сербии.

– Названия тут, я вам скажу, – сжалившись над племянницей, Зев заговорил на английском. – Сам черт ногу сломит, знать бы, что это еще за блюда такие.

– Описания есть же, – все еще изображала из себя «обиженку» Джулия.

– И правда есть!

– А ты что закажешь, а, Мария? – спросила Джулия.

– Я не голодная, ограничусь кофе.

– Да ладно тебе! Мы не кофе сюда пробовать пришли, – отложил в сторону меню Зев, – закажи супчика местного. Я про него слышал хорошие отзывы. Как он там называется... цора, или цоба, или еще как-то.

– Чорба, – поправила его Мария. – Латинская «с» читается как «ч»... Ладно, если советуете, то возьму.

– Что-то ты сегодня не в духе, что тебя угнетает, а, Лазарь? – поправил очки Гэбриэл.

Мария молча смотрела на доктора, доставая из сумки пачку сигарет, медленно вытащила одну и зажигалку. Не спеша так же молча закурила и небрежно бросила зажигалку на стол.

– Нехватка солнца, пожалуй, – ответила она, выпустив клуб дыма.

– Тут соглашусь с тобой. Тоже хочу солнца побольше, и

чтобы лето, жара. И вообще, где наш официант, где этот чернявый сербский парнишка?..

– Он албанец, – снова поправила его Лазарь.

– А какая разница-то? Есть-то хочется.

Мария посмотрела в конец зала, там в углу за столом сидела довольно большая группа людей. Они ей отчего-то не нравились. Спустя пару минут к ним подошел официант и принял заказ. Гэбриэл долго пытал его вопросами о каждом блюде и способе их приготовления. Лазарь же заказала суп, расхваливаемый Гэбриэлом, чизкейк от шефа и большую чашку крепкого кофе. Джулия заметила, что Мария неохотно, сквозь зубы разговаривала с официантом, даже не смотрела на него. Это показалось Джулии не просто странным, а невежливым.

Пока официант рассказывал доктору о еде, Лазарь рассматривала черно-белые фотографии, развешанные на стенах. Их было много, из разных лет, но все они были сделаны в бывшей Югославии. Большинство, правда, в Белграде, в ресторанчике под названием «Plava Ranger». Мария рассматривала лица незнакомых людей и думала о чем-то своем, когда вдруг ее взгляд привлекла какая-то фотография. Она напряженно вглядывалась в одно лицо.

– Молодой человек, мы тут с моей коллегой поспорили, я считаю, что вы серб, а она говорит – албанец, так кто же вы? – как из сна донесся до Лазарь вопрос Гэбриэла официанту. Тот явно начинал чувствовать себя неуютно среди этой

еврейской троицы. Да и не любил он, раздражался, когда его называли сербом.

– Албанец я, – не без гордости произнес он. – Слышали о Великой Албании? Ну так вот я оттуда.

– Признаться, не слышал, – ответил Зев.

– Потому что ее нет и никогда не было. – Лазарь затушила сигарету и подняла глаза на официанта впервые за все время. – Может, вы уже займетесь нашим заказом?

Официант молча кивнул, но всем своим видом показывал, что не прочь был бы вступить в острую дискуссию.

– Ну вот, – протянула Джулия, – теперь нам плюнут в еду.

– Боже мой, почему? – удивился Зев.

– Она его оскорбила, – девушка кивнула на Марию, – и зачем нужно было так говорить?

– Я люблю говорить правду, – пожалала плечами Мария.

– Собственно, за это я тебя и ценю, – поднял бокал с водой Гэбриэл и сделал глоток. – Прямо в нетерпении весь, хочу попробовать еду! – он довольно потер ладони.

– Прошу меня извинить, – Лазарь поднялась с места, – отойду на минутку.

Мария пошла в конец зала мимо шумной и неприятной ей компании людей в сторону туалетной комнаты. Никто не заметил, как она прошла мимо комнаты и подошла к двум фотографиям на стене. Она внимательней всмотрелась в заинтересовавшее ее лицо. Фотография была очень старой и плохо сохранившейся, но лицо было ей так знакомо. Три че-

ловека в камуфляжной форме, с автоматами и винтовками стояли на фоне какого-то палаточного лагеря. У одной из палаток висел плакат, гласивший: «Путь определяется делом». В нижнем правом углу фотографии было нацарапано: «Обилич, 1963». Мария коснулась рукой фотографии и провела пальцем по лицу мужчины, стоявшего в центре. Незнакомый с вызовом смотрел вперед, на его лице застыла довольная улыбка, в глазах был блеск, азарт, всем своим видом он показывал, что готов сразиться с любым врагом.

– Делом... это и есть знак? Еще откуда у них твоя фотография, хотела бы я знать? – прошептала она.

– Из архива, – ответил подошедший к ней уже знакомый официант-албанец.

– Из чьего? – не глядя на него, спросила Мария.

– Понятия не имею, – покачал он головой. Лазарь чувствовала, как он борется с внутренней необъяснимой агрессией по отношению к ней. – Ваш заказ уже на столе, – сдержанно проговорил он.

– Злишься на правду? – Лазарь повернулась к нему лицом и смерила взглядом, не отрываясь смотря в его глаза.

– Не понимаю... – начал было он. – Вообще, знаешь, тебе стоило бы уважать мнение других, – тихо проговорил он и огляделся по сторонам. Никто не смотрел в их сторону.

– Мнение? – удивленно вскинула брови Мария. – Это ты про фанатичную идею своего народа?

Официант уже не мог сдерживаться, эта женщина злила

его, было в ней что-то такое, что нельзя было объяснить, это можно было только уничтожить. Вроде бы она ничего такого не сказала, но в тот момент он был уверен, что лучше бы ее не было среди живых. Он резко схватил ее за шею и прижал к стенке. Лазарь лишь хмыкнула.

– Да, именно так, герой, только так вы и можете. – Официант не верил своим глазам, на лице женщины была улыбка, ни капли страха. – Мечты не строят на костях других народов, мальчик. – Она со всей силы наступила ему каблуком на ногу, его хватка тут же ослабла, и Мария оттолкнула его от себя сильным ударом в живот. У албанца перехватило дыхание.

– Тварь! – прошипел зверенышем он. – Убить тебя мало, расистка хренова!

– Ха! – ухмыльнулась Лазарь. – Многие пытались, но ты можешь тоже попробовать, особенно после своего увольнения. – Она подняла указательный палец вверх, показывая на камеру, все это время ведущую наблюдение.

– Будь уверена, что домой спокойно тебе не ходить. – Парень поднялся с пола.

– Да, дружок, расскажи мне что-нибудь новенькое, чего я о вас еще не знаю.

– Да пошла ты! – потом он еще выругался на албанском и поспешил ретироваться. Спустя несколько секунд скрылся в комнате для персонала. Спустя десять минут он будет сидеть в кабинете директора ресторана и не сможет толком объяс-

нить, что с ним только что произошло. Будто дурман, кто-то управлял им. Однако это не оправдание, и вечером того же дня официанта уволят.

Лазарь как ни в чем не бывало вернулась за стол, где ее уже дожидалась куриная чорба. Доктор и Джулия с удовольствием уплетали запеченное на гриле мясо с овощами. Зев был явно доволен едой, румянец на щеках выдавал его.

– Что ж, старый еврей доволен, я хочу вам сказать. – Гэбриэл похлопал себя по животу. – Кормить тут умеют. Боюсь, что работать сегодня я не захочу.

– Согласна! – поддержала его Мария. – Суп отменный, как и кофе.

– Хм, мне кажется, или настроение у тебя улучшилось? – спросил доктор. – Что, там в туалетной комнате выдают печенки? – он оглянулся назад.

– Да, а потом догоняют и обещают убить. Это так воодушевляет. – Лазарь сделала глоток кофе.

– Те люди в углу выглядят крайне недружелюбно, я вам так скажу. – Гэбриэл не шутил, они и вправду притихли и уже всю разглядывали посетителей. – Полагаю, что нам пора бы вернуться в офис.

– Ты думаешь, они могут что-то учинить тут, дядя? – забеспокоилась Джулия.

– Посмотри вокруг, дорогая, мы в окружении дикарей, – сказал он на идиш. Мария смотрела на людей, беспокоивших

доктора. – Не удивлюсь, если это какие-то преступники. Вид у них такой.

– В чем-то вы правы, Гэбриэл, – также на идиш согласилась с ним Лазарь. – Только опасны они не для нас, а для кого-то другого. Они явно кого-то ждут.

– Ну вот и давайте не будем ждать вместе с ними, а просто удалимся.

– Я за! – бойко поддержала инициативу Джулия. – Мне тут все равно не нравится.

Вдруг голоса людей стала заглушать музыка. Из динамиков понеслись патриотические мелодии и песни сербских добровольцев. Довольные возгласы гостей ресторана даже заглушали музыку. Некоторые принялись подпевать.

– Сколько страсти, – заметил Зев. – Но, дамы, мы уходим.

Как только все трое поднялись из-за стола, в динамиках воцарилась тишина. Зал снова наполнился голосами. Троица вышла из ресторана и направилась к машине, когда Лазарь вдруг обнаружила, что забыла зажигалку на столе.

– Не ждите меня, – сказала она. – Я доеду на автобусе.

– Да купишь себе, велика потеря! – махнула рукой Джулия.

– Мне эта дорога как память.

– Ладно, только не задерживайся, – садясь в машину, сказал Зев. – У нас важный человек будет в пациентах.

– Я помню.

Мария вернулась в ресторан, поднялась на второй этаж

и подошла к их столику. Зажигалка лежала на столе нетронутой. Действительно непростая – старая, выдавшая виды, из отличной стали, с вырезанным на лицевой стороне драконом. Как только Лазарь взяла ее в руку, снова заиграла музыка. Музыка, от которой по спине ее пробежал холодок.

...«Видовдан», протяжно запела женщина, взгляд Марии замер, остановился на фотографии в конце зала, а женщина продолжала петь:

*Ко вечни пламен у нашим срцима,
Косовског боја остаје истина
Куд год да кренем теби се враћам поново,
Ко да ми отме из моје душе Косово!*

Лазарь вслушивалась в слова песни и чувствовала, как сердце откликается на каждое слово. Она сильнее сжала зажигалку в руках.

– Никто не отнимет из моего сердца Косово... куда бы я ни пошел, – тихо повторила она слова песни. Затем хмыкнула: – А смысл?.. Я ничего не могу, что бы вы там себе ни думали.

– Все в порядке, мисс? – спросил ее пришедший убрать со стола официант, уже другой.

– Да, – ответила Мария, – забыла зажигалку просто.

– Всего доброго, приходите еще, – улыбнулся чернокожий официант, который сильно выделялся на общем фоне персонала.

Она вышла из ресторана и свернула на Восточную Семьдесят первую улицу, отсюда было рукой подать до офиса, и непонятно, зачем доктор Зев решил ехать на машине. Лазарь шла как в тумане, она не смотрела по сторонам, а перед глазами все стояло лицо улыбающегося мужчины со старой фотографии. В голове был сумбур из мыслей, но ни одна из них не могла определить путь дальше. Все цели были недостижимы и таковыми останутся в обозримом будущем.

– Какой же все это было глупостью! Не нужно было их слушать, нужно было остаться, – ругалась на саму себя Мария. – Ты просто хотел отправить меня куда подальше, и не было никакой мысли о будущем у тебя. – Она в сердцах пнула жестяную банку, валявшуюся на тротуаре. Та отлетела на дорогу, под колесо проезжавшего мимо мусоровоза.

– Эй! – крикнул ей тут же один из операторов машины. – Аккуратней!

– Да пошел ты! – ответила ему Лазарь, показав средний палец. Мужчина ей ничего не ответил, просто отвернулся. Она остановилась напротив припаркованной у обочины машины и посмотрела на свое отражение в зеркальном стекле. – Ну и вид... – ветер растрепал ее волосы, но и они не могли скрыть какой-то странный, озлобленный взгляд. – Что ж, не удивительно, что они меня все так боятся. Я бы тоже боялась. – Поправив кое-как прическу, она пошла вниз по Пятой авеню в сторону офиса.

Через пятнадцать минут она была на месте. Джулия болтала с кем-то по телефону, но, увидев Марию, отвлеклась.

– Он уже пришел, – тихо сказала она. – Дядя сказал, чтобы ты сразу зашла, как придешь.

– Кто пришел? – забыла про важного гостя Лазарь.

– Мерфи.

– Эдди? – переспросила Мария.

– Какой еще Эдди? Кристофер Мерфи, – насупилась Джулия. – Ой, иди в кабинет уже, – махнула она рукой и вернулась к разговору с подружкой.

Лазарь поймала себя на том, что где-то уже слышала это имя.

– Мария! – шикнула Джулия, протягивая ей какой-то буклет. – Возьми вот, это он принес.

Мария взяла тонкий буклет светло-зеленого цвета. На ней красовался типичного вида американец польско-ирландского происхождения, сорока двух лет от роду. С отрепетированной еще в младшей школе улыбкой, с укладкой от стилиста жены и аккуратненько подстриженными бровками метросексуала. От его полуулыбки разило холодом и ненавистью к большей половине населения планеты, а еще его глаза говорили о том, что жестокости ему не занимать, как и самолюбленности. В тонкой брошюрке было подробно написано, как именно Кристофер собирается сделать жизнь рядовых американцев лучше. Поддержка гей-браков и запрет оружия в личном пользовании, насильственное насаждение

демократии во всех возможных формах по всему свету, а главное – тонкой невидимой нитью шло послание, что американцы – это богоизбранный народ, которому дано вершить судьбы людей. Лазарь смяла брошюру и выкинула ее в мусорное ведро. Прежде чем войти в кабинет, она снова бросила взгляд на смятую бумагу. Непосредственным начальником Мерфи был Джозеф Байден, председатель комиссии по международным отношениям в Сенате.

– А это любопытно, – тихо сказала Лазарь и вошла в кабинет доктора.

– Мария! Наконец-то! – всплеснул руками Зев. – Позволь представить тебе, Крис, мою помощницу, талантливого психоаналитика Марию Лазарь.

– Рада знакомству, – улыбнулась Мария, подходя к поднявшемуся с места Мерфи.

– Взаимно. – Он пожал ее руку. Его ореховые глаза с любопытством рассматривали девушку, его внимание особенно привлекли ее темные глаза.

– Так, присаживайтесь оба. Все-таки ты пришел к нам не разговоры разговаривать. – Мерфи улыбнулся и кивнул. – Что тебя беспокоит, друг мой?

– Ты удивишься, – начал он, – подумаешь, что пришел я не по адресу. – Марии не нравилась его мимика, он то и дело поднимал брови, морщил лоб, будто пытаясь зрительно увеличить свои маленькие пороссячьи глазки. – Но мой врач посоветовал мне обратиться к тебе.

– Я весь внимание, – сложил руки на груди Гэбриэл, задумчиво глядя на потенциального пациента, способного принести неплохую выручку. Даже несмотря на то, что Мерфи был наполовину евреем. Зев всегда недолюбливал полукровок.

– Играя в футбол, еще в юности, неудачно упал, повредил колено. – Он откашлялся. – Колено вылечили, но такая напасть: когда какое-то важное событие – у меня нога неметь начинает. Будто я переношу стресс на нее. Мне это крайне мешает жить. Не могу понять истоков. Мой врач говорит, что хороший психоаналитик мог бы решить эту проблему. Однако я уже проходил терапию – не помогло, – развел он руками, закидывая ногу на ногу. – Вспомнил, что есть ты и твоя техника лечебного гипноза. Это мне может помочь?

– Жаль, что так поздно меня вспомнил, – снисходительно улыбнулся Зев. – Могли бы помочь тебе раньше, Крис.

– Да уж, сглупил. – Снова улыбка, будто извинение. – Да и путь мне неблизкий. Сами понимаете, я живу в Коннектикуте, работаю в Вашингтоне. В Нью-Йорке бываю нечасто.

– Слава богу, что выбрались наконец.

– Ну так что, возьметесь за меня? – он вопросительно посмотрел сначала на Гэбриэла, затем на Марию.

– Мария, милая, попроси Джулию нам приготовить кофе.

– Я сама приготовлю, – ответила Лазарь и, встав с места, прошла в отдельную комнату-кухню. Двери там не было, и она могла слышать все, о чем говорили доктор и пациент. На

самом деле ей было абсолютно неинтересно. Она на автомате достала две чашки из шкафа и включила кофемашину.

Машина работала негромко, но все же некоторые слова терялись. Лазарь смотрела на свое отражение в зеркале на стене. Не зная зачем, она вслушивалась в разговор.

– Кстати, доктор Зев, можете меня поздравить.

– С тем, что наконец-то обратились к специалисту? – улыбнулся доктор.

– С этим тоже, но больше с тем, что я теперь официально в Сенате являюсь главным по вопросам Балкан. – Мария снова подняла взгляд на свое отражение и подошла ближе к зеркалу, ей показалось, что линза съехала немного.

– И что же это значит, Крис? – изобразил интерес Зев.

– Я работаю в комиссии по международным отношениям, в европейском отделе, со специализацией по странам бывшей Югославии.

– Интересно.

– Да, теперь я возглавил эту комиссию. Могу смело влиять на международную политику США в том регионе.

– А ты хорошо в нем разбираешься?

– Не очень, бывал там несколько раз, но понимаю, что там столько всего намешано у этих аборигенов с автоматами. Дикари, ей-богу.

Мария замерла у зеркала, вся превратившись в слух.

– Сегодня вот у меня довольно знаменательный день. Долго добивался встречи с одним господином. Наконец-то он

согласился со мной встретиться.

– И кто же этот человек?

– Эксперт по Балканам, легенда в своем роде – Уильям Уолкер. Слыхали о таком?

По спине Лазарь пробежал холодок, а глаза будто остекленели. Она разлила кофе по чашкам и отнесла их в кабинет доктора.

– Спасибо, дорогая, – поблагодарил ее Зев. – Конечно, слышал, Кристофер, Уильям мой хороший друг. – Мария перевела глаза на доктора. Мысли бешено сменяли друг друга, рождая то ли план, то ли мечту.

– Я сегодня после вас встречаюсь с ним.

– А разве он в Нью-Йорке?

– Да, приехал навестить свою кузину. Остановился у нее. Такая честь для меня!

– Да уж! Поздравляю! Приглашение от Уильяма дорогого стоит. Он профессионал.

– Отлично. А как много времени займет сеанс? – Мерфи вопросительно посмотрел на Гэбриэла.

– Сеанс проведет Мария. Она мастер у нас, – улыбнулся Зев, многозначительно глядя на Лазарь, давая понять, что гость ему более не интересен.

– Смотря какого результата вы хотите достичь.

– Что ж, хочу, чтобы мое колено больше не болело, – развел руками Мерфи и снова улыбнулся отбеленными зубами.

– Сорок минут, мистер Мерфи, – холодно ответила Ма-

рия.

– Что вы, – махнул он, – зовите меня Крис.

– Как скажете.

Вдруг зазвонил мобильный телефон Гэбриэла. Он извинился перед Крисом и ответил на звонок.

– Гэбриэл Зев, слушаю. – Звонили с какого-то незнакомого номера. – Да, конечно, сейчас выезжаю. – На его лице была обеспокоенность. – Кристофер, прошу меня извинить, это звонили из полиции, задержали моего племянника. Должен идти вызволять негодника, пока его отец не прибил паршивца. Мария о тебе позаботится. Давай, Мария, начинай. – Зев направился к гардеробу и достал свои уличные ботинки и пальто.

Лазарь убрала со стола чашки и отнесла их на кухню.

– Как долго ты пробудешь в Нью-Йорке?

– Еще три дня.

– Тогда обязательно приходи завтра. Закрепим результат. – Гэбриэл принялся зашнуровывать ботинки, отчего-то ему это удавалось с трудом.

Мария помыла чашки и убрала их в шкаф. Снова подошла к зеркалу и снова посмотрела себе в глаза. Линзы отчего-то мешали смотреть, безумно хотелось их вынуть. Она сняла с вешалки свою сумку и достала контейнер для линз. Открыла его и положила перед зеркалом. Одним ловким движением руки она вытащила сначала одну линзу, затем другую.

– Я вернусь через час, Мария! Крис, не прощаюсь! – Зев

вышел из кабинета.

– Устраивайтесь на кушетке у окна, – сказала из кухни Мария. Две темно-коричневые линзы медленно тонули в растворе для линз в сером контейнере.

Глава III

Вашингтон, 1998 год

Сентябрь выдался довольно теплым, хотя и дождливым. Над районом Туманной низины, где с давних времен располагались всевозможные административные и учебные заведения, как всегда с утра, висел легкий туман. Многие американцы считают довольно символичным тот факт, что Госдепартамент США располагается именно в этом месте, которое отражает его суть. Оттого частенько в народе Госдеп так и зовут – Туманная низина. Хотя сам он располагался в здании Гарри Трумэна.

К большому шестиэтажному зданию бежевого цвета с большими окнами и «невидимым» седьмым этажом подъехал сияющий своей чистотой белый автомобиль. На заднем пассажирском сидении дремал пожилой человек. Правда, мало кто мог на глаз определить его возраст. Он был загорелым, волосы выгорели на солнце. Было очевидно, что он пробыл достаточно долго в какой-то жаркой стране. На коленях у него лежал коричневый кожаный портфель. Машина остановилась у центрального входа в здание. Велосипедная парковка была уже вся занята – большинство сотрудников на своих местах. Правда, в 2001 году прямой подъезд ко входу будет перекрыт цветочными клумбами.

– Сэр, – обратился к нему водитель, глядя на пассажира

через зеркало заднего вида, – мы приехали. – Тот не реагировал, водитель повернулся к нему. – Мистер Уокер, сэр, – сказал он уже громче и хотел было коснуться его рукой.

– Да-да, – пробормотал он, открывая глаза и поправляя сползавшие на нос очки. – Подъезжай через два часа. – Уокер посмотрел на часы. – Да, в тринадцать. Ни минутой позже.

– Да, сэр, – кивнул водитель.

Пассажира открыл дверь и не спеша выбрался из машины. Закрыв дверь, хлопнул ладонью по крыше автомобиля. Уокер посмотрел по сторонам, а затем поднял голову вверх. Он всегда любил свою работу, но отчего-то не любил бывать именно в этом здании. Он поздоровался с охранником и вошел в здание через стеклянные двери. В холле его уже встречал помощник госсекретаря. Уокера проводили в кабинет Мадлен Олбрайт на шестом этаже. В старинном кабинете было две просторные комнаты. Уокеру предложили устроиться поудобней в гостевой части. Высокая тяжелая дубовая дверь закрылась за ним. Он сделал пару шагов по темному паркету и ступил на разноцветный ковер с причудливыми узорами. Подойдя к маленькому деревянному столику, он взял из белой вазочки печенье. Гость вольготно расположился на уютном голубом диване в викторианском стиле и окинул взглядом комнату. Снова открылась дверь, помощник принес ему чашку кофе и поставил ее на столик.

– Мадам госсекретарь сейчас подойдет. У нее важный те-

лефонный разговор.

– Хорошо, – кивнул Уокер.

Он снова остался в комнате один. Наконец через двенадцать минут в комнату вошла энергичная Олбрайт. Уильям отметил про себя, что глаза у нее горели, она явно что-то задумала. Не зря ведь все газеты пестрят заголовками – «Мадлен взялась за старое» и тому подобное.

– Здравствуй, Уильям, – улыбнулась она и села в кресло рядом с диваном. Невзирая на положенный этикет, она закинула ногу на ногу и с вызовом посмотрела на Уокера. – Что ж, ходить вокруг да около я не буду, а сразу объясню, зачем тебя вызвала.

– Весь внимание.

– Речь пойдет о... – по ее лицу пробежала тень неприязни и отвращения, хорошо скрываемого, но не от агента ЦРУ в отставке, – ...Югославии.

– Не удивлен, – ухмыльнулся Уокер.

– Во многом я вижу международную политику как одновременную шахматную игру с несколькими противниками. До сих пор противники были умные, но далеко не сильные. На днях, хочу тебе сказать, в мою игровую комнату ворвался Слободан Милошевич. И этот человек портит нам игру на Балканах. А этого мы допустить не можем.

– Насколько мне известно, мы контролируем ситуацию, наше сотрудничество с албанцами вполне успешно в Косово.

Мадлен недовольно фыркнула.

– Пфф, с этими дикарями только сотрудничать. Они не могут между собой договориться, выделяемые средства тратят на свои нужды. Чтобы организовать несчастную демонстрацию в Приштине, нам пришлось полгода капать им на мозги.

– Но убивают сербов они все же с удовольствием.

– В том-то и дело. Прикрывать их промахи и освещать в нужном ключе становится все трудней. Одна Сребреница чего нам стоила. Правда, и про нее вспоминают все реже.

– Что ж, с селением Преказ получилось очень даже неплохо. Мировая общественность поверила и дала отличную реакцию.

Госсекретарь довольно закивала головой.

– Три месяца, Уилл, – она показала на пальцах, – три чертовых месяца ушло на подготовку. Потом, этот идиот Хашим Тачи все рвется в бой, со своими идеями о Великой Албании портит нам все карты. Как с такими людьми убедить мир бомбить этих тварей?..

– Я думаю, и его можно обуздать. Если не деньгами, то угрозами. Как все дикари – он боится за свою шкуру.

– Ха! Яшари мы уже потеряли. Сербы добрались и до него. Впрочем, нам это только на руку, есть кого рисовать на плакатах и за кого ставить свечи. – Она замолчала на несколько секунд, будто вспомнив что-то. – Я полагала, что заседание контактной группы в Лондоне изменит ситуацию, но паршивый лягушатник Видрин начал вилять, а этот мерзкий рус-

ский отказывал во всех карательных операциях и не дал начать даже санкционную войну. У русских вообще слишком много прав в мире, но это дело других лет.

– Я слушал все выступления, любопытно, что Франция, как и Россия, выступает за сохранение Косова в составе Югославии.

– Оно им так дорого, – ухмыльнулась Мадлен, – оттого следует забрать его у них. Чтобы пострадали перед смертью. Хочется вырвать этому жалкому народишке сердце и растоптать его на их глазах.

– Давно не видел вас такой эмоциональной, мадам.

– Смешно. Албанцы думают, мы дадим им независимость и позволим развивать Косово, на которое у них нет никаких прав, а на деле мы просто будем разрушать регион. Хочу, чтобы ничего там не было – голое поле, залитое кровью и заваленное костями.

– Видимо, нам придется устроить для мировой общественности что-то более драматичное и кровавое, – развел руками Уолкер.

Госсекретарь встала с кресла и подошла к окну.

– Совет национальной безопасности и Пентагон чуть ли не каждый день высказывают недовольство моими декларациями о намерениях. Эти трусы в администрации боятся угрозы очередных военных действий. Отчего-то тут в Америке все так боятся этих Балкан.

Уокер отметил, как сжимает и разжимает кулаки Олбрайт.

Всем своим видом она показывала решимость начать войну против миллионов людей. Однако причины такой глубинной ненависти Уильям понять не мог.

– Мадам Олбрайт, я в целом знаком с ситуацией на Балканах, но как я могу быть полезен вам?

– Ты отлично проявил себя и в Южной Америке, и на Балканах, умеешь делать нужную США картинку. Я хочу, чтобы ты возглавил контрольную миссию ОБСЕ в Косово. – Она смерила Уокера хмурым взглядом. – Организуй мне повод начать бомбардировки. Раздавай интервью, разъезжай по этому проклятому Косову и тыкай медийщиков носом в преступления сербов перед албанцами. Выворачивай правду наизнанку, ври, как никогда не врал, показывай беспомощность всей этой миротворческой организации... просто делай свою работу.

Уокер слушал госсекретаря, глядя перед собой. Когда она замолчала, он молча поправил очки.

– У меня есть несколько идей, – тихо проговорил он.

– Вот и отлично. Всех этих слабаков тут я беру на себя. Сотрем с лица земли сначала этих непокорных, потом и за Россию возьмемся.

Спустя неделю Уильям Уокер был уже на Балканах, выполнял свой приказ. Каждый вечер, иногда через день он отсылал в Вашингтон отчеты о проделанной работе и делал так, чтобы все они просачивались в СМИ. Образ сербов в глазах

мировой общественности должен был стать синонимом дьявола в самых жутких описаниях.

Село Рачак, Косово, 9 января 1999 года

Армейский джип без каких-либо опознавательных знаков въехал в село под покровом ночи. По дороге к своему пункту назначения водитель и пассажир видели, как люди в камуфляжной форме роют окопы вокруг села. В селе было не больше ста двадцати домов. Большая их часть пустовала, лишь домов двадцать служили казармами и временными штабами для восхваляемой в США подрастающей демократии Освободительной армии Косово. Джип остановился у отдельно стоявшего дома, выделявшегося тем, что стоял он поодаль от других и был значительно богаче по внутреннему убранству.

У ворот толпились вооруженные люди, наводя автоматы на джип, они с интересом разглядывали уже знакомого американца, о чем-то переговаривались между собой.

– Вечер добрый, джентльмены! – поприветствовал их Уильям Уокер, выходя из машины. – Я к Арджану, – сказал он и сделал несколько шагов к воротам, албанцы неохотно открыли ворота и пропустили его внутрь.

Вокруг дома также были расставлены охранники, патрулировавшие всю территорию двора. Внутри было довольно грязно, повсюду валялся мусор, пол был в грязи и в крови. В гостиной был организован медпункт для приближенных к

главному, остальных латали в другом доме или вовсе убивали, дабы не тратить медикаменты. Без капли брезгливости на лице Уильям поднялся по лестнице на второй этаж. По ковровой дорожке он дошел до кабинета. На стареньком, потрепанном жизнью диване расположился в камуфляжной форме глава этого небольшого отделения ОАК. На полу под диваном лежали два автомата. Уокер с презрением смотрел на этого человека, тот хитро улыбался, подбрасывая армейский нож вверх и ловя его то левой, то правой рукой.

– Ну, привет, американец! – с сильным акцентом произнес Арджан. – Как видишь, все идет по плану, роём окопы. – Гость подошел к письменному столу у окна, а мужчина внимательно следил за его передвижением. – Каждый день нападаем на полицейских. Никого пока не убили. Кажется, ранили одного или двух. Не вдавался в детали.

– У меня для тебя плохие новости, друг мой, – облизнув пересохшие губы, сказал Уильям, присаживаясь на стул и закидывая ногу на ногу.

– Мне не привыкать, – цокнул Арджан. – Пока мне за это платят, я готов слушать любые новости.

– М-да, – потер руки Уокер, – сегодня полиция сообщила, что 15 числа они устроят на вас облаву. Ночью.

– И?

– Готов ли ты умереть ради светлого будущего своего народа?

Арджан поймал нож и замер.

– Моя смерть ничего не изменит, – подумав, сказал он.

– Это ты так думаешь.

– Чего ты хочешь, американец? – мужчина поднялся с дивана и закрыл открытую дверь. Гость шумно вздохнул.

– Хочу, чтобы вы дали им бой. Нужно, чтобы перебили большинство, мне нужны десятки трупов.

– Ну, трупы – это не проблема.

– Ты не понял, – покачал головой Уокер, – если вы убьете сербов, то они это повернут в свою пользу. Вы возьмете своих мертвых и переоденете их в гражданское. Твоя задача – сделать так, чтобы все поверили, что сербы убили мирное албанское население.

– Хех, – ухмыльнулся Арджан. – И смысл? Это позволит вам начать против них войну?

– Тебе не нужно понимать смысла всего, тебе просто нужно сделать свою работу.

– Сколько?

– Если все сделаешь как надо, то два миллиона долларов.

– Я хочу пять. – Глаза Уокера зло сверкнули. – Или мы просто уйдем в горы, и ты не получишь свои гражданские трупы.

– Арджан, сделай работу, а вознаграждение найдет тебя, – шумно выдохнул гость.

– Значит, договорились, – улыбнулся мужчина.

Штимля, Косово, 15 января 1999 года, 17.00

В отделении полиции города Штимля шло экстренное собрание всего личного состава. Присутствовало 110 полицейских. Все они будут задействованы в сегодняшней ночной зачистке села Рачак от боевиков ОАК. Все внимательно слушали командира, иногда прерывая его речь вопросами. На доске за его спиной висели три разные карты и много снимков местности. Позади всех у стены стоял молодой лейтенант Милош Лазарь. Несмотря на свои двадцать четыре года, он уже успел поучаствовать в разных операциях против террористов. А с ОАК он и вовсе был знаком не понаслышке. Он вполуха слушал план наступления, но некоторые факты ему не давали покоя. Ему крайне не нравился тот факт, что ОБСЕ была оповещена об их операции. А еще на днях его лазутчики доложили, что неизвестный приезжал в Рачак ночью и вел разговор с Арджаном.

– Выдвигаемся в два часа ночи, – закончил командир. – Всем быть в условленном месте. Начало операции в три. Вопросы? – Полковник Душан Милович окинул взглядом своих подчиненных. Один поднял руку. – Да, Милош?

– Полковник, вы не думаете, что это ловушка?

– Не понимаю тебя, лейтенант, – мотнул головой Душан.

– Мы уже не раз видели, во что наши победы оборачивают американцы. Что, если и тут будет что-то подобное?

– Даже если так, правда остается с нами. Мы уничтожим горстку тех, кто не дает жить мирному населению спокойно.

– Это все равно, что рубить ящерице хвост, который снова

отрастет. А нужно рубить голову.

– Никто не знает, где голова, Милош.

– Или просто боятся.

– Возможно, – согласился полковник. – Все свободны. Собрание окончено.

Полицейские спешно разошлись, до ночи еще хватало дел. Милош остался в зале собраний наедине с полковником.

– Милош, ты хороший полицейский, отличный солдат, настоящий воин, но твое горячее сердце может тебе навредить. Мы просто выполняем приказы, а не обсуждаем их. – Душану было пятьдесят четыре года, и порядок он охранял с юности. Лазарь приходился ему крестником, и оттого его крайне беспокоил взрывной нрав Милоша. – Как там Сенка поживает? – решил сменить тему полковник. Зеленые глаза парня впились в лицо Душана. – Что-то не так?

– У нее все хорошо... надеюсь. Давно ничего не слышал от нее.

– Когда же ты ее наконец замуж позовешь? – улыбнулся Милович.

– Душан, – Милош сделал пару шагов к полковнику, – измени план.

– Не могу, – покачал он головой. – Связан по рукам и ногам.

– Американцы давно ищут повод напасть на нас. А убийство албанцев чем не повод?

– Террористов, сын мой, террористов. Мы оповестили их

о каждом, кто там скрывается. Ты можешь не ходить.

– Ну уж нет, – мотнул он головой.

– Ладно, – махнул рукой Милович. – Послезавтра езжай в свой отпуск, ты давно просил. Сенку свою проведешь заодно.

– Спасибо.

– Только побрейся, а то напугаешь ее еще.

Милош и Душан улыбнулись.

– Она не из пугливых, – тихо ответил Лазарь.

– И смотри, чтобы тебя не постигла судьба Пршича... нам не нужны убитые полицейские.

В три часа ночи небольшой отряд полицейских и военных приступил к выполнению плана. За ночь предстояло окружить село полностью. Одна группа заняла пустовавшие свежие окопы, другие группы шли вдоль дорог. К восходу первый пункт операции был выполнен – селение было окружено полицейскими и военными.

Арджан в эту ночь спать не собирался. Он уже выделил для себя тех пятьдесят несчастных, чьими жизнями он пожертвует в утренней резне. Для остальных же он приготовил план отступления. На деле никто из албанцев не хотел погибать в угоду американцам. Пускай и за большие деньги и синенькие паспорта с орлом.

Лейтенант Лазарь был в первой группе и находился в окопе у горы. Отсюда отлично просматривалось все село, особенно дом-штаб, который был как на ладони. Рядом с Милошем, также вооруженный до зубов, был его друг Радко Симич. В отличие от высокого и черноволосого загорелого Милоша, Радко был ниже, бледней и к тому же рыжий. Что, как он считал, выдавало в нем аристократа.

– Думаешь, все-таки ловушка там? – спросил Радко у друга.

– Нутром чую, что это против нас повернут. Этот американец, разъезжающий по нашей земле, ищет что-то, вынюхивает. Сенка мне пересказывала статьи на основе его доносов, так там все с ног на голову. Мы плохие – они хорошие.

– М-да, не к добру это. Как тебе кажется, будет война?

– Она уже идет, Радко, тебе ли не знать.

– Да-а, – выдохнул он, – каждый раз надеюсь услышать другой ответ.

Как только на горизонте забрезжил свет, сербы перешли в наступление. Арджан поднял своих людей по тревоге и приказал обороняться до последнего выстрела. Группу из двадцати человек он отправил к окопам у горы.

– Милош! – шепнул Радко, протягивая бинокль другу. – Бегут, вооружены до зубов!

– Отправим-ка их к праотцам, друг, – тихо сказал Милош.

– Отличная идея, брат.

Подбежав к окопам, албанцы поняли, что те заняты полицейскими. Не успели они взвести курки, как были убиты выстрелами буквально в упор. А в это время шло наступление других групп. Террористы отчаянно отстреливались, но было в этом что-то показное, спланированное. Группе Милоша было приказано выбраться из окопов и проверить подступы к селу. Некоторые боевики оставили попытки вырваться из Рачака и предпочли вернуться с окраин. Как только отряд Милоша вошел в село, по радиации поступил приказ зачистить штаб – дом, стоявший в стороне от других. Три группы направились туда, пока оставшиеся в живых албанцы пытались отступить к горам.

Лазарь с группой ворвались в дом, в ту же минуту на тот свет отправились четыре боевика. Группа полицейских разделилась, Милош и три человека отправились на второй этаж. Они быстро проверили все комнаты – никого. Трое спустились вниз, Милош замешкался, что-то привлекло его внимание. Он вошел в кабинет, подошел к столу и взглянул на разбросанные бумаги. Среди всего прочего было и письмо с печатью. Перекинув автомат в другую руку, Милош взял письмо. На синей печати был узнаваемый американский ястреб.

Дверь за спиной Лазаря захлопнулась. Когда он обернулся на звук, перед ним стоял Арджан с пистолетом в вытянутой руке.

– Какой ты любопытный, – улыбнулся албанец. – Знаешь, что это такое? – Он кивнул на письмо в руке полицейского. – Это приговор вам, сербам. А знаешь, кто подписал? Правильно, Штаты подписали. Вот сегодня и ваш последний день.

– Скорее твой, – ответил Милош.

– Я выстрелю раньше, чем ты, – сказал Арджан. – Хотя, признаюсь, мне крайне неприятно, что какие-то американцы вмешиваются в наши дела. Неправильно это. Лучше бы мы сами все решали, да, Милош? – Полицейский молчал. – А ты наверняка уже знаешь, что вся эта ваша бойня напрасна. Все уже спланировано наперед, и не дадут вам до конца все завершить. А знаешь почему? Потому что и среди твоих братьев-сербов есть предатели, кто продался Западу с потрохами.

– Не сомневаюсь, но их меньшинство.

– Ты еще удивисься. Но вы всегда проигрывали из-за предателей. Так будет и в этот раз, – взвел курок Арджан.

– ...Давно хотел тебя убить, – выдохнул Лазарь. – Все никак шанса не выпадало. А письмо я заберу. Пригодится.

– Хороший сегодня день. Убью тебя, потом и до твоей банды доберусь, и до девки твоей... как ты там ее зовешь?.. Ах да, – ухмыльнулся Арджан, – цветочек.

– Не в этой жизни, – спокойно ответил Милош, убирая письмо в карман.

Затем полицейский резко отпрыгнул в сторону, албанец

тут же начал стрелять, Лазарь выпустил очередь из автомата в ответ. Арджана отбросило к стене, он сполз на пол, заливая его кровью. Все это время глаза его были открыты. Спустя несколько секунд в кабинет вбежали другие полицейские. лейтенант Лазарь лежал на полу без сознания, под ним медленно расплзалась лужа крови.

– Милош! – подбежал к нему Радко и перевернул друга на спину. Арджан явно метил в сердце, но промахнулся.

Перестрелки и локальные бои с боевиками продолжались до обеда. После пятнадцати огонь стих. Неожиданно для полицейских пришел приказ возвращаться на базу, оставить лишь две группы для охраны Рачака. Ближе к вечеру со стороны Езерска-Планины к боевикам подошло подкрепление. Они стали оттеснять полицейских от села. К вечеру сербам из-за малочисленности пришлось отступить к Урошевацу.

Радко с группой из семи человек вернулись в Рачак для разведки. Когда стемнело, им удалось подойти вплотную к поселению. Под покровом ночи боевики ходили по полю недавнего боя и стаскивали убитых в один дом. Через несколько часов трупов не осталось. Полицейским удалось прокрасться в селение. Они разделились для сбора оперативных данных. Радко же, вопреки приказу, направился в дом, куда снесли всех убитых. Через окна он увидел, как албанцы снимали со своих товарищей изрешеченную одежду и

одевали их в гражданскую. Тела аккуратно сложили рядами, будто готовя их к чему-то.

– Какого черта они делают?.. – Про себя он выругался. – Зачем это вам, твари?.. Чего же вы их не хороните-то по своим обычаям?..

Выполнив разведывательные задачи, группа вернулась на базу. Радко доложил об увиденном полковнику Миловичу, но тот не заинтересовался докладом. Симич отправился в больницу Приштины навестить Милоша. Тот был уже в сознании.

Рачак, Косово, 16 января 1999 года

Уильям Уокер вместе с двумя своими помощниками ехал в село Рачак. Его джип возглавлял колонну машин. За ним следом ехали телевизионщики всех мастей с разных каналов. Уокер достал из внутреннего кармана синей куртки блокнот. Посмотрев в окно, он вычеркнул предпоследний пункт из дел на сегодня.

Когда машины прибыли на место, их встречали переодетые в гражданскую одежду боевики ОАК. Некоторых из них Уокер узнал, но было много и новых лиц. Все они изображали горе и страх. Как только камеры были включены, начался главный спектакль 1999 года. Сначала журналистов провели по окопам с десятком трупов, у одного даже отрубили голову. Уокер шел впереди, засунув руки в карманы,

и делал скорбное лицо. Затем албанцы привели журналистов в ветхую мечеть, где лежали трупы боевиков в гражданской одежде. Члены ОАК картинно плакали и гладили своих друзей по голове. Нашлась и парочка женщин, рыдающих в уголке. Все для хорошей картинки. Осматривая зал с убитыми, Уокер недовольно поморщился – одежда убитых была целой и чистой. Что ж, эту неприятность придется как-то объяснять, но не сейчас.

Журналисты наперебой спрашивали у «выживших», кто мог это сделать. Те хором отвечали, что поганые кровожадные сербы напали на них ночью и перебили их, мирных крестьян. Все они устремляли свои взоры на Уокера, будто моля США вмешаться.

– Что вы можете сказать о произошедшем здесь? – спросила одна журналистка Уильяма.

– Это кошмарное массовое убийство доказывает, что с сербами невозможно договориться политическими методами. Похоже, что время разговоров прошло и Милошевичу придется ответить за смерти невинных албанцев как минимум своим президентским креслом. Это преступление против человечества!

– Пусть Америка убьет его! – взывала одна из женщин. – Не дайте сербам перебить нас всех!

Тут же фотографы делали свои лучшие снимки, а репортеры писали свои яркие заметки, которые навсегда изменят жизни миллионов людей в скором времени.

Закончив общение со СМИ, Уокер вернулся в Приштину. Он сразу же уединился в своем гостиничном номере и связался с командующим НАТО в Европе Уэсли Кларком.

– Это резня, друг мой, – начал он, тщательно подбирая слова, зная, что и этот разговор станет достоянием гласности. – Нахожусь в Косово, сегодня был в Рачаке. Я своими глазами видел горы тел гражданского населения. Почти всех расстреляли в упор...

– Я понял тебя, Уильям.

Вашингтон, 16 января 1999 года

В старом доме мадам Олбрайт практически всегда работало радио. Истинная примета жителя Вашингтона. Последние дни она редко выключала его, порой просто делала тише. Но не сегодня. Сегодня она ждала хороших новостей. Ночью, лежа в кровати, она слушала репортажи в ожидании одного-единственного. Наконец был репортаж из далекой Сербии. Она услышала знакомый голос Уокера.

– Да, я был в Рачаке. Там много трупов, этих людей расстреляли разными способами, но большинство практически в упор, – рассказывал он корреспондентам, а на лице Мадлен была довольная ухмылка.

– Мистер Уокер, – спросила репортер, – кто виноват в этом преступлении?

– Кто? – Олбрайт отметила его актерскую игру. – Серб-

ская полиция.

Мадлен встала с кровати, холодный ветер гулял по полу, опять забыли закрыть окно. Босиком она подошла к радио и понизила громкость до минимума.

– Шоу начинается, – сказала она тишине.

В шесть утра субботы Олбрайт была уже на ногах, приведя себя в порядок, она закрылась в своем кабинете. Сев в высокое красное кожаное кресло, она подвинула телефонный аппарат поближе и набрала номер советника президента по национальной безопасности Сэмюеля Бергера. Он долго не отвечал, наконец в трубке она услышала его сонный голос.

– Доброе утро, Сэнди! – поприветствовала его Олбрайт. – Ты уже слышал новости?

– Только проснулся, Мадлен. Что случилось?

– Похоже, что в Косово в этом году, – она довольно хмыкнула, – ранняя весна.

– Я свяжусь с Кларком, – сразу проснувшись, ответил Сэнди и повесил трубку.

– Конечно, свяжись, друг мой, обязательно...

Потом она позвонила своему помощнику и попросила организовать экстренное собрание, на котором должны были присутствовать лишь она, ее заместитель Строуб Тэлботт, дипломат Джейми Рубин и директор госдепартамента по политическому планированию Мортон Гальперин.

Когда Олбрайт в девять утра вошла в зал совещаний, ее

уже ждали.

– Вот видите, джентльмены, я же вам говорила, что это моя партия и выигрываю здесь я.

– Никто и не сомневался в ваших способностях, – поддержал ее Тэлботт.

– Что ж, – она села во главе стола, – теперь нам нужно расписать чинушам план, где мы свяжем Милошевича по рукам и ногам. Он никогда не согласится на переговоры с албанцами, да нам это и не нужно. И вот пока он не согласится, согласно нашему плану НАТО будет бомбить Сербию.

– Как я понимаю, бомбить мы будем при любом раскладе? – поинтересовался Мортон.

– Правильно понимаешь, – кивнула Мадлен.

– А что ты скажешь миру? – спросил Гальперин. – Мир потребует объяснений.

– ...Правду. – Она ухмыльнулась. – Я скажу, что погибшие в Рачаке албанцы заслуживают, чтобы международные инспекторы рассказали об их смерти всему миру. И если сербы откажутся добросовестно участвовать в переговорах, то НАТО принудит их к этому с помощью воздушных ударов. Вот она, справедливость.

Еще два часа контактная группа потратила на придание плану правильной политически выверенной формы.

После обеда Олбрайт сидела одна в своем кабинете, когда зазвонил телефон. Она давно ждала этого звонка.

– Здравствуй, Уильям! Ты, как всегда, был на высоте, уди-

вительные актерские данные, я тебе скажу.

– Спасибо, – сдержанно ответил Уокер. – У меня есть некоторая информация, что министр обороны Коуэн и генерал Шелтон сомневаются в ваших целях. Уэсли также считает, что местное население не поддержит интервенции в виде миротворцев. Навязываемая цель в виде автономии Косова людям непонятна.

– Этих двоих не это заботит, Уилл, они беспокоятся лишь о выделении бюджета на новую войну и о своих жалких жизнях. С Пентагоном я разберусь.

– Тогда приступаю к следующему шагу?

– Да, пусть Милошевич оправдывается, называет убитых террористами и прочими словами, а ты тверди нашу историю.

– Хорошо.

– Все равно мир уже проглотил наживку, теперь дело за малым – заболтать их.

– Что ж, большинство уже на вашей стороне, считают Милошевича главной проблемой.

– Да, пройдет совсем немного времени, Уилл, и сами сербы будут так считать. Правда, будет уже слишком поздно.

Уокер не видел довольного выражения лица Олбрайт.

– Да и ОАК станет легальнее всех, убивая сербов на их же земле...

– Теперь время разного рода переговоров. – Мадлен посмотрела в окно. – Я знаю, что Милошевич ни за что не под-

пишет ни одну бумагу с нами, но сделай так, чтобы все подписали албанцы.

– Я понял вас, мадам. В ОАК сплошные споры и несогласие по всем пунктам, но и это поправимо. Я все устрою, – успокоил Олбрайт Уокер. – К марту они согласятся со всем.

– Вот и славно.

Вашингтон, 21 марта 1999 года

День был в самом разгаре, в Госдепе США кипела работа. Телефоны не умолкали ни на секунду, в каждой комнате шло какое-то совещание. Мадлен Олбрайт была в своем кабинете одна, помощник был отправлен по очередному поручению. Она подвинула красное кресло к окну и, устроившись поудобней в нем, попивала крепкий черный кофе с одной едва размешанной ложкой сахара. В голове она прокручивала события последних месяцев и не могла собой не гордиться.

– Еще одна победа, Мадлен, – сказала она, сделав глоток кофе. – Еще чуть-чуть, и сровняем эту чертову страну с землей. Какой же все-таки был хороший план. – Она улыбнулась.

Вдруг, постучавшись, в кабинет вошел ее помощник Тэлботт. Войдя в кабинет, он снова невольно посмотрел на большой фотопортрет, где Олбрайт и Хилари Клинтон стоят в туалетной комнате и о чем-то непринужденно беседуют. Под фотографией было подписано самой Клинтон: «Мадлен, которая бесстрашно ведет нас туда, куда другие побоялись бы

ступить. С огромной гордостью и нежностью от твоей подружки по комнате для девочек».

– Милошевич дал ответ совету НАТО, – доложил он наконец, оторвавшись от портрета, который никогда ему не нравился.

– Неужели? – улыбнулась она. – И что же он там пишет?

– Если вкратце, то он пишет, что нам должно быть стыдно за то, что мы вмешиваемся во внутренние дела суверенного государства.

– Ха! В этом мире есть только одно государство, которое имеет право делать все, что считает нужным, и это США.

– Да, даже если он согласился бы, мы все равно разбомбили бы его к чертовой матери, – пожал Тэлботт узкими плечиками.

– И то верно. – Они улыбнулись друг другу. – Осталось дождаться, пока Холбрук покинет Белград, и тогда начнется удивительное и зрелищное представление. Ты когда-нибудь видел ковровые бомбардировки в прямом эфире? – Помощник мотнул головой. – Весь мир прилипнет к экранам телевизоров, все будут наблюдать за нашим триумфом. А репортеры будут кричать изо всех сил, что вот она, демократия, творит справедливость и освобождает страну от тирана... – сказала Мадлен мечтательно.

Вашингтон, 23 марта 1999 года

Госсекретарь Олбрайт вернулась домой глубокой ночью.

Несмотря на усталость, желания спать не было. Такого перевозбуждения она давно не испытывала, чувствовала себя ребенком в рождественскую ночь. Войдя в гостиную, Мадлен тут же включила телевизор, ее интересовали только новости с другой стороны света и их правильное освещение в СМИ. Переодевшись в домашнюю одежду, взобравшись с ногами на диван и укрывшись пледом, она жадно вслушивалась в каждый репортаж.

После полуночи зазвонил телефон.

– Доброй ночи, Мадлен, – тихим и немного взволнованным голосом сказал Билл Клинтон.

– И тебе, Билл, доброй.

– Скажи мне, ты уверена, что мы делаем все правильно?

– Уверена, – твердо ответила Олбрайт.

– Это все не скоро закончится, и наверняка будут последствия...

– Что бы там ни притаилось впереди, Билл, мы с этим справимся. Кроме того, это еще и отличная возможность устранить Россию с Балкан, ослабить и без того почтидохлого медведя.

– И то верно.

– Мы просто избавляем мир от еще одного тирана и показываем ему, кто здесь главный.

– Да... думаю, мы все правильно делаем, – помолчав немного, согласился президент Клинтон. – Я уже связался с Хавьером, тот отдаст приказ Кларку начать операцию сразу,

как только самолет Холбрука будет в безопасности.

– Отлично, – кивнула Мадлен, выключая телевизор: все самое интересное покажут завтра. – Спокойной ночи, Билл. – Она повесила трубку. В тишине и темноте она еще долго сидела неподвижно, будто боясь спугнуть удачу, которую она поймала за хвост. И только холодный свет уличных фонарей струился через окна ее дома, пытаясь лучами дотянуться до ее холодного и безжалостного сердца...

Приштина, 23 марта 1999 года

Милош не собирался задерживаться в больнице, хотя на этом и настаивали врачи. После того как Радко рассказал ему об увиденном в Рачаке, сидеть сложа руки было нельзя. Друг встретил его на машине на выходе из больницы.

– Плохи дела, да? – спросил Радко у друга.

– Опять война, – сказал Милош, сев в машину. – И уже ничего не изменить.

– Что будем делать?

– Я вернусь в Обилич, нужно увести семью оттуда.

– Куда?

– Подальше отсюда, туда, где нечего бомбить.

– А потом что делать? – не унимался Радко.

– Потом, брат, придется снова умирать за Косово, которое будут выдирать из наших тел. – Лазарь молча сосредоточенно смотрел вперед. Одному Богу было известно, что за мысли носились сейчас в его голове. – Поехали домой.

Ночью следующего дня Югославия погрузилась во тьму, и в огне уже не было видно синего неба, которое всегда дарило надежду на спасение.

А для сербов давно не тайна, что война эта началась именно с приездом Уильяма Уокера в Косово. И каждый, кто помнит, хотел бы плюнуть на его могилу...

Глава IV

Мария Лазарь не спеша подошла к расположившемуся на кожаной кушетке Кристоферу Мерфи и села в кресло у изголовья. В руках она сжимала часы на цепочке, выполненные под старину. Отчего-то доктору Зеву нравилось использовать именно такие атрибуты в своей работе. Он полагал, что они придают ему больше таинственности.

– Знаете, Мария, никогда раньше не находился под гипнозом, – улыбнулся Мерфи, явно нервничая перед чем-то неизвестным. – Это ведь не больно?

– Конечно, нет, – успокоила его Мария. – Вы же это делаете для себя, для облегчения ваших же мучений.

– Расскажите мне про процедуру, Мария. Как она будет проходить?

Лазарь не спеша начала рассказывать. Крис заметил, что голос помощницы Зева немного изменился, стал тише и поменял тональность. Чем больше он вслушивался, тем больше ему казалось, что ее голос заполняет его голову.

Она замолчала, будто собираясь с духом, сжала часы в кулак и поднялась с кресла.

– Начнем, пожалуй. – Лазарь небрежно бросила часы на кресло и села на кушетку. Мерфи удивленно посмотрел на нее. – Не бойтесь, мистер Кристофер Мерфи, вы все равно ничего не вспомните. – Она сидела боком, он мог видеть

только ее профиль.

– Я вас не понимаю, – мотнул он головой, напрягаясь всем телом, будто почуяв что-то неладное.

– Боишься? – Она хмыкнула и передернула плечами, затем повернулась к нему лицом, поднося руки к его голове. Мерфи впился глазами в ее глаза, смотрел в них как замороженный.

– Но как такое возможно? – только и успел он спросить, прежде чем Мария взяла его голову руками и заставила его смотреть ей в глаза.

– ...Тебя больше нет, Кристофер Мерфи, есть только мой голос... – сделав небольшую паузу, прошептала Мария, пристально, не моргая глядя ему в глаза.

Гэбриэл Зев вышел из полицейского участка со своим племянником. Зев был в крайне плохом настроении, разговаривать с парнем не было никакого желания. Вместе они дошли до машины.

– Домой я тебя, Питер, не повезу. Добирайся сам. Отцу я, конечно, ничего не скажу, у него и так сердце слабое, но ты бы уже взялся за ум и перестал бы свои комплексы всей семье демонстрировать.

– Может, дядя, это не комплексы, а я, который просто вас всех не устраивает? – буркнул двадцатилетний племянничек.

– О! Я тоже был бунтарем в твоём возрасте, но это не стоило моим родным ни копейки. Знаешь, что я тебе скажу, Пи-

тер, хочешь нарушать закон – пожалуйста, только никогда не забывай о последствиях. Более того, знание закона позволит тебе обходить его. Понял? – подмигнул парню доктор Зев. – А для этого нужно сначала хорошо учиться в своем дорогушем университете.

– Ладно... подумаю, – махнул рукой Питер.

– Подумай, подумай, если есть чем. – Гэбриэл посмотрел на часы: прошло уже сорок минут с момента, как он покинул офис. – Так, все. Мне пора ехать! – Он махнул рукой и сел в машину.

Еще через пятнадцать минут он был в офисе. Когда он вошел в свой кабинет, Мария была на кухне и заваривала чай.

– А вот и я! – снимая пальто, сказал Зев, посмотрев на кушетку. Мерфи сидел на ней и попивал кофе.

– Удивительная пунктуальность, доктор! – улыбнулся ему Кристофер. – А мы вот только закончили.

– Как все прошло? – Зев сел в кресло рядом с гостем. – Как колено?

– Вы не поверите, но пока ощущения, что как новое. Спасибо Марии.

Лазарь вернулась в комнату и подала чашку чая Гэбриэлу.

– Спасибо, дорогая. – Он придвинулся чуть ближе к Крису. – Что ж, для закрепления эффекта, думаю, тебе стоит посетить нас еще раз.

– Разумеется! – охотно согласился Мерфи, глядя на Ма-

рию. – К сожалению, мне пора идти, встреча с Уильямом.

– Да-да, – закивал Зев, – Уокер не любит, когда опаздывают. Да, и советую начистить ботинки перед визитом.

– И где только я умудрился?! – черные туфли Мерфи были все в пыли. – Да, конечно, все сделаю. Мой секретарь свяжется с вами по поводу оплаты и следующего сеанса. – Лазарь забрала чашку у пациента, с немного натянутой улыбкой глядя на него.

– Будем ждать. – Гэбриэл поднялся с кресла и пожал руку гостю. – Передавай привет Уильяму!

– Обязательно!

– Хорошего тебе дня, Крис, – улыбнулась Мария.

Спустя пять минут машина Мерфи отъехала от офиса доктора Зева. Гэбриэл проводил машину взглядом.

– Отличная работа, Мария, – похвалил он свою помощницу. – В чем там была проблема, что за глубинные переживания откопала?

– В пятилетнем возрасте он должен был играть в спектакле, но перед выходом на сцену так перенервничал, что едва ли смотрел под ноги. В итоге споткнулся и упал. С тех самых пор любое публичное выступление ассоциировалось с той болью.

– Скучно, – резюмировал Зев. – Что сделали?

– Пережили ситуацию еще раз без падения, с хорошим выступлением, – отрапортовала Лазарь.

– Эх, и где же они, интересные случаи?.. Сплошная ба-

нальщина, – выдохнув, резюмировал он. – Так, на сегодня у нас больше записей нет, так что можно отправляться по домам. Как ты на это смотришь?

– Положительно, – улыбнулась Лазарь.

– Вот и отличненько. Завтра в девять увидимся.

Гэбриэл собрался быстрее всех и, попрощавшись, сбежал из душного офиса. Ему хотелось поскорей добраться до дома, потому что сегодня была очередная игра в шахматы с соседкой Магдой. Он уже целую неделю не мог обыграть эту дерзкую женщину.

Мария покинула офис последней, идти домой так рано не было никакого желания. Она решила купить что-нибудь перекусить и отдохнуть в Центральном парке. Погода, конечно, не радовала теплом, но и не отпугивала холодом. Купив в парке, в первом попавшемся киоске, парочку сэндвичей и воды, она направилась к статуе Алисы в Стране Чудес. Благо идти было недалеко, да и в такое время народу практически не было – все скамейки были свободны. Мария села напротив памятника. Причудливая бронзовая композиция – Алиса сидит на большом грибе в окружении других персонажей. Развернув первый сэндвич, Лазарь приступила к своему скромному обеду. Только сейчас она обратила внимание, что у нее дрожат руки, дрожат от нервного перевозбуждения. Она тряхнула левой рукой, будто пытаясь скинуть с нее дрожь.

– Еще ничего неизвестно, я вполне себе могла и потерять такую дивную способность... – Она снова откусила кусок от теплой булки с ветчиной и листьями салата. – Завтра покажет. – Лазарь окинула взглядом площадку и посмотрела в серое небо. Пахло дождем. – А что еще я могу сделать?.. – спросила она неизвестно кого.

Сенатор Мерфи довольно быстро добрался до Нижнего Манхэттена. Наконец он подъехал к нужному дому. Машина Кристофера Мерфи остановилась у старого красного здания 1900 года постройки. Улица Нассау была крайне узкой, да еще на ней велись строительные работы. К большому удивлению Мерфи, он смог припарковаться прямо у входа в дом. Он все сидел и никак не решался выйти из машины. Снова посмотрел на свои ботинки и вспомнил, что так и не протер их. Из бардачка достал губку и начал начищать обувь. Руки его дрожали так сильно, что он выронил губку.

– Да что со мной?.. – вслух спросил он, подбирая губку. – Всего лишь встреча, просто разговор. Я же у него не денег просить буду, а делиться своим опытом, – будто оправдывался он.

Закончив с обувью, он посмотрел в зеркало заднего вида. Ему вдруг почудилось, что он не отражается в зеркале, глаза казались ему чужими.

– Так, все, достаточно. Пора идти.

Он взял портфель с заднего сиденья и вышел из машины.

Посмотрел вверх. Кузина Уилла Уокера жила на шестом этаже. Несмотря на всевозможные рекомендации врачей перебраться в более чистый и экологичный район, она предпочла остаться здесь, в доме, где родилась и где собиралась умереть. Кристофер подошел к домофону и набрал цифры «73». Спустя несколько секунд ему ответил женский голос.

– Кто там? – спросила женщина.

– Миссис Уокер, это Кристофер Мерфи, мистер Уильям назначил мне встречу... – не успел он договорить, как входная дверь открылась.

– Шестой этаж, мистер Мерфи.

Сенатор зашел в холл, к его удивлению, консьержа не было на месте. Быстрым шагом Мерфи дошел до лифта и нажал на кнопку вызова. Еще через пару минут он был на шестом этаже. Дверь в семьдесят третью квартиру была открыта – миссис Уокер собиралась уходить.

– Уильям, я вернусь часа через два, не раньше.

– Хорошо! – ответил ей кузен.

– Не забудь поесть! Ох, вы уже здесь, сенатор, – улыбнулась она Мерфи. – Проходите, Уильям вас как раз ждет. Хорошего вам разговора. – Она решила не ехать на лифте, а предпочла спуститься по лестнице.

Кристофер вошел в квартиру и закрыл за собой дверь. Уильям Уокер вышел из своего кабинета.

– Здравствуй, Кристофер! – Они пожали друг другу руки. – А ты такой же, как и на своих плакатах, не спутаешь, –

хмыкнул старик (в этом году ему исполнялось восемьдесят лет). – Проходи, не стесняйся. Не желаешь чего-нибудь выпить? Ты какой-то встревоженный.

– Я давно мечтал о встрече с вами, сэр, – заискивающе ответил Крис. – Не отказался бы от крепкого кофе, если можно.

– Кофе? Оставим кофе на другой случай. Как насчет виски, хорошего и старого, как я? – Он улыбнулся. – Сейчас органирую, а ты присаживайся, почувствуй себя как дома.

Сенатор сел в глубокое кресло и продолжал с восторгом рассматривать кабинет старого цээрушника. На полках стояли собрания сочинений разных авторов в шикарных коллекционных переплетах. Еще больше Криса заинтересовали фотографии, стоявшие на широком деревянном комод у окна в несколько рядов. На них был запечатлен Уокер с разными видными деятелями. На широком письменном столе лежала разная оберточная бумага и ленточки. Уильям упаковывал для кого-то подарки ко дню рождения.

– Итак, чем я могу быть полезен молодому поколению? – Уокер поставил поднос с открытой бутылкой шотландского виски и двумя стаканами на письменный стол. Стаканы были наполнены практически до краев. Мерфи еще отметил про себя, что даже из уважения столько не выпьет – станет плохо.

– Мистер Уокер... – начал он, беря стакан с виски в руку.

– Оставим формальности, пусть будет просто Уилл и просто Крис, – принял деловой вид Уокер.

– Не так давно я возглавил экспертную комиссию по Балканам, объездил их. Я считаю, что США должны снова вернуться в регион, потому что там опять нарастает влияние России. Мы не можем этого допустить.

– Балканы сыграли свою роль в мировой политике, сынок. Их время прошло. Война 1999 года сделала то, что было выгодно США, – ослабила ОБСЕ и, следовательно, влияние России, – ответил Уокер, делая глоток и причмокивая от удовольствия. – Но это так, официальная версия, – хмыкнул старик. – В наших интересах поддерживать там накаляющуюся обстановку, что мы и делаем.

– А не думаете ли вы, что пора перейти к более прямым действиям?

– О чем ты, Крис? – глаза Уокера хитро сверкнули.

– Я был там, эти люди – они хотят независимости, которую мы им обещали.

– В Косово? – спросил Уокер, улыбаясь. Он обратил внимание на то, как изменился в лице Мерфи. Ему показалось, что его взгляд остекленел. – Мы много чего обещали, но цель была отнять его у Сербии и оставить регион на растерзание бандитам и преступникам. Как оно и получилось. Ты себя хорошо чувствуешь, сынок? Плохо выглядишь. – Он понюхал виски. – Испортился, что ли?..

– Вы когда-нибудь задумывались о том, что рано или поздно за свои поступки придется платить? – не своим, а каким-то ледяным голосом спросил сенатор, закинув ногу на

ногу.

– Хм, мои поступки отражают мою суть. Таким меня создал Бог, – развел он руками, – значит, ему было угодно, что я делал то, что считал правильным.

– Тебя не Бог создал, а дьявол. Он по тебе соскучился и ждет тебя в аду, – прошипел сквозь зубы Кристофер, чувствуя, как руки наливаются кровью.

Дальше все произошло слишком быстро, чтобы старик Уокер успел среагировать. Сенатор Мерфи резко вскочил с кресла и схватил ножницы для бумаги, лежавшие перед Уильямом. Затем он со всей силы воткнул ножницы в горло старика, выдернул и снова воткнул. И так шесть раз. Уильям был крепким орешком, он не умер сразу, еще с минуту он хрипел и хватал себя за шею, пытаясь остановить кровь. Мерфи сделал шаг назад, брезгливо бросил ножницы на стол. Серый костюм сенатора был весь в крови, кровь старика была на его лице, на волосах, но его это не волновало. С чувством выполненного долга он спокойно выдохнул и только сейчас заметил, что руки его больше не дрожат. Одернув окровавленный пиджак, Кристофер вышел из квартиры. Прикрыл за собой дверь и пошел вниз по лестнице. Он видел все как в тумане, ноги едва его слушались, но он продолжал идти. Окровавленной рукой он открыл входную дверь и вышел на улицу. В эту же секунду начался сильный дождь. Мерфи не стал садиться в машину, а просто пошел вперед по узкому тротуару. Он держался за стену, и от вход-

ной двери теперь тянулся длинный кровавый след. Кристофер дошел до перекрестка и вышел на середину. Рядом не было ни души, лишь холодный дождь обжигал лицо, смывая с него кровь. Сигнал приближавшейся на высокой скорости машины казался нереальным и идущим откуда-то издалека. В следующую секунду, когда сенатор посмотрел налево, он увидел приближающийся мусоровоз. Он видел, как водитель пытается затормозить, как отчаянно жмет педаль тормоза, а машина его не слушается.

– О боже! – вдруг очнулся из своего дурмана Мерфи, но было уже слишком поздно. От удара о бампер тяжелой машины его отбросило на тротуар. Он буквально врезался в стену здания, а дальше изувеченное тело сенатора Мерфи упало на мокрый грязный асфальт. Ручейки его крови и крови Уокера стекались в один и устремлялись вниз по дороге.

Дождь застал Марию прогуливающейся по узким улочкам старого Гарлема, где старые дома соседствовали с дорожными тематическими ресторанами. Отчего-то на улице было немногочленно, видимо, дождь и серое небо всех распугали. Лазарь смотрела по сторонам на старые, повидавшие многое дома и ловила себя на том, что они так похожи на здания после бомбежек. На некоторых улицах складывалось впечатление, что война и не заканчивалась вовсе. В некоторых пустых домах, где окна были еще целы, виднелись огоньки ламп. Мария вслушивалась в музыку дождя, когда до ее обострен-

ного слуха донеслись гулкие отзвуки ударов и противный сдавленный смех нескольких людей. Она смело пошла на звук. С каждым шагом к переулку, из которого доносился шум, она все лучше понимала, что она там увидит. Лазарь свернула за угол и увидела, как группа из четверых чернокожих ребят избивает мужчину, одетого в рабочую одежду. Он лежал на земле и, кажется, не подавал признаков жизни. Мария подобрала валявшийся на мокрой земле кусок окровавленной арматуры. Молодые и незаконопослушные не слышали ее приближения и продолжали издеваться над мужчиной. Подойдя достаточно близко, она свистнула им.

– Эй! – крикнула она, все четверо обернулись. – Проваливайтека подобра-поздорову, – спокойно сказала она, крепче сжимая арматуру.

– Иди своей дорогой, цыпочка! – заулыбались чернокожие.

– А то и тебе достанется, – сказал самый высокий из них, чуть приподняв куртку, показывая, что у него под ней припрятан пистолет.

– Убирайтесь отсюда, обезьяны, – прошипела Лазарь.

– Какого черта ты сказала, Белоснежка? – трое направились к ней, характерно для африканцев размахивая руками. – Проблем захотела? Так они у тебя сейчас будут!

Только чернокожий полез за пистолетом, как кусок арматуры прилетел ему прямо в голову. Ударив по ней, окропленное новой кровью оружие отлетело в сторону. Он сразу

же осел на дорогу с широко открытыми глазами.

– Бен! – присели рядом с ним его друзья. – Бен, ты нас слышишь?!

– Нет, идиоты, он, наверное, умер, – ответила женщина с накинутым на голову капюшоном, они не могли разглядеть ее лица. – Но, может быть, у него еще есть шанс. Зависит от того, как быстро вы донесете его до больницы.

Они не стали больше ничего говорить. Похватав свои вещи и взяв под руки Бена, они поспешили прочь.

– Не успеете, – прошептала им вслед Мария. – Оно и к лучшему, одной тварью меньше. – Она выдохнула. – Как это негуманно, Мария, это ведь не наш метод...

Она подошла к мужчине, лежащему на земле. Опустилась перед ним на одно колено.

– Живой.

Незнакомец был сильно избит, к удивлению Лазарь, он оказался индейцем. Он с трудом открыл глаза, когда увидел, что незнакомая женщина взяла его телефон и набрала 911.

– Не волнуйтесь, сэр, скорая уже в пути.

Он хотел было ей что-то сказать, но снова провалился в темноту.

Придя домой, Мария первым делом пошла под горячий душ, а потом, укрывшись под теплым одеялом, она еще долго лежала и выискивала в своей душе чувство вины, какие-то эмоции. Однако ничего не находила, ее «Я» молчало. После

двух часов ночи она провалилась в глубокий сон без сновидений. Утром она, как всегда, отправилась на работу. В офисе она была первой. Как всегда. Джулия отчего-то задерживалась. Зато доктор Зев пришел на пятнадцать минут раньше обычного. Вид у него был разбитый и в то же время озабоченный, движения выглядели суетливыми.

Лазарь стояла у окна рядом со столом Джулии и курила, когда Гэбриэл наконец ее заметил.

– О, Мария... ты... ты уже знаешь? – чуть дрожащим голосом спросил он.

– О чем? – не поворачивая головы, спросила она.

– Крис Мерфи... он... он вчера убил Уокера... ножницами для бумаги... – голос доктора садился, переходил на шепот. Он действительно потерял дорогого друга. – А потом сам, – он шумно сглотнул, – бросился под грузовик... представляешь? Господи, какой ужас... – он закрыл рот ладонью и сел на стул у стены.

– ...М-да, какая неприятность, – ответила Мария, выпуская клубок дыма и глядя на свое отражение в стекле.

С самого утра работа в офисе не задалась. Доктор Зев отменил все записи на сегодня. Он заперся в своем кабинете и, лежа на кушетке, молча разглядывал потолок. Гэбриэл пытался осознать глубинные причины поступка сенатора Мерфи. С одной стороны, он казнил себя за то, что не разглядел какого-то маниакального желания в поведении Мерфи.

С другой, понимал, что у Мерфи не было никаких объективных причин так поступать.

Мария и Джулия не беспокоили доктора, а занимались своими делами. Верней сказать, Джулия смотрела очередной сериал, а Мария, закончив составление отчетов для Зева, читала журналы для посетителей. Прочитав один, она тянулась за другим. Тут в руки попался журнал National Geographic от 2009 года. Пролистав с десяток страниц с разными фотографиями, она вдруг остановилась на одной статье. Статья была о Сербии в целом и о Косово в частности. Читать ее ей не хотелось, но она принялась разглядывать фотографии. Среди всех прочих картинок была одна из города Врнячка Баня. Мария провела пальцем по картинке, будто хотела почувствовать горную прохладу и тепло горячих источников...

Сербия, Врнячка Баня, 26 марта 1941 года

Новости из бушующего Белграда, объятого протестами против присоединения к Тройственному пакту, предложенному Гитлером, шли одна за другой. Телеграф с трудом справлялся с объемами. Хозяин единственного работающего в городе книжного магазина Жарко Попичич вышел из здания почты взволнованным. Осмотревшись по сторонам, он спрятал поглубже во внутренний карман пиджака полученное письмо. Он старался не спешить, но ноги сами несли его скорей домой. В его голове с бешеной скоростью метались мысли, он обдумывал, как лучше поступить. Наконец,

добравшись до дома, он снова достал письмо и дважды перечитал его. К нему вышла его жена Милица. В свои сорок она выглядела на двадцать пять, отчего вызывала невероятную зависть у всех их знакомых. Милица была мудрой женщиной и по одному выражению глаз своего мужа поняла, что их семью ждут большие перемены.

– Я получил письмо от Йозефа Кербела... – выдохнул Жарко, снимая кепку и аккуратно вешая ее на крючок. – Он пишет, что в Белграде готовят переворот. И, скорей всего, Германия нам его не простит и для нас начнется война – война, к которой мы не готовы.

– Что еще он пишет? – Милица дышала спокойствием.

– Пишет, что на евреев опять начались гонения со стороны дружественных фашистам структур. Он с семьей не может покинуть Сербию. Милая, мы должны им помочь. Я давно его знаю, он хороший человек.

– Настолько хороший, что отказал тебе в помощи, когда ты просил, – нахмурилась женщина, убирая выбившуюся прядь черных волос за ухо. – Он неблагодарный, как весь их род.

– Мой отец учил меня помогать тем, кого однажды назвал другом, – виновато ответил мужчина, стараясь не смотреть в глаза жене. – Я помню, что он отказался нам помочь, хотя это и было в его силах. Но я не он, я помогаю людям, когда меня просят.

– Это-то нас и погубит. – Она сложила руки на груди. –

Как ты собираешься ему помочь? Отправить за границу ты его не сможешь. Да и куда? Война повсюду...

– Они будут жить у нас, мы спрячем их от фашистов. – Брови Милицы взлетели вверх. – Будут прикидываться местными, пока не найдем способа вывести их в безопасное место.

– Я люблю тебя, Жарко, и я до конца с тобой, но мне от этой затеи не по себе. Пообещай мне, что наши дети эту войну переживут, что мы ее переживем и увидим восход солнца над свободным миром.

– ...Я обещаю сделать все, чтобы так оно и было, – немного помолчав, ответил Жарко, а затем подошел и обнял Милицу.

– Нужно рассказать об этом Обиличу. Он должен знать, – прошептала его жена. – Так он сможет помочь, если что.

– Да-да, сегодня же поговорю с ним.

Радован Обилич был старинным другом Жарко, еще мальчишками они подружились, когда родители Попичича жили в Косово, в небольшом городке Обилич. Вместе ходили в одну школу, да и когда жизнь отправила их по разным дорожкам, связи они не теряли. На радость Жарко Радован на некоторое время переехал в их маленький городок. Жена Радована проходила курс лечения в одном из санаториев города. Друг к идее Жарко отнесся крайне скептически, но понимал, что доброе сердце друга не сломить разговорами...

Уже через месяц не стало Югославии. Разорвав ее на части, фашистская Германия продолжила свои завоевания. В одном из старинных особняков города Врнячка Баня расположился штаб гестапо. С первых дней капитуляции Югославии немцы стали устанавливать свои порядки, в частности направленные на евреев. Опасно для них было во всех городах и селах.

Жарко поселил семью Кербела в одной из частей своего дома с отдельным выходом, где и ему, и его жене, и их двоим малолетним детям было комфортно. Чтобы не бояться проверок, Попичич придумал легенду для Йозефа – они прикидывались родственниками, благо внешность позволяла сойти за местных. А детей не особо разглядывали, они бегали все в старой потрепанной одежде и перемазанные неизвестно чем.

Дочка Йозефа Мария-Яна с удовольствием играла с детьми Жарко – Предрагом, Драганом и Анной. Анна, которая была старше Марии на три года, любила играть с ней в саду. В те времена жена Попичича обучала своих детей французскому языку, ей нравилось его звучание, да и знание иностранного языка, думала она, пригодится в будущем. Мария-Яна частенько принимала самое активное участие в обучении. Ей так сильно нравилось звучание языка, что хотелось, чтобы и ее звали на французский манер. Из всех имен, что предложила Милица, ей очень понравилось имя Мадлен.

Так и стали ее звать – Мадленка.

– До Мадлен ты еще не доросла! – смеялись над ней взрослые, когда девочка, хмуря бесцветные брови, требовала звать ее именно так. Ее всегда обижало, что взрослые чаще звали ее Мадди, подчеркивая, что она та еще грязнуля. Ведь по-английски «mud» – это грязь.

Пока в мире шла война, иногда еще встречались мирные уголки, где был слышен детский смех. Юной Марии-Яне уже стукнуло семь лет.

В дом Попичича часто приходили гости, и не все они нравились новоиспеченной Мадленке. Особенно ей не нравился мужчина по имени Радован, она не раз жаловалась родителям, что ее жутко пугает его суровый взгляд. Ей казалось, что он видит ее насквозь. В апреле сорок четвертого, как раз в канун Пасхи, Радован снова побывал в доме Жарко. Где он пропадал три года, Мадлен не знала. В тот день она невольно подслушала разговор Радована, Жарко и своего отца. Втроем они сидели на кухне при зашторенных окнах и разговаривали негромко.

– Пока для вас нет возможности уйти, – сказал Радован, покачав головой и глядя на Йозефа. – И дело вовсе не в проверках, – отмахнулся он. – Сейчас идет мощное наступление советской армии по всему советско-германскому фронту. Мы уже достаточно далеко продвинулись в отвоевании наших земель у фашистов.

– Неужели нет никакой возможности нам перебраться в Англию? – спросил Кербел.

– Пока ни единого шанса. Подождите еще чуток, и война закончится. Тут вам все равно практически ничто не угрожает, – развел руками Обилич. – Как у Христа за пазухой живете. – Он улыбнулся и похлопал по плечу притихшего Жарко.

– Для нас тут ничего не изменится. Уйдут фашисты, придут коммунисты. Еще неизвестно, что хуже, – прошептал Йозеф.

– Как ты заговорил-то, – ухмыльнулся Радован. – Коммунисты сейчас мир от коричневой чумы освобождают, а ты, крыса тыловая, – и без того круглые глаза еврея округлились сильнее, – ты отсиживаешься в доме доброго человека, который, так между прочим, коммунист. И у тебя наглости хватает оскорблять его в его же доме...

– Ну, тебе, Жарко, не пришлось бы меня тут прятать, если бы ты следовал плану изначально и переправил нас во Францию, – возмутился Кербел.

– Ты прекрасно знаешь, что на тот момент это было невозможно. Вывозить вас под бомбежками – не самый лучший вариант. Умирать за тебя я не собирался. – Голос Попичича отдавал сталью.

– А что ты забыл там, в Англии? – спросил Обилич.

– Хочу перебраться в США. – Он с вызовом посмотрел на двух сербов, те переглянулись.

– ...Мы только за. Правда, вот помогать тебе не будем, – ответил Радован. – Мы и так всем городом для твоего народа много сделали, а даже спасибо не услышали, когда вам последний кусок хлеба отдавали. А теперь тебе коммунисты плохие, ну, может тебе в концлагерь охота, от которого Жарко тебя спас? Так я это устрою.

– Я твоих угроз, Рад, не боюсь, – нахмурился Йозеф.

– Боишься. Ты меня больше фашистов боишься. Я это в твоих поросячьих глазках вижу.

– Радован... – хотел вмешаться Жарко, но Обилич его остановил жестом руки.

– Через неделю партизаны и ОАЮ освободят Врнячку Баню, вот тогда и свалишь с нашей такой негостеприимной, – он сделал особый акцент на этом слове, – земли. А до тех пор сиди тихо и не рыпайся.

– Жду не дождусь, – сдержанно ответил Йозеф. – Только не забывай, что и я кое-что о тебе знаю и также могу сдать немцам.

– Ну попробуй, – хмыкнул Радован. – Мне даже любопытно на это посмотреть.

– А что? Один из жителей регулярно принимает одного из начальников партизанского движения в своем доме, ведет беседы, строит планы... им будет интересно. – Кербел закинул ногу на ногу, чувствуя свое, как ему казалось, превосходство. – Видишь, Рад, твои угрозы не работают.

– Видишь ли, Йозя, – Обилич встал из-за стола, выпря-

мился во весь свой исполинский рост. Он был скалой в сравнении с щупленьким Кербелом. – Ты очень боишься смерти, и сдай ты меня кому угодно – ты умрешь. Причем быстро, причем вместе со своей семьей.

– ...Варвар. – Йозеф прекрасно понимал, что Обилич прав.

– Терпеть тебе еще недолго, от силы год. – Радован попрощался с другом и пошел к выходу. Проходя мимо детской спальни, он заметил дочь Йозефа, та быстро юркнула в темноту. – ...Что за народ... – покачал он головой и покинул дом друга.

Йозеф пожелал Жарко спокойной ночи и пошел на свою половину дома, по пути он заглянул в детскую к дочери. Та не спала, она стояла у окна и разглядывала беззвездное небо.

– Ты почему до сих пор не спишь? – спросил он, подходя к ней.

– Папа, этот Радован – кто он такой? Почему он позволяет себе с тобой так разговаривать?

Кербел погладил ее по голове.

– Местный геройчик, партизан и просто плохой человек, как и большинство в этой варварской стране, где мы оказались запертыми. – Он сел на кровать и тоже посмотрел в окно. – А сейчас уничтожат фашистов и будут строить свой коммунизм, – выдохнул он, – нигде от них спасения нет, от этих жаждущих сказки для всех.

– А разве это плохо? – Мария-Яна села рядом с отцом. – Сказка для всех?

– Не все достойны сказки, моя дорогая.

– А кто решает, кто достоин, а кто нет?

– Мы, – твердо ответил он. – Наш народ должен решать, нас выбрал сам Бог для этого. Нам нужно построить такое государство, которое будет вершить судьбы мира. Мы должны помочь Богу в отборе лучших для его ангельской армии.

– Почему не могут другие?

– Потому что не способны видеть дальше своей собственной выгоды. Бедны духом, милая моя.

– Нас поэтому хотят убить? Что мы... особенные?

– Именно поэтому, – кивнул Йозеф.

– Папа, я думаю, – она впилась глазами в лицо отца, – мы должны наказать Радована. Он ведь угрожал тебе.

– Накажем. Обязательно, но чуть позже. Так, уже совсем поздно. Давай-ка ложись спать.

Кербел поцеловал дочь в лоб и тоже пошел спать, правда, он и не догадывался, что за план родился в голове Мадленки...

С самого утра следующего дня Мария-Яна следила за домом, где жил Обилич со своей женой. Она знала, что он там появляется крайне редко. Мадленка наблюдала за Бранкой Обилич и делала какие-то пометки в своей тетрадке. К ее лицу прилипла кривая довольная ухмылка, она была в предвкушении своей маленькой мести.

Странное поведение Марии-Яны заметил старший сын Жарко – Предраг. Он решил проследить за девочкой. Закончив свое наблюдение за Бранкой, Мадленка уединилась в своей комнате и на чистом листе бумаги начала писать письмо-записку. Неуверенным детским почерком она выводила отнюдь не детские слова и предложения. Закончив письмо, конверта она не нашла. С досадой она спрятала письмо в карман своего серого платья и, улучив момент, вышла со двора дома Попичичей и направилась в город. На улице уже темнело, и она с трудом ориентировалась, но шла вперед уверенно. Предраг шел за ней, в глубине души он уже догадался, куда именно она шла, но гнал прочь эти мысли. Наконец она дошла до пункта своего назначения и остановилась в ста метрах от здания, где расположилось гестапо. Это был двухэтажный особняк из серого камня с большими витражными окнами и тяжелыми резными дверьми. На фоне иссиня-черного неба он выглядел зловеще и в чем-то пугающе. От него веяло холодом. По улице то и дело проходили люди, чуть ускоряя свой шаг перед особняком. Мадленка достала из кармана свернутый втрое лист бумаги и, развернув его, решила прочитать еще раз. Предраг подошел к ней тихо, так что она не услышала, и смог заглянуть в письмо. Прочитав первые две строчки, он почувствовал, как холодок пробежался по спине, он не мог поверить своим глазам.

– Ах ты! – он быстрым движением руки вырвал из рук девочки письмо. – Ты тварь! Как ты могла такое написать? –

изо всех сил сдерживал себя шестнадцатилетний парень. – Он защищал твою поганую семью, как и мы, а это твоя расплата?! – в сердцах он дал ей пощечину.

– Он угрожал моему папе, теперь будет знать! – срывающимся голосом ответила Мария-Яна, глядя себя по щеке. – Отдай письмо! – даже в темноте было видно, как краснеет ее лицо и глазенки наливаются то ли гневом, то ли слезами.

– Еще чего! А ну пойдем домой! – он скомкал письмо и убрал в карман, а девочку взял за руку.

– Нет!!! – громко запищала Мадленка, а потом увидела, как из особняка выходят военные. – Помогите! Дяденьки! – завопила она, тут же начиная плакать на всю улицу. – Отпусти меня! – она картинно вырывалась, хотя Предраг ее держал не крепко. – Помогите! – Военные с любопытством наблюдали.

Девочка продолжала играть одной ей ведомую роль, вспоминая все свои спектакли в школе и детском саду. Предраг отпустил ее руку, и она со всех ног побежала к немцам. Не добежав десяти метров, она специально упала на дорогу.

– Я... я узнала, что этот мальчик... – всхлипы перебивали ее речь, – он сын партизана, его семья укрывается в доме дяди Радована Обилича! Он хотел меня остановить!

Лица немцев изменились, больше в них не осталось праздного любопытства. Один из них помог девочке подняться.

– Все хорошо, не плачь, – сказал он, своим белым платком вытирая слезы и грязь с ее лица.

Предраг не мог пошевелиться. От услышанного его как громом поразило, он не мог поверить в то, что это происходит на самом деле.

– Эй, мальчик! Иди сюда! Не бойся! – крикнул Предрагу другой немец. Парень сделал шаг назад. – Давай-ка без глупостей!

Предраг сорвался с места и скрылся в ближайшем переулке. Со всех ног он мчался домой. Один из немцев тут же побежал следом.

– Как тебя зовут? – спросил девочку военный.

– ...Мадлен, – чуть успокоившись, ответила она.

– Хорошо, Мадлен, где живет этот мальчик? – Марии-Яне очень понравилось, что взрослый назвал ее именно Мадлен, ей нравилось звучание своего нового имени. Она тут же назвала адрес Обилича и пересказала текст своего письма, которое осталось у Предрага.

– Ступай домой, Мадлен. Мы разберемся со всем.

– Точно?

– Точно, – улыбнулся офицер, отдавая ей платок. – Ты ведь дойдешь сама? – Она кивнула. – Тогда беги!

Двое военных переглянулись, проводив ее взглядом, и поспешили вернуться в штаб. Новая информация была как нельзя кстати. Зайдя за угол, Мадленка стояла прижавшись к стене, пытаясь отдышаться. Она была настолько довольна своей игрой, что жалела лишь о том, что зрителей было ничтожно мало.

Немец бежал за мальчиком, нагоняя его с каждым шагом. Предраг все не мог от него оторваться, то и дело сбивалось дыхание. Дом Обилича был впереди, до него оставалось совсем чуть-чуть. В окнах горел свет, и была вывешена красная тряпка – Радован был дома. Предраг перепрыгнул через невысокий забор и через расцветающий вишневый сад ринулся напрямую к дому. Обилич вышел на улицу.

– Радован!! – крикнул Предраг. – Радован! – Мужчина заметил бегущего следом за мальчиком немца. – Дочь Йозефа ходила к немцам, она рассказала, кто вы!

– На землю! Падай на землю! – крикнул Обилич, вынимая из кобуры пистолет и прицеливаясь во врага. Предраг хотел было упасть, но острая боль, пронзившая спину, сама бросила его на землю. А секунду спустя над его головой просвистела пуля, угодившая немцу в сердце. Тот упал замертво.

– Предраг!

Радован кинулся к мальчику, тот попытался встать, но ноги его не слушались. Обилич поднял с земли истекающего кровью парня и понес его в дом.

– Только не засыпай, слышишь меня, Предраг?..

– Эта тварь рассказала им о вас... – шептал мальчик. – У меня в кармане письмо, которое она хотела им отдать... – Потом он потерял сознание и не знал, каких усилий стоило врачу-хирургу Бранке Обилич удержать его на этом свете.

Обилич пришел в дом Попичича и рассказал ему о слу-

чившемся. Жарко с Милицей помчались к сыну в соседний дом, куда уже стягивались значительные силы партизан.

Мария-Яна вернулась домой с довольной улыбкой на лице.

– У меня для тебя хорошая новость, Йозеф, – тихо проговорил Радован, – ты тут больше не живешь. Ты едешь в Белград, где будешь сам спасать свою гнилую шкуру.

– Милая, иди в свою комнату.

– Зачем же? Пускай расскажет, как она помогла папочке, – хмыкнул Обилич. – Пусть расскажет, как пошла сдавать меня немцам, как из-за нее немец стрелял в Предрага.

– Я не понимаю, о чем ты... – мотнул головой Кербел, в недоумении глядя то на дочь, то на серба.

– Яблочко от яблони, знаешь ли. Собирайте свои вещи, мы поможем вам в последний раз.

– Мария, что ты наделала?

– Я лишь следовала твоему совету, папочка. Я помогла Богу увидеть, кто плохой, а кто хороший.

– Как мило, – улыбнулся Обилич. – Мы плохие, значит. А почему, собственно, а, Йозя? Спасали твою шкуру, кормили, поили, одевали, прятали... Плохие? А с чего ты взял, что ты хороший?

– Я ничего плохого не делаю.

– Уже сделал. А ты, маленькая тварь, – он посмотрел на девочку, – всегда помни о том, что за все зло, причиненное людям тобой, ты будешь платить лично.

– ...Я найду на кого переложить ответственность, – совсем по-взрослому ответила девочка.

Спустя час семья Кербела была уже на пути в Белград, а партизаны совместно с освободительной армией Югославии начали зачистку Врнячки Бани от немцев. Мадлен была довольна их отъездом, семья Попичичей ее довольно сильно раздражала, а Предраг... он заслужил пулю в спину, думала она, ведь он так и не ответил на ее любовное послание.

По прибытии в Белград Йозеф смог связаться со своими бывшими коллегами по посольству в Чехии. И тут среди сербов нашлись добрые люди, в очередной раз пустившие его семью под свою крышу. Правда, лично для себя он решил, что фрагмент их жизни в Сербии во время войны нужно будет переписать. Посему при переезде в США он сменит фамилию на Корбел и начнет писать совсем другую историю.

В тот год Пасха была 16 апреля, и сотни людей отправились в храмы Белграда в хорошем настроении, и не было ни у кого и мыслей о надвигающейся беде. Мария-Яна и ее семья не были исключением. Они так же, как и все, принимали участие в праздновании, когда в одиннадцать утра над городом разнесся гул воздушной тревоги, а уже в двенадцать часов на ничего не подозревающих людей всей своей мощью обрушились союзные войска – бомбардировщики США и Англии. Говорят, они метили в военные объекты немцев, но

попадали лишь по жилым домам и больницам да храмам... Те бессмысленные в стратегическом плане бомбардировки продолжались долго. Единственным объяснением было то, что англо-саксы хотели проверить тактику ковровых бомбардировок. Для Мадлен это были самые страшные дни, когда она боялась громких звуков как огня. Она никому не рассказывала, но тогда она подумала, что этот ужас и есть то наказание, о котором говорил Обилич. Для себя она решила, что когда построит такое государство, о котором говорил ее отец, такой же ужас будет ждать тех, кто будет плохим... в ее понимании.

Мария Лазарь закрыла журнал и закрыла глаза. В офисе было душно, и так и хотелось вырваться из четырех стен и прогуляться на свежем воздухе. Нежданный гость появился на пороге ровно в четыре часа дня. Это был невысокого роста пожилой человек, ухоженный, в черном дорогом костюме. Джулия сразу же заметила дорогие часы на его правой руке, явно именные и сделанные на заказ.

– Здравствуйте, леди. – Он натянуто улыбнулся, Мария молча кивнула в знак приветствия. – Доктор Зев у себя?

Он с интересом разглядывал Лазарь, что-то в ней привлекало его.

– Да, но он сегодня не принимает...

– О, милая моя, меня он примет. Позвольте? – он сам подошел к двери кабинета и постучал.

– Оставьте меня! – крикнул Гэбриэл.

– Это Джейкоб. Я войду? У меня был долгий перелет, и я не хочу тут стоять в ожидании.

Спустя секунду Гэбриэл сам открыл ему дверь.

Глава V

Джулия подскочила с места и кинулась к Марии.

– Ты знаешь, кто это?!

Лазарь мотнула головой.

– Да это, – чуть ли не задыхалась от восторга девушка, – это же сам четвертый барон Ротшильд!!! Натаниэль Чарльз Джейкоб в нашем офисе... с ума сойти!

– Барон? – удивилась Мария. – Один и без охраны?

– Я думаю, что вся охрана осталась за дверью. Дай-ка посмотрю! – она сначала подбежала к окну. Внизу и впрямь были две машины сопровождения и один лимузин. Мини-кортеж занял пол-улицы. – А за дверью... дай-ка гляну.

Но Мария ее опередила, она подошла к двери и настежь ее открыла. У входа в офис Зева стояли два человека, в костюмах и вооруженные.

– Ой! Здравствуйте! – просияла Джулия, питавшая слабость к крупным мужчинам при оружии. Она не могла отвести глаз от одного из них, явно главного.

– Добрый день! – ответил он, улыбаясь и с любопытством разглядывая помощницу Гэбриэла.

– Не хотите войти? – спросила Джулия, когда Лазарь, потеряв интерес к незнакомцам, вернулась к креслу у журнального столика. Села и, достав сигарету, закурила. – Могу предложить вам чудный кофе. – Она уже почти влюбилась в

этого статного высокого брюнета с темными глазами.

– Не откажусь, – ответил он. – Бен, вызови Кевина, – обратился он к напарнику. Тот кивнул. – Меня зовут Вук, милые дамы, – улыбнулся он. Лазарь подняла глаза на мужчину.

– А меня зовут Джулия, а эта молчаливая особа – Мария.

Лазарь продолжала молчать, но уже с интересом рассматривала Вука.

– Позвольте, я присоединюсь? – он сел в кресло слева от Марии и тоже достал пачку сигарет. – Как работаете вам, леди?

Аромат сигарилл с вишневым вкусом наполнил комнату.

– В целом неплохо, но сегодня пустой день. У нашего начальника траур. Убили его друга.

– Да-да, в новостях с самого утра рассказывают. А вы тоже знали Уокера?

– Нет... но убийца вчера приходил к нам...

– Вук – довольно редкое имя, вы ведь не из Америки? – перебила Джулию Мария, посмотрев на гостя.

– Да, вы правы. Это сербское имя. Слыхали о Сербии?

– Доводилось, – кивнула Мария.

– Мои предки оттуда, а сам я родился и вырос тут. Так что самый что ни на есть американец.

– Акцент, – тихо заметила Мария.

– Что, прости? – он посмотрел на Лазарь, которая смотрела не на него, а в окно.

– У тебя сильный акцент, что говорит о том, что англий-

ский не твой родной язык и ты не урожденный американец.

– А ты наблюдательная, прям-таки шпионка.

– Как твоя фамилия, американец? – спросила Мария с иронией.

– ...Бранкович, – ответил Вук. – И запомните эту фамилию, дамы, вы о ней еще услышите.

– Ну, еще бы, – хмыкнула Лазарь.

Вук чувствовал, как злится на выскочку, но старался держать себя в руках. Он решил переключить свое внимание на рыженькую секретаршу. Та буквально пожирала его взглядом.

– Скажи, Вук, – сразу перешла на «ты» Джулия и, как могла, старалась быть обаятельной, – а ты давно работаешь у барона Ротшильда? Ты его телохранитель, да?

– Да, я начальник охраны. Отвечаю за безопасность. А давно ли... Лет десять уже. – Бранкович поднялся с кресла и стал расхаживать по комнате и рассматривать интерьер и копии картин Клода Монэ.

– И бывали опасные ситуации?

– Куда же без них, – пожал плечами Вук. – Бывают иногда.

Вдруг из кабинета выглянул Зев.

– Мария, зайди, пожалуйста.

Лазарь сразу поднялась с места и вошла в кабинет доктора.

– Чем могу быть полезна, Гэбриэл? – тихо спросила она.

– Приготовь нашему гостю кофе, у тебя это лучше всех

получается. Плюс принеси мне дело Мерфи, – сказал он на иврите. Мария послушно кивнула и удалилась на кухню, стараясь не попасться на глаза гостю.

Пока кофе варился, она зашла в соседнюю маленькую комнату, где Зев разместил картотеку своих пациентов. Папка сенатора Кристофера Мерфи лежала на самом виду, Лазарь не стала убирать ее далеко вчера.

– Здравствуйте еще раз, сэр Джейкоб, – обратилась на иврите к гостю Мария, отдавая папку Гэбриэлу.

– О! В наше время редко встретишь молодежь, говорящую на родном языке, – отметил гость. – Похвально, мисс. Только Джейкобом меня зовут в миру, а для друзей я Натаниэль. – Он улыбнулся. – Только никому не слова, я вам доверяю.

– Благодарю. – Лазарь изобразила подобие улыбки и снова удалилась на кухню разливать кофе по чашкам.

– Милая девушка, – сказал Натаниэль, – что у нее за семья?

– Она дочка Бенедикта и Лауры Лазарь. – Барон кивнул. – Он был отличным хирургом, великолепный был специалист, – покачал головой Зев, – они десять лет назад переехали в США. А два года назад погибли в автокатастрофе. Мария выжила лишь потому, что в то время проходила практику в больнице. Бедное дитя, осталась совсем одна.

– Это тот Бенедикт, который оперировал нашего общего знакомого Дэвида? – Доктор кивнул. – Да уж... какая потеря. Не знал, не знал. Дэвид после той пересадки был как но-

венький.

Минуту спустя Мария вынесла поднос с двумя чашками кофе и поставила его на стол доктора.

– Спасибо, дорогая.

– Так, Мария, присядь-ка с нами. – Зев протянул папку. – Расскажи нашему гостю о сенаторе. – Ему явно было противно даже смотреть на убийцу своего друга.

– Все о нем не надо, лишь возможные зацепки, может, вы что-то заметили? Не было ли у него сообщников, и не был ли это план?

– За сорок минут гипнотического сеанса...

– О! Забыл тебе сказать, она мастер-гипнолог! Талантище! Кхм, продолжай.

– ...Спасибо, – она улыбнулась, – я лишь заметила, что он нервничал, что-то его сильно беспокоило, но никаких предпосылок агрессивных не было... Он был психически нормальным человеком, это я могу говорить со стопроцентной уверенностью.

– Увы, но поступок его отнюдь не нормален, – покачал головой барон.

– Может, он готовил это убийство очень долго, – предположила Лазарь.

– Что ж, пускай этим делом займется полиция. Ладно. Хватит о нем. – Ротшильд стряхнул с брюк пушинку. – Билли, – сказал он и посмотрел на доктора и его помощницу, – Билл де Блазио, – уточнил он, – мэр города, предложил се-

мье Уокера, чтобы церемония прощания прошла здесь. Семья приняла этот жест. Церемония состоится послезавтра.

– Я обязательно на ней буду, – с готовностью ответил Гэбриэл.

– Само собой, – кивнул барон. – Только это не все события на пятницу.

Мария уже чувствовала себя лишней. Заметив, что чашки опустели, она поспешила забрать их и скрыться на кухне.

– В семь часов вечера в общинном еврейском центре, что на Амстердам-авеню, состоится вечер памяти Уильяма Уокера. Соберутся его бывшие коллеги, друзья.

– Боюсь, всех его друзей центр не вместит, – опустил голову Зев.

– Также состоится презентация одного любопытного экспоната. Из своих надежных источников я узнал, что им активно интересовался Мерфи.

– Что же это? – полюбопытствовал Гэбриэл.

– Голова... нетленная.

– Позволь спросить, чья голова?

– Голова князя Лазаря, – Мария замерла на месте, – балканская реликвия. Давно утерянная для них, но представляющая для населяющих ту местность народов великую ценность.

– В чем же ее ценность? Очередные мощи голя для поклонения гоев... – откинулся на спинку кресла Гэбриэл, потеряв интерес к теме.

– Видишь ли, не только сербы верят в ее силу – греки, турки, знающие европейцы. Пока голова не воссоединится с телом, Балканы будут разжигателями войн. – Барон говорил медленно, смакуя каждое слово.

– Ты всегда был мистическим человеком, Натаниэль, – улыбнулся доктор.

– Вот уже 626 лет, как она переходит от одного владельца к другому. Сербы уже больше двухсот лет просят турков вернуть ее, а те молчат. Знаешь почему? Потому что ее и у них нет. Каждые пятьдесят лет она меняет владельца, трофеей переходит от одного рода к другому, наделяя силой. Верь или не верь, но так оно и есть.

– Что ж, люди и в копые Судьбы верят...

– Я приглашаю тебя на церемонию передачи этой реликвии моей семье на хранение. Тебе, я уверен, будет приятно повидаться со старыми друзьями.

– Мне не с кем пойти на это мероприятие, – нахмурился Зев, который никогда не любил массовые скопления людей.

– Возьми Марию. – Барон кивнул в сторону кухни. – Такой чистой еврейской крови негоже пропадать. Познакомим ее с кем-нибудь достойным.

– Мария! – позвал ее Гэбриэл, та тут же вышла из кухни. – Сопроводишь старика на вечеринку? – Он улыбнулся отбеленными зубами.

– Сочту за честь. – Она заставила себя приветливо улыбнуться.

– Вот и дивно. – Ротшильд встал с кресла. – Также там и обсудим еще кое-что. Уже по твоей части, возможно, мне нужна твоя помощь как психоаналитика.

– Всегда готов помочь! – как ужаленный подскочил с места Зев.

– До пятницы. До встречи, мисс Лазарь. – Он кивнул в ее сторону и вышел за дверь. Гэбриэл побежал его провожать.

– ...До свидания... – тихо ответила Мария, переваривая услышанную информацию. Как-то это все невероятно, слишком хорошо, чтобы быть правдой...

Когда гость со своей охраной ушел, Джулия выловила Марию и принялась рассказывать ей о своей новой пассии – Вуке Бранковиче. Она восхищалась всеми его мелкими заслугами и всем тем, чем он успел ей похвастаться. Но мыслями Лазарь была далеко. Снова мысли хаотично бегали в ее голове, пытаясь сложиться в логичный план.

– Так, милые мои, – Зев собрался уходить, – на сегодня рабочий день окончен. И, скорей всего, на всю неделю вперед.

– Но у нас полно записей, дядя! – возмутилась Джулия.

– Отмени и перенеси на другое время. Я не в состоянии работать, да и нужно подобрать костюм к вечеру памяти. Уиллу не должно быть стыдно за своего друга.

– ...Как скажешь, – поморщила нос Джулия.

– Мария, надеюсь на твою помощь в пятницу. Без твоей поддержки мне там не справиться.

– Все будет хорошо, доктор Зев.

– Верю, – кивнул он. – Тебе я всегда отчего-то верю.

Попрощавшись с девушками, он покинул офис. Джулия неохотно вернулась на свое рабочее место и, открыв расписание сеансов, принялась обзванивать всех пациентов.

– Тебе хорошо, – Джулия по-детски надула губки, – ты можешь идти домой и отдыхать. И вообще, почему меня не пригласили на эту вечеринку?!

– Это вечер памяти, а не вечеринка, – ответила Лазарь, переодевая офисную обувь на уличную.

– Там наверняка будет Вук, – мечтательно проговорила секретарша. – У нас бы были красивые дети...

– О боже, избавь меня от этого, – раздраженно бросила Мария.

– А тебе есть что надеть, или пойдешь опять в одном из своих серых брючных костюмов?

– Нет, оденусь в розовый латекс, чтобы уж наверняка.

– Зачем так грубить? Я же по-дружески спросила, – нахмурилась Джулия. – Ладно, куда направляешься? Может, составишь мне компанию на ужин?

– Пойду прогуляюсь.

– Куда? – не унималась девушка.

– На мост.

– На мост? Зачем?

– Буду думать о бренности своего бытия, курить и потом спрыгну вниз. Хороший план?

– Ты слишком много куришь, так ты замуж никогда не выйдешь. – Мария закатила глаза и вышла из офиса. – Я серьезно! Кому нужна курящая жена?!

– Тому, кому была нужна, – того уже нет... так какая разница, что со мной будет?.. – прошептала Лазарь, спускаясь по лестнице вниз.

Как только она вышла на улицу, тут же зарядил снегопад. Накинув меховой капюшон на голову, Мария пошла в сторону дома. Шла она медленно, то и дело поглядывая в небо и ловя снежинки ртом. Прохожие не обращали на это внимания, Нью-Йорк давно привык к людям со странностями. Домой ей идти не хотелось. Пройдя квартал, она села в первый остановившийся автобус и решила ехать, пока не захочется выйти. Бело-синий старенький автобус медленно двигался по своему маршруту, оставляя на дороге, засыпанной свежим снегом, одинокий след. Отчего-то движение в этот час было свободным и мимо окон редко проносились машины. Лишь изредка встречались одинокие прохожие, спешащие по своим делам. Отвлекшись от своих мыслей, Мария посмотрела в окно. В темноте она успела разглядеть название улицы.

– Ну, привет, неприятности, – хмыкнула она, поднимаясь с места.

Лазарь вышла на остановке на пересечении Амстердам-авеню и Западной Сто восемьдесят первой улицы. Вокруг не было ни души. Мария сделала несколько шагов.

Неожиданно среди полной тишины из открытого окна, обклеенного скотчем, послышалась индейская музыка. Мария стояла посередине дороги и вслушивалась в приятную мелодию, кивая в такт музыке и шепотом подпевая. Она закрыла на мгновение глаза, и ей показалось, что она перенеслась в какое-то другое, волшебное место.

– Эй! – вырвал ее из медитации мужской голос. Она открыла глаза. В открытом окне появился мужчина в одних шортах. Его лицо показалось ей знакомым. – Не стой на дороге! – крикнул он. – Это опасно!

– Да-да, расскажи мне что-то, чего я не знаю про опасность, – мотнула головой Лазарь. Налетевший ветер скинул с ее головы капюшон.

– Это ты?! – едва слышно спросил мужчина. – Подожди! Не уходи никуда!!! Я сейчас спущусь! – крикнул он и бросился одеваться.

– Догонишь...

Посмотрев по сторонам, Мария направилась в сторону старого Вашингтонского моста. Тротуар обрывался внезапно. Продолжение было чуть дальше, но спускаться по лестнице и снова подниматься не было никакого желания. Машины в эту ночь были редкостью, и она пошла по дороге вдоль обочины. На мосту Лазарь перешагнула через отбойники и оказалась на узкой пешеходной дорожке. Морозный ветер смешивался с запахом еще не замерзшей реки Гарлем. Марии всегда нравились мосты, а особенно виды, с них от-

крывающиеся. С маленькой смотровой площадки, изрисованной разноцветными буквами «П», открывался унылый вид на грязную реку и гарлемские высотки. Лишь деревья и кустарники, что росли вдоль реки, сглаживали впечатление. Мария посмотрела по сторонам – никого, ни людей, ни машин. Как по заказу, и фонарь потух. В темноте Лазарь ловко перелезла через ограждение и пошла вперед по широким перилам, каждые пять метров переступая через каменные пирамидки. Она остановилась между двумя фонарями и посмотрела вдаль. Не спеша села на перила, свесив ноги вниз. Снова оглядевшись по сторонам, она хмыкнула, вспомнив что-то.

– Что бы ты сделал, увидев меня тут?.. – Она снова улыбнулась. – Боже, как бы ты ругался на меня. – Даже через холод она почувствовала, как защипало в носу. – Как же сильно мне бы этого хотелось... – скатывающиеся слезинки сдуло ветром. Достав из кармана пачку сигарет, она закурила.

– О господи! Мисс, не делайте этого! – негромко взмолился кто-то. Лазарь лениво повернула голову: это был тот индеец из дома у остановки, тот самый, которого она спасла от разбушевавшихся негров вчера.

– А ты быстро поправился. – Она снова отвернулась.

– Не прыгайте... что бы это ни было, оно не стоит вашей жизни, – не унимался мужчина. Он был высокого, под два метра, роста. Длинные черные, как смоль, волосы были заплетены в косичку и доходили до середины спины. Он был

настоящим краснокожим, как с картинки. Не хватало лишь перьев.

– Я не прыгаю, идиот, я – думаю. А ты мне мешаешь.

– Странное место для подумать, вы не находите? – он искал способы добраться до девушки, чтобы перетащить ее на безопасную сторону.

– Ты чего хотел, Чингачгук?

– ...Поблагодарить тебя за то, что спасла меня вчера.

– Не стоит.

– Довольно смелый поступок для белой женщины.

– Безрассудный скорей.

– Я прошу тебя, перелезь обратно. Это опасно, ветер подует сильнее, и ты упадешь, погибнешь.

– Да ну? Что ж, все мы не вечны, – пожалала она плечами.

– Как тебя зовут? Аккуратней! – чуть не завопил он, когда Мария стала подниматься с места. Выпрямившись во весь свой рост, она повернулась лицом к индейцу.

– Я не знакомлюсь на мостах, знаешь ли. – Оперевшись на ограждающий забор, она легко толкнулась ногами и перепрыгнула через него. Уже через пару секунд она стояла перед незнакомым мужчиной. – Спасибо за компанию, – улыбнулась она, глядя на ошеломленного индейца, который давно так не боялся, тем более за абсолютно незнакомого человека. – Удачи! – Она развернулась и пошла по мосту дальше.

– ...Мы еще встретимся, – прошептал ей вслед индеец, переваривая все произошедшее. В этой девушке было что-то

такое загадочное и манящее. Он не мог понять, что именно. Постояв на мосту еще пару минут, когда Мария исчезла из вида, он поспешил вернуться домой.

Мост оказался длинным, и на другую сторону Лазарь добралась лишь спустя минут пятнадцать. А потом еще полчаса ушли на поиск цивилизации и такси. Домой она добралась ближе к десяти часам. По дороге пришлось заглянуть в ближайший супермаркет – умирать с голоду желания не было. Придя домой, разложив продукты по местам, она подошла к всегда включенному ноутбуку. Этот компьютер жил какой-то своей жизнью. В браузере была открыта ее страничка на фейсбуке. Она тоже жила своей жизнью. Прямо на глазах девушки велась переписка с десятками друзей – людьми, которых она не знала. Лазарь закатила глаза.

– Вот так рождаются легенды... приду домой как-нибудь, и – бац! – я уже лауреат Нобелевской премии за мир... – Она взяла со стола зеленое яблоко и откусила. – Наверное, у меня и инстаграм свой есть, я выкладываю там селфи с едой... – махнув рукой, она пошла в ванную умываться.

Помыв руки и умывшись, она проделала уже привычную процедуру – вытащила линзы из глаз и бросила их в очищающий раствор. Снова умывшись, девушка посмотрела на себя в зеркало.

– Ну, привет... – она подмигнула сама себе.

Выйдя из ванной, она села на диван и включила телевизор. Новостные каналы разрывались от экспертных мнений

и комментарий по поводу убийства Уокера. Жена сенатора Мерфи то и дело мелькала на экране. Одни обвиняли ее в пособничестве, другие защищали.

– Бедняжка, – выдохнула Мария, доедая яблоко, оставляя лишь черенок, – но, увы, и тебе наверняка есть за что платить.

Лазарь устроилась на диване поудобней, накрылась пледом и под новостные выпуски сама не заметила, как уснула. В голове было слишком много мыслей, и только сон мог их устаканить.

Половину следующего дня Мария провалялась в кровати. Было невероятно лень что-либо делать и куда-то идти. Ночь ей импонировала куда больше. К сожалению, сон не разложил мысли по полочкам, а лишь придал им сил. Лазарь сидела за столом и смотрела в монитор своего ноутбука. Так хотелось с кем-то поговорить, с кем-то, от кого не нужно скрывать настоящую себя. Поразмыслив несколько секунд, она запустила одну из программ, существовавшую в двух экземплярах – у создателя и у нее. Тут же открылось окошко чата на черном экране. На той стороне никого не было, горел красный огонек.

– Ну давай, – прошептала она, – подойди к компьютеру, Горан.

– Что случилось? – спустя две минуты загорелся зеленый огонек, и Горан отписался.

– Не прошло и года... – она выругалась не на английском и тут же осекла себя. – Голова Лазаря, – напечатала она.

– Та, которая пропала, или тебя чья-то еще интересует?

– Завтра я иду на вечер, где ее передадут следующему хранителю... Я не знаю, что мне делать.

– А что тут сделаешь? Сходи посмотри... где еще такое увидишь... – Мария поморщилась от раздражения. Ее собеседник явно не понимал ценности реликвии. Ей не нравились его интонации, хотя она видела лишь текст. На том конце провода явно что-то изменилось, а ее забыли предупредить.

– Послушай меня, Мария, – напечатал Горан, – через два месяца мы завершим план. Он будет выполнен. Ты можешь жить полной, обычной жизнью... Забудь о прошлом, живи настоящим. Это то, чего бы хотел Михаэль.

– Может быть, он этого и хотел бы, да только он умер, – написала она в ответ, чувствуя, как подступают слезы. – И я хочу, чтобы его мечта осуществилась все равно, – сказала она, глядя в монитор. – И по каким-то неведомым причинам Бог дает мне шанс сделать это... – Лазарь положила голову на стол и закрылась руками. – Я попробую... может, это ты ведешь меня?.. К себе... самым коротким путем...

Снова зажегся красный огонек, и программа сама закрылась, а компьютер продолжал жить своей жизнью, не обращая никакого внимания на капающие на него слезы.

В тишине Мария слышала, как семейная пара в соседней

квартире обсуждала произошедшее вчера убийство, а в другой квартире женщина играла на гитаре и напевала песенку на французском.

– ...Chanson un peu triste, je crois... C'est une chanson d'amour fan, comme celle que tu fredonnais... – пела незнакомка чуть хриплым голосом.

– Да... грустная песня об увядшей любви, которую ты напевал... – повторила Мария слова песни не на английском. – Мне не хватает твоих песенок...

Какой-то ребенок бегал по коридору. Потом его легкие шаги дополнились тяжелыми шагами взрослого человека. Он подходил к каждой двери на этаже и засовывал под двери глянцево-черные флаеры. Один достался и Лазарь.

Она дождалась, пока шаги стихнут, и подошла к двери, подняла флаер с пола.

– Вечер индейской музыки в баре «Этно Гарлем», – прочитала она вслух. – Открытие бара сегодня в 20.00, каждый третий напиток – за счет заведения. – Она еще раз пробежалась по тексту глазами. – Хм, кто-то хочет спойть целый район. А вот индейцы меня явно преследуют...

Остаток дня Мария посвятила уборке квартиры. Это помогало отвлечься от всевозможных нехороших мыслей. Закончив ужин, она взглянула на часы – шел десятый час. За окном снова разыгралась несильная метель. Нацепив старые джинсы, теплый толстый белый свитер и пуховик, Мария вышла из дома и направилась вниз по улице. Новый бар

расположился всего в ста метрах от ее дома. Несмотря на плохую погоду, народу было много. Местные стягивались к новой алкогольной мекке. Белых среди жаждущих выпить было меньшинство. Возможно, пиво и индейская музыка их не так привлекали, как цветных. Новый бар расположился на первом этаже пятиэтажного кирпичного дома. Дом относительно недавней постройки, от силы лет двадцать.

Возле входа толпились люди, а из приоткрытых дверей доносилась приятная узнаваемая музыка североамериканских индейцев. Лазарь остановилась у входа. Эту же песню она слышала и вчера. Девушка вошла в бар. Помещение было небольшим, отчего-то прохладным и переполненным уже разгоряченным народом. Расстегнув куртку, Мария стала прорываться к барной стойке. Как раз освободилось одно местечко в уголке – отличный обзор, да и близость к выходу. Заняв место, девушка сделала заказ. Бармен даже не стал ей предлагать чего-либо сверх, а просто пошел выполнять заказ. Получив свой коктейль, Лазарь устремила взгляд на маленькую сцену, где пять музыкантов индейского происхождения напевали любимые мотивы своих предков. Публику эта музыка интересовала мало, все были поглощены собой и своим обществом. Мария с любопытством разглядывала людей и, казалось, наслаждалась тем, что никто из них даже не смотрит в ее сторону. Только сейчас она поняла, что забыла надеть линзы.

– Ну, оно и к лучшему... – сказала она сама себе и заку-

рила. – Опять он... – Она заметила своего знакомого индейца у края сцены. – Что ж, еще один коктейль, и уходим. Пока Чинганчгук нас не приметил.

Допив свой «Апероль шприц», Лазарь расплатилась с барменом и направилась к выходу. На улице было тихо, все люди разошлись. Опять улица наполнилась лишь тихим завыванием ветра. Мария медленно пошла к дому. Боковым зрением она увидела, как кто-то вышел за ней. Она хмыкнула и покачала головой.

– Знаешь, если бы у меня была паранойя, я бы решила, что ты меня преследуешь.

– Может, это небесам угодно, чтобы мы вновь встретились.

– Да зачем ты на мою голову с этих своих небес свалился?..

– Постой! – крикнул индеец. – Я знаю твой секрет. Мария остановилась.

– Какой из них? – она глянула на него через плечо.

– Тот, который позволяет тебе быть невидимой для жителей этого района.

– Какая глупость, – фыркнула Лазарь.

– Ты живешь в доме для афроамериканцев, ходишь среди них, а они не обращают внимания на белую женщину среди них... они в твоей власти...

– Знаешь, мои услуги психиатра дорого стоят.

– Это твой дар. Он большая редкость... мой дед рассказы-

вал мне о таком. – Индеец сделал несколько шагов к Марии.
– Дар, говоришь? Знаешь, те, кто его ощутил на себе, считают его проклятьем. – Она повернулась лицом к незнакомцу и посмотрела ему в глаза.
– На меня не работает. – Он покачал головой. – Но наша встреча не случайна, мне ее предсказывали.
– Как мило, – передернула она плечами. – И теперь ты спасешь мир? – Девушка улыбнулась.
– С твоей помощью, – кивнул индеец.
– Мой тебе совет, Чингачгук, не пей больше. Козленочком станешь. Давай, бывай! – она махнула ему рукой и продолжила путь домой.
– Мы еще встретимся, – кинул он ей вслед.

Мария вернулась домой и, побросав ботинки и верхнюю одежду на пол у двери, забралась с ногами на подоконник. Небо было в серых снежных тучах, снегопад усиливался с каждой минутой. Лазарь смотрела в небо, будто ища там что-то.

– ...Даже в самом темном небе всегда ищи просвет, – прошептала она, касаясь стекла пальцами. – Ты никогда не говорил, что делать, если его нет...

Она прислонилась головой к стеклу и закрыла глаза.

28 февраля 2008 года, Сербия, близ села Сене

Весна в этом году выдалась ранней, но лишь в некоторых

районах страны. У подножия Кучайских гор все еще царствовала зима. Деревья на склонах были усыпаны белоснежной мишурой, и морозный ветерок гулял по верхушкам. У самых гор высился древний монастырь Раваница. Когда-то давным-давно он был обнесен высокой крепостной стеной с семью башнями, но до наших дней дожили лишь три. Зимой тут было немногочисленно и тихо. У подножия гор стояла церковь Вознесения Господня. Дорога к ней, выложенная камнями, была засыпана свежим снегом, никто еще не проложил ко входу путь.

Два человека не спеша шли по дороге, о чем-то тихо разговаривая. Мужчина держал за руку свою спутницу так крепко, будто боялся, что ослабь он руку – она исчезнет.

– Не думаешь, что нам бы следовало вернуться домой? – спросила девушка, поправляя шарф.

– Зачем? – спросил Милош Лазарь, с восхищением рассматривая церковь. – Ничего не изменится с нами или без нас. На следующей неделе вернемся, и наша война продолжится. Только теперь мы будем вне закона, только теперь против нас будет полмира.

– Милош, – девушка остановилась, – я уже не понимаю, за что мы боремся. – Она замотала головой. – Если такое сопротивление, может, это никому, кроме нас, не нужно?

– Ну что ты, цветочек мой. – Он повернулся к ней лицом и рукой провел по ее щеке. – Люди боятся, а смелых очень мало. Нас загнали в угол и хотят, чтобы мы сдались. А я не

хочу сдаваться, – он улыбнулся, – я хочу совсем другого.

– Чего? – невероятного фиалкового цвета глаза впились в его лицо, ожидая ответа.

– ...Это так здорово, что я могу быть с тобой, когда дома война. Но еще больше я хочу, чтобы эта война никогда не дошла до тебя. Все очень просто, Сенка, я хочу, чтобы на Балканы вернулись мир и покой. Чтобы Сербия была Сербией, а не театром боевых действий между Востоком и Западом.

– А я не верю в мир и покой. Всегда найдется кто-то, кому мир придется не по душе.

– Пускай. Знаешь, когда я был малым совсем, мы семьей приезжали сюда. С тех пор здесь мало что изменилось. – Милош посмотрел вокруг. – Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Он взял ее за руку и повел в сторону церкви. Тяжелая деревянная дверь была немного приоткрыта. Вдвоем они вошли внутрь. Внутри никого не было, стояла первозданная тишина. На бледно-серых стенах до самого потолка просматривались старинные фрески. А золотые лики на алтаре поблескивали в лучах зимнего солнца и отражались на мраморном полу. Над ним на длинных цепях свисала кованая люстра с белыми свечами. Справа от алтаря в нише висела икона князя Лазаря. Под ней в стеклянном саркофаге лежали его нетленные мощи. Милош, взяв Сенку за руку, подвел ее к ним.

– Ты ведь знаешь, кто это.

Девушка кивнула.

– Помнишь старую легенду о голове Лазаря?

Сенка мотнула головой.

– Ее мало кто помнит... – Милош посмотрел на икону. – ...Покуда не вернется голова к телу, Балканы не будут знать мира и будут тонуть в собственной крови за то, что не убежали...

– Никто не знает, где она, Милош. И ведь не факт, что с ее возвращением все так и будет.

– Верно. – Он кивнул. – Но знаешь, если бы мне представилась такая возможность – я бы ее вернул. Шанс всегда есть... – Сенка обняла его сзади и прижалась к спине. – Может, – прошептал он, положив свои руки на руки Сенки, – дорога, по которой этой голове придется пройти, и будет тем шансом...

– Дорога важнее итога, – прошептали они вместе.

Мария открыла глаза и снова посмотрела на небо. Среди серых снежных туч появилась крошечная прозрачная область. И именно через нее было видно то звездное небо, которое так тщательно скрывается от глаз людей. Мария видела лишь одну звезду, и чем дальше она на нее смотрела, тем сильнее глаза наливались слезами. Она слезла с подоконника и присела на колени. Один кирпич под окном был не закреплен. Лазарь поддела его пальцем и выдвинула на себя. За ним была небольшая ниша – тайник. В нем лежала лишь одна старенькая железная коробка из-под клюквенного пече-

ня. Мария достала коробку и вернулась на подоконник. Открыла ее. Внутри была одна-единственная выцветшая фотография и толстая серебряная цепочка с двумя серебряными кольцами. Она тихонько коснулась колец, затем взяла их в руку и поднесла ближе к лицу. На внутренней стороне обоих колец были одинаковые надписи кириллицей: «Заједно заувек»¹. Мария сжала кольца в кулак и взяла со дна коробки фотографию. На ней мужчина в форме цвета хаки сидел на зеленой траве под раскидистой яблоней и улыбался тому, кто его фотографировал. Мария медленно провела по его лицу пальцами.

– ...Дорога важней итога... – прошептала она. – Да будет так. – Несколько слезинок упали на фотографию.

¹ Вместе навсегда (*серб.*).

Глава VI

Нью-Йорк, наше время

Пятница утром мало отличалась от четверга вечером – все так же шел снег, а небо было серым, как и жители «большого яблока». Марию разбудил телефонный звонок без десяти семь утра. На экране высветилось лицо доктора Зева.

– Да, Гэбриэл?

– Доброе утро, Мария! – бодрился психоаналитик. – На работу сегодня не выходим, я отменил все встречи. Вечером в 19.00 заеду за тобой. Скажи мне свой адрес.

Лазарь зашла в ванную и стала расчесывать волосы.

– Не стоит, доктор Зев. Давайте я просто подъеду куда нужно.

– Глупости какие! Ты моя спутница на этом вечере, мы должны приехать вместе, а не врозь, – недоумевал Гэбриэл.

Мария посмотрела на себя в зеркало, взгляд был крайне недобрым.

– Слушай меня.... – Зев вдруг перестал причитать и замолк. – Ты не приедешь за мной, а будешь ждать у офиса в шесть тридцать вечера...

– ...В шесть тридцать, у офиса... – неуверенно повторил Гэбриэл.

– Хорошая погода сегодня, вы не находите? – сменила тему Мария.

– А? О! Да уж... – Зев снова стал прежним. – Сама природа оплакивает моего друга.

– Угу, а вместе с ним и еще пару десятков тысяч умерших с ним в один день, – прошептала девушка. – До встречи вечером, Гэбриэл.

– Да-да, пока, дорогая моя. – Он отчего-то поспешил повесить трубку.

Вечер наступил быстро. Зев встретил Марию у офиса, и вместе они отправились на Амстердам-авеню. Они ехали молча, каждый был погружен в свои мысли. Мария смотрела на проносящиеся за окном огоньки и вслушивалась в странную песню, доносившуюся из динамиков. Она не понимала ни слова из нее, но отчего-то каждое слово находило отклик в сердце, будто мужчина пел о чем-то родном для нее. Из раздумий и ее, и доктора вырвала внезапно лопнувшая шина. Зев поспешил затормозить. Они проехали лишь полпути.

– Как я понимаю, мы приехали, – хмыкнула Мария, посмотрев на водителя.

– Не смотри на меня, – развел он руками, – я чинить машины не умею.

– Запаска-то хоть есть?

– Если мне не изменяет память, – почесал он в затылке, – это она и была.

– Класс. Дальше поедем на такси. – Мария вышла из машины.

– А куда мою красавицу денем?

– Ее эвакуируют... тут парковать нельзя. – Лазарь кивнула на запрещающий парковку знак.

– Черт! – выругался Зев. – Мы опаздываем уже... – Он глянул на часы и всплеснул руками.

– Не думаю, что кто-то заметит наше отсутствие, – пожалала плечами девушка. – Не такие уж знатные птицы.

Вдалеке замаячила заветная желтая машина.

– Все равно опаздывать неприлично.

– Вот увидишь, Гэбриэл, все самое интересное начнется, когда мы приедем.

Такси остановилось напротив главного входа в общинный еврейский центр в 19.23. Двое вышли из машины.

– Пойдем же скорее! – поспешил внутрь Зев, беря под руку Марию. – И так уже опоздали, как школьники...

Пройдя через стеклянные двери, они оказались в просторном холле. Званных гостей внизу уже не было. Кроме администратора на стойке информации и человек двадцати охраны, на первом этаже никого не было видно.

– Добрый вечер! – подскочил к администратору Гэбриэл. – Меня зовут доктор Гэбриэл Зев, я...

– Да-да, господин Зев, – улыбаясь, закивала девушка, – вы и ваша спутница немного опоздали, но еще не пропустили ничего важного. Проходите к лифту и поднимайтесь на седьмой этаж. Вас там встретят.

– Спасибо, милая.

Мария и Гэбриэл зашли в лифт.

– Готова познакомиться с лучшими людьми этого мира? – улыбнулся Зев. – Все они собрались тут сегодня, и мы среди них. – На миг Марии показалось, что от тщеславия доктор забыл причину, по которой они все тут собрались.

– Лучшие уже давно на небесах, Гэбриэл, – заметила Мария.

– ...И то верно, – кивнул доктор. – Познакомим тебя с кем-нибудь достойным, негоже тебе жить одной в твоём-то возрасте.

– Не стоит, Гэбриэл, мне это неинтересно.

Лифт остановился, и двери медленно открылись, представляя на обозрение огромный зал с высокими окнами и отличным видом на вечерний Манхэттен. В зале было шумно, и голоса людей, будто жужжание пчел, заполняли все пространство. Между группами гостей ловко лавировали официанты, предлагая закуски и напитки. Слева от лифта была галерея фотографий Уокера – стена памяти. Горели номинальные свечи, но никто не вспоминал на самом деле. Справа от лифта вдоль стены был смонтирован муляж крепостной стены, а за ним на экране висела панорама поля... усеянного телами убитых солдат. В конце поля стояли турецкие шатры. Марии даже показалось, что она слышит, как ветер гуляет по этому полю.

Лазарь была права – на их прибытие никто не обратил внимания. Зев стал искать глазами среди гостей своих знакомых и не заметил, как Мария ушла и затерялась в толпе. Обходя группы пьющих и жующих людей, она шла к крепостной стене. В самом центре инсталляции на широком мраморном пьедестале, под стеклом, на красном бархате лежала нетленная голова царя Лазаря. На бархате золотом было вышито на иврите: «Гой, чьей мечте не суждено сбыться». Слева от головы лежал сияющий золотом шлем с вырезанным на нем драконом, а справа – корона царя.

Мария смотрела не отрываясь, не моргая на святые мощи и не могла поверить своим глазам. Из доносящихся сзади разговоров она то и дело улавливала отдельные слова, фразы. Потом среди всех прочих она выделила уже знакомый голос барона Ротшильда. Он смеялся над чьими-то словами, словами какой-то женщины. С трудом оторвав взгляд от экспонатов, Мария через плечо посмотрела на барона и его собеседницу. Ее лицо было ей знакомо. Вокруг них были еще люди, все их лица порой мелькали в новостных сводках. В этот момент к ним как раз подошел Зев.

– Госпожа Олбрайт! – воскликнул Гэбриэл, по спине Лазарь пробежал холодок. – Боже! Как давно мы с вами не виделись! А вы все так же прекрасны!

– Что вы, доктор Зев! – махнула она рукой, широко улыбаясь. – Вы всегда были льстецом.

– Не-ет, – протянул он, – это вы всегда неотразимы! По-

трясающая инсталляция... – он указал пустым бокалом из-под шампанского на крепостные стены. – Какого города это стены?

Мадлен и Натаниэль переглянулись.

– Это крепость Калемегдан в Белграде, – поморщившись, ответила Олбрайт. – Слышали о таком, Гэбриэл?

– Приходилось, – кивнул он, рассматривая нетленную голову. – Все равно не вижу в этом никакой ценности.

– Ну, знаете, суеверия иногда спасают жизнь, – улыбнулся Ротшильд. – Да и посмотри новости, Гэб, и ты увидишь, что голова работает. Слышал о Македонии? Пламя разгорается вновь.

– Не без нашей помощи, барон, – улыбнулась Олбрайт.

– Думаете, будь у сербов эта голова, они бы удержались от войн? – не унимался Зев.

– Ты себе не представляешь силу веры, Гэбриэл, она творит чудеса. А такое оружие я предпочитаю хранить у себя дома. – Ротшильд отпил красного вина из бокала.

– Кому она принадлежала до тебя? – поинтересовался Зев.

– Ты удивишься, но последние десять лет – никому. Уокер спрятал ее в своем хранилище до лучших времен. Увы, для него они уже не настанут. Его родственники пришли к выводу, что у меня она будет сохраннее.

– Смешно с этой Сербией, – задумавшись, тихо сказала Олбрайт, – ее судьба всегда решается не на ее территории.

– В смысле? – повернулся к ней барон.

– Занимательно и то, что судьба Югославии была решена не где-нибудь, а в мужском туалете. – Она ухмыльнулась, а Мария сильней сжала кулаки. Лазарь смотрела в высохшие глазницы князя Лазаря, и ей казалось, что она видит его серо-зеленые глаза, смотрящие на нее то ли с надеждой, то ли с укором. – Вы не знаете этой занимательной истории? – удивилась бывшая госпожа госсекретарь. Барон и доктор мотнули головами. – За пару дней до бомбардировок в Вашингтон к нам навещался Тони Блэр. Этот озорник хотел последних согласований об участии Англии в операции. На встрече были Билл, я, двое моих помощников и Блэр с парой своих коллег. Я быстро смекнула, что он все еще сомневается в правильности решения. Он хотел это обсудить лично с Биллом. Но по формату встречи не было места разговорам с глазу на глаз.

Вашингтон, 1999 год, Белый дом

Тони Блэр поймал на себе взгляд Клинтона и тут же подал ему глазами знак.

– Билл, нужно поговорить, – мысленно произнес он, вставая с места, на него устремились удивленные взгляды. – Прошу прощения за нескромный вопрос, но я давно не бывал в Белом доме. – Он улыбнулся. – Пойду поищу уборную...

– Я покажу вам, Тони, – гостеприимно улыбнулся Клинтон. – У нас тут самый настоящий лабиринт!

Вдвоем они покинули комнату совещаний. Олбрайт до-

вольно улыбнулась и поправила брошку в виде ангела на своем пиджаке.

Клинтон и Блэр не спеша курили в мужском туалете, предварительно закрыв его на защелку изнутри. Клинтон стоял у зеркала и внимательно себя разглядывал. Блэр же по школьной привычке сидел на подоконнике и выпускал клубы дыма под потолок.

– Что думаешь делать, Тони? Вы с нами? – спросил президент США.

– С вами, конечно. Только что-то мне все это не по нраву. Мы уничтожим целую страну... просто потому что, – он посмотрел на Билла, – просто потому что ее гибель приблизит гибель России?

– Мы уничтожим диктатора в центре Европы и покажем им подобным, к чему приводит дружба с Россией. Мы подложим бомбу замедленного действия под весь регион и, когда нужно будет, – взорвем ее. Побеседуй с Мадлен, она расскажет тебе о сути.

– ...Мы ведь убьем сотни гражданских, – мотнул он головой. – Потом годами будем разгребать.

– Не относись к ним как к людям, себе равным, или как к людям вовсе, Тони. Они скот, который пришло время отправить на убой. Сам посуди, даже судьба существования этой паршивой Югославии решается в туалете, под шум нечистот в трубах. Символично, на мой взгляд. – Клинтон обвел ру-

ками помещение. – Да и разгребать не ты будешь, найдутся люди.

– Что ж, если все наши договоренности в силе, то я согласен. Югославии быть не должно. – Блэр посмотрел на почти докуренную сигарету, а затем бросил ее в унитаз.

Вдвоем они вернулись в комнату совещаний, где их уже жаждали. Олбрайт знала, что ответ будет положительным.

– Мадлен, – Клинтон коснулся ее плеча, – как назовем нашу операцию против Милошевича?

Госсекретарь улыбнулась одними губами и, коснувшись своей брошки, задумалась на мгновение.

– Милосердный ангел... из милости к этим варварам мы убьем их, чтобы не мучились...

Наше время

Барон, доктор Зев и Мадлен звонко рассмеялись. Марии, все это время стоявшей к Олбрайт спиной и слушавшей ее рассказ, было не по себе. Она с трудом могла дышать, редко делая тихий глубокий вдох. Девушка медленно осматривалась по сторонам и разглядывала лица приглашенных. В этом зале она была одна среди врагов. От осознания этого голова шла кругом. Мария снова посмотрела на видеоинсталляцию Косова поля, на турецкие шатры вдалеке. На один краткий миг она почувствовала себя Милошем Обиличем в стане врагов. И где-то совсем рядом был он – султан, которого нужно было убить...

27 июня 1389 года, Косово поле

Страна меда и крови давно сотрясалась от распрей и войн. И никто не знал, с чего они начались и где им конец.

Весь день над полем гулял ветер, не было слышно ни птиц, ни людей. С одной стороны турки раскинули свои шикарные походные шатры, и невиданные для этих краев верблюды с опаской выглядывали из-за наспех сооруженных укреплений. На другой стороне раскинулся лагерь царя сербского Лазаря. Уже несколько дней в него все прибывают новые силы, но единства мнений среди них нет. Лазарь с горечью в сердце смотрит на то, как его подданные плетут интриги, замышляют измены, как стовариваются одни против других. Однако, несмотря ни на что, они явились на Косово поле – защищать Сербию от унижительного владычества турок.

В эту ночь Лазарю не спалось, сотни мыслей не давали сомкнуть глаз. Ближе к полуночи к нему в шатер пришел князь Милош – молодой воин, князь, герой Београдского удела и муж его дочери Оливеры. Царь всегда относился к нему как к сыну и выделял его среди остальных своих подданных. Да и не мог быть плохим человек, которого любит его дочь. Войдя в шатер, Обилич снял свой диковинный шлем с драконом и поклонился царю.

– Господарь, Юг Богдан пришел с сыновьями, войско свое привел вам на службу. Воевода боснийский Владко Вукович

на подходе, к утру у нас будет, – отрапортовал Милош.

– Что тебя гнетет, князь? – заметив угрюмое выражение лица воина, спросил царь.

– Войско наше в три раза меньше османского. Не взять их силой, – он посмотрел на Лазаря с вызовом, – но хитростью можно! – правую руку он к сердцу приложил.

– И каков твой план? – погладил себя по бороде Лазарь.

– Напасть на турок ночью... застанем их врасплох. – Царь молчал.

– Как неверующие грешники, как воры или цыгане, скрываясь от света Божьего?..

– Зато на рассвете Бог увидит нашу победу, – стоял на своем Милош.

– Нет, князь, – мотнул он головой, – тут я с братом твоим названным согласен – драться будем при свете дня, как предки наши дрались.

– Нет у меня больше названного брата. – Голос Обилича стал жестким, а иссиня-голубые глаза сверкнули злой искрой. – Предатель он, господарь.

– Как ты можешь так о Вуке говорить... всю жизнь вы с ним как два брата, плечом к плечу, жизнь друг другу не раз спасали...

– Знал бы, что он так с Сербией поступить захочет, – не спасал бы, сам бы убил в ночи.

– Побойся Бога, – сказал царь.

– Не страшно, господарь. Я ада не боюсь, – мотнул он го-

ловой. – Да и не мне справедливость в нашем с Вуком споре искать, потомки наши сойдутся. Там и видно будет – на чьей стороне Бог.

– Чтобы потомки ваши сошлись, им надобно выжить. – Лазарь повернулся к нему спиной. – Им надобно выжить. – Он глубоко вздохнул.

– Вот это мы на поле боя и сделаем. – В шатер вошел Вук Бранкович. Он с презрением посмотрел на Обилича. – Мое войско знатное по левому флангу пойдет, и можешь быть уверен, господарь, не посралим имени нашего.

– Да уж, перед турками не посрамите чести нашей. – Царь повернулся к ним, больно было ему смотреть на двух князей, двух друзей в такой вражде, будто черный колдун какой порчу навел.

– Если есть что сказать – говори, – хмыкнул Вук. Милош смерил его взглядом и вытащил из-за пазухи свиток. Бранкович настороженно посмотрел на него, турецкий герб на нем был.

– Вот, господарь, этот свиток попал в руки моим воинам в Будве, но не мне он адресован. А князю Вуку Бранковичу.

– Вздор! – нахмурился Вук, но Лазарь взял свиток из рук Обилича. – От Якуба ибн Мурада Вуку Бранковичу... На престоле сербском тебе быть, и в этом я помогу тебе... Во время битвы решающей уведи свое войско с поля... – зачитал вслух несколько строк Лазарь и не мог глазам своим поверить. Глянул на Бранковича, тот заметно побледнел.

– Он дружбу с сыном султана водит, господарь, и твое место занять хочет...

– Молчи, Милош! – пытался взять себя в руки Вук. – Господарь! – бросился в ноги к царю витязь. – Сам Милош это письмо написал, не будут турки на сербском писать! Раздор он послан турками в наши ряды внести! А верность моя тебе и Сербии не знает преград!

– Целуй крест, коли правду говоришь! – протянул ему крест Лазарь, не в силах понять суть происходящего. Бранкович бросился целовать крест. Обилич недовольно покачал головой.

– Не было еще случаев, чтобы от поцелуев грешных крест рассыпался, – тихо проговорил князь. – И сейчас не будет. Вы мне не верите, а поцелуям Иуды как себе доверяете... И завтра уведет он войско свое, и проиграем мы, и останемся под турками ходить, покуда Бог другого не пожелает. – Обилич надел шлем, и облик его стал грознее прежнего.

– Поди прочь с глаз моих, – ответил царь. – Не рады тебе боле, изменнику.

– Завтра узнаете, что я Мурада убил, тем верность Сербии и вере нашей доказал. А он, – Милош кивнул на Бранковича, – навсегда предателем останется, пусть и на престоле сербском.

Князь Обилич вышел из шатра царя и направился к своему войску. Отыскал своего верного друга и соратника – Тихомира.

– Слушай меня, – тихо начал князь, – не быть тебе завтра на поле Косовом. Возьми сына моего и езжай с ним подальше от сих земель. Умири, но жизнь ему сохрани. В янычары я его не отдам, и рабом он ходить не будет.

– А жена твоя, Оливера, а дочери твои? Неужто их сберечь не хочешь?

– Оливера позаботилась о них заранее, туркам они не достанутся. Сама же она решила подле отца остаться. И так тому и быть. Мне Луны больше не увидеть и смеха ее больше не услышать. Прощай, друг!

– Прощай и ты! Знай, что никогда в твоей верности Сербии не сомневался ни я, ни кто-либо из воинов твоих! – бросил ему вслед Тихомир, радуясь в глубине души, что князь не обернулся и не увидел проступивших слез.

Несколько человек видели, как Милош попрощался с сыном, обнял его, прошептал что-то на ухо и покинул расположение сербских войск. Видели, как он безоружный пошел в сторону турецких шатров. Луна в ту ночь видела Милоша Обилича живым в последний раз.

Когда все стихло в лагере Лазаря, царь долго не мог уснуть. Он долго ворочался, пытаясь отогнать печальные мысли. Царь не верил в предательство Милоша, да и в то, что Бранкович может так с ним поступить, тоже не верил. Но больше всех забот заботила его судьба Сербии. В глубине души он понимал, что победить им не удастся. С этой тягост-

ной мыслью он провалился в забытье. И приснилось ему, что идет по полю Косову, кругом тела воинов его, военачальников. Знамена их лежат в землю втоптаннные, кровью обагренные. Шатры турок вдалеке, как в огне. И вдруг царю является Богородица. Она в сиянии теплого света приближается к нему и говорит:

– У тебя, царь, есть два пути. Первый – это победа и царство земное, которое продлится, покуда род твой живет. Второй путь – это Царство Небесное для всех сербов. Выбирай.

Лазарь осенял себя крестным знаменем перед Богородицей до тех пор, пока она не растаяла в воздухе. Царь сербский огляделся по сторонам и увидел, чем стали Балканы для мира, и было много боли. Плача над судьбой Балкан, он видел, что лишь поражение его на Косовом поле подарит Сербии и сербам силу и надежду справиться со всем грядущим.

На рассвете сербское войско вышло на поле Косово, а им навстречу вышло войско османское. Вглядывались воины в ряды турок, но султана нигде видно не было. Когда царь Лазарь вышел из своего шатра, к нему подскочил только что вернувшийся лазутчик.

– Господарь! Султан Мурад убит! Милош Обилич прокрался ночью в его шатер и заколол его кинжалом!

Лазарь замер на месте, сердце его сжалось от боли. Бранкович лишь ухмыльнулся.

– Царство тебе Небесное... сын мой, – прошептал Лазарь,

взбираясь на коня. – Кто стал вместо Мурада? Якуб?

– Баязид убил Якуба, сам теперь султан.

– Безбожники... – покачал он головой.

Прежде чем вести войско в бой, Лазарь рассказал им свой сон и свой выбор. Тесть его Юг Богдан поддержал царя, и девять сыновей Богдана согласились. Воины албанского князя Юрия Кастриота молча поклонились в знак принятия выбора Лазаря. Верный витязь Баня Страхинич перекрестился и улыбнулся небу.

Когда красное солнце взошло над полем, тогда и началась великая битва. Поле черных дроздов медленно превращалось в поле убитых и раненых. Кровь всех воинов смешивалась, пропитывала собой землю, и багровой становилась вода в реке Ситнеце. Сталь гремела и оглушала. Битва длилась как-то немислимо долго. Сначала войско сербское теснило воинство покойного Мурада, но победить никак не могли. Царь был в самом пекле сражения, его меч свистел в воздухе, разя врагов. Уже десятки турок полегли от его руки. Лазарь не чувствовал усталости, но все посматривал на небо – солнце перешло за полдень. Он окинул взглядом поле. Справа, рядом с ним, Страхиня мечом машет, головы османам одним движением сносит. Понимает царь, что сейчас витязем его только гнев и месть движут. За жену он свою мстит, за дом. Слева же воины Вука Бранковича стоят насмерть. Сам Вук сражается как в последний раз. Глянул царь в глаза зятю

своему, и холодок по спине пробежал, что-то в этих глазах изменилось. Впереди же воины князя Београдского убивают турок десятками, но тех меньше не становится. На одного воина сербского по пять турецких! Но месть за командира своего выше смерти для них, за Обилича они сейчас сражались, за Сербию.

Солнце уже ко сну собиралось, а Видовдан все продолжался, и не было ему конца. Вороны кружили в небе над полем Косовым. Вдруг видит царь, что войско османское перешло в наступление, да и числом их не счесть. Туча, не иначе. Лазарь приготовился сражаться, он выставил меч вперед, щитом закрыл сердце свое. Конь его шипит и копытами землю кровавую топчет. Смотрит царь по сторонам, на войско свое, – и только сейчас заметил, что слева брешь в строю... нет там Вука Бранковича. Лазарь стал оглядываться по сторонам и только успел увидеть уходящие за горизонт знамена Вука. Предал его зять, как Милош и говорил. Страхиня и Богдан приказали сомкнуть ряды да заделать брешу. Без предателя справимся, думали они, крепче сжимая в руках мечи да копья. Смотрит царь вперед и видит, как Баязид гонит войско свое на них. Янычары с горящими глазами летят впереди. Уставшим сербским воинам с этой волной не справиться, но не сдаваться же туркам...

Не успел Лазарь и глазом моргнуть, как сразили янычары

Страхиною да Лучича. Юг Богдан богу войны был подобен, так сражался, но и он пал под натиском османов. По очереди и сыновья его за ним последовали в Царство Небесное. Следом за Вуком бежали и боснийцы с албанцами, и не стало так великого войска сербского, единого. Царь Лазарь сражался в первых рядах, когда настигла его стрела турецкая и повалила с коня. Конь упал рядом замертво. Окружили царя янычары, да добивать не торопятся. Взяли его, раненого, под руки и поволокли в свой лагерь. Те из воинов сербских, кто не бежал, – сражались до смерти. Но и бежавших было много. Не винил их в этом Лазарь, ведь то и был его выбор...

Притащили царя к шатру султана. Рядом с ним в землю были столбы вбиты, а в столбах иголки. К трем столбам люди привязаны. Все мертвы, кроме одного. Присмотрелся Лазарь и видит в избитом до полусмерти князя Милоша. Тот весь в крови и грязи, некогда светлые волосы от крови почернели, но глаза, эти невероятные глаза были живы.

– Милош... – прошептал царь. Князь с трудом поднял голову. Он смотрел на свекра своего и не верил в происходящее. Как же так... он спасать его от такой участи шел, а царя в плен взяли. – Прав ты был... предал нас Вук. – Еще сильнее от гнева сердце князя забилося, и попытался вырваться, освободиться от пут, но лишь иглы сильнее в тело впились. – Оставь, Милош, – покачал головой царь, – на все воля Божья. – Хотел было Обилич что-то сказать, но Лазарь

покачал головой.

Вышел из шатра новоиспеченный султан – Баязид, кого позже нарекут Молниеносным. Посмотрел он, довольный, на своих пленников и погладил себя по бороде. К нему подошел один из слуг его. Янычары отпустили царя и отошли от него на несколько шагов. Ухмыльнувшись, султан заговорил, а слуга его переводил сербам.

– Убил твой князь отца моего, – с сильным акцентом говорил переводчик, – боль и горе причинил мне. Долго думал, как отомстить ему. Смерть не страшна ему своя, посему выбрал я другую месть. Заберу у него его Сербию. – Баязид подошел к еле стоявшему на ногах Лазарю, державшемуся за кровоточащую рану на груди. – А для начала заберу у Сербии правителя ее. А дальше раздам ее по частям предателям ее, кто мне служить будет.

– Ты все равно проиграл, – прошептал Лазарь, а переводчик тут же перевел.

– Отчего же? – удивился Баязид. – Я знаю свою судьбу, – спокойно ответил он, – не вам меня убивать. Это отцу моему было уготовано от владыки светлого умереть, а меня только темный владыка с востока победит.

– ...Мы победили, Баязид, – стоял на своем царь. – Ты одержал победу земную, а Сербия победила тебя на небе...

– Пустое это, – покачал головой султан. – Отправляйся на свое небо и смотри, на что ты обрек свое царство. – Баязид кивнул янычарам, стоявшим за спиной царя.

– ...Нет... – одними губами сказал Милош, снова попытавшись вырваться. Лазарь посмотрел на своего князя. Его глаза улыбались, Обилич же мотал головой. – Нет, нет... – бессильно повторял он.

– ...Само слого Србина спасава²... – прошептал Лазарь и поднял глаза к небу, отдаваясь Его милости.

В следующий миг замахнулся янычар мечом и снес голову царю сербскому одним ударом. Голова царя упала рядом с князем Обиличем, когда тело бесшумно опустилось на окровавленную землю. Милош смотрел на голову царя и чувствовал, каким гневом закипает кровь и как абсолютное отчаяние охватывает сердце.

Баязид, видя все это, подошел к князю и поднял голову с земли. Он посмотрел на нее со всех сторон.

– Покуда эта голова не обретет тела своего, будет ваша страна крови и меда утопать в крови... – он бросил победоносный взгляд на князя. – Какова судьба! – хмыкнул он, бросая голову слуге. – Тело отдайте царице, а голову же спрячь и сохрани.

Пока отвлеклись все, никто на сербского князя не смотрел, смог он развязаться. Схватил свой кинжал, что бросили турки рядом с ним, и вскочил на ноги. Сам не знал, откуда силы взялись. Не разбирая дороги он бросился на султана с кинжалом. Чуть-чуть князю не хватило времени, чтобы заколоть нового султана. Семь черных стрел вонзились ему в

² Только единство спасет сербов (*серб.*).

спину. Милош встал на месте, из ослабшей руки выпал кинжал, а глаза его невероятного цвета остекленели будто, и за­мертво он упал на землю подле тела царя.

– Что с ним прикажете делать, мой господин? – поклонил­ся глава янычаров.

– Похороните его по их обычаям, но так, чтобы могилы его никто не знал. Героем для них станет... так пусть и мо­гилы его не знают...

Наше время, Общинный еврейский центр

Не в силах больше находиться среди врагов, Мария, ла­вируя между гостями, незаметно для многих вышла из за­ла в коридор. Уходить без Зева было нельзя. Она глянула по сторонам и пошла к пожарному выходу – немного све­жего воздуха ей бы сейчас не помешало. В голове роились тучи мыслей и сменялись образы. Дверь вела на внешнюю пожарную лестницу. На улице было холодно и моросил про­тивный хлесткий дождь. Поежившись, Лазарь спустилась на пару этажей ниже, где начиналась уже другая лестница, ши­рокая и каменная, ведущая на задний двор центра. Оглядев­шись, Мария села на ступеньки, прислонилась к стене и на­конец сделала глубокий вдох. Свежий воздух приводил ра­зум в чувство. Тут было тихо, только иногда доносились го­лоса работников центра из подсобных помещений. Машин слышно не было. Лазарь закурила и снова погрузилась в свои мысли. Из размышлений ее вырвал звук громко открываю-

щейся внизу железной двери. Из нее вышел человек в униформе, вытаскивающий мусорные баки на улицу. Глубоко затягиваясь сигаретным дымом, девушка с любопытством наблюдала за мужчиной. Что-то в нем привлекало внимание – не каждый день видишь мусорщика с волосами, собранными в косичку, доходящую до пояса.

– Мать Божья... – прошептала она, ухмыльнувшись. – Неужели и тут он?

Мусорщик отнес баки к воротам, не заметив Марию. Отряхивая руки и снимая перчатки, он пошел обратно. Теперь он заметил ее и встал на месте.

– Ты, я смотрю, многостаночник, – хмыкнула Лазарь. – Где только не работаешь.

– Ты не поверишь, но мой друг именно сегодня попросил подменить его, – пожал он плечами. – Не мог подвести его.

– Не думала, что сюда на работу могут взять индейца.

– Они и не брали, я просто выручаю друга. Да и кто меня тут увидит?..

– И то верно, – согласилась она, выпуская дым в сторону от незнакомца. – Итак, раз уж ты меня преследуешь, может, хоть представишься? Или нет, – мотнула она головой, протягивая ему пачку сигарет, – раскурим трубку мира для начала.

Он молча взял пачку, достал сигарету и закурил.

– Скажи, ты бывал когда-нибудь в доме, полном врагов? Тех, кто убил твою семью, друзей, разорил твой дом?.. – тихо спросила она, сама не понимая почему.

– Только что из него вышел, – ответил индеец, разглядывая девушку. Его внимание привлек гостевой бейджик с именем. – Признаться, ты не похожа на Марию.

– Да и ты не Эрик, – хмыкнула девушка, кивнув на его бейджик.

– Для бледнолицых я как раз Эрик. – Он улыбнулся. – Зачем им мое настоящее имя? Они не поймут его, – пожал индеец плечами. – Как твое настоящее имя?

– ...Мария Лазарь. И никак иначе. – Она замолчала, давая понять, что дальше говорить не хочет.

– В этом доме столько врагов и твоих и моих, – он кивнул на пожарный вход, – и ведь ничего им не делается, никакой сумасшедший не забежит и не подорвется среди них... – покачал Эрик головой. Мария хмыкнула.

– Слишком просто. А они не заслуживают «просто».

– В смысле?

– Справедливость восторжествует лишь тогда, когда они получат по заслугам. А именно, когда зло к ним втройне вернется. Закон трех, слышал? – Лазарь поднялась на ноги и, прислонившись к кирпичной стене, посмотрела на беззвездное серое небо. Индеец рассматривал ее и что-то обдумывал.

– ...Невероятно, – прошептал он, – это действительно ты. – Мария вопросительно посмотрела на него. – Все как предсказано.

– Избавь меня от разговоров об избранности, – закатила она глаза. – Оставь эти сказки американским детям.

– А что плохого в избранности?

– Вот именно поэтому человечество в такой заднице... – выдохнула девушка. – Каждый думает, что к нему явится добрый Морфиус и официально объявит его избранным, выдаст полномочия и привилегии... А до тех пор никто и пальцем не пошевелит. – Она бросила окурок на пол. – Жизнь не кино, тут за результат нужно бороться, работать на него. Ты и только ты можешь назначить себя избранным, никому другому это не под силу. Кино специально сняли таким, чтобы люди даже не пытались, сидели ровно на жопе и не рыпались.

– Как же Иисус? – спросил индеец. – Он был избран же...

– Он никогда не заикался о своей избранности, – покачала Мария головой, – он делал то, что считал нужным. И лишь после распятия люди избрали его своим спасителем... Ему пришлось умереть, чтобы люди приняли его учение. А теперь никто не идет по его стопам, а тупо ждут, когда он снова придет и умрет за них, а они на его поступке заработают. Вот как устроен мир человека сегодня – выгода.

Лазарь отряхнула руки и направилась вверх по лестнице, затем остановилась и снова повернулась к ошеломленному Эрику.

– Знаешь, о чем я? – Он мотнул головой. – ...Коллективная человеческая вина... Ни один новорожденный с неизлечимым недугом не был избран для страданий, как и его родители. Если бы только люди осознавали, что все их поступки возымеют эффект рано или поздно... – Лазарь замолчала.

ла, ей не нравилось, что она позволила себе столь эмоционально разговаривать с незнакомцем, но отчего-то именно ему хотелось выговориться. – ...К ошибке, приведшей к фатальному исходу, шли долго, вместе, совершая поступки не думая, принимая необдуманные решения. Все и вся в мире связано между собой, и причины событий лежат в этом – в отказе принять коллективную и личную ответственность за происходящее.

– Вот именно об этом и сказано в предсказании моего деда. Я нашел ту, кто принимает свою ответственность и изменит ход вещей.

– Запомни, Эрик, – покачала она головой, – я – никто. Ничего изменить не могу.

– Можешь. – Индеец сложил руки на груди. – Уже очень скоро тебе представится шанс. – Он осекся. – Нам нужно поговорить в другом месте. Предлагаю уйти сейчас. – Девушка криво улыбнулась.

– Я не могу уйти без Зева. Так что давай встретимся завтра.

– Согласен, – кивнул Эрик. – Где?

– Ты же знаешь, где я живу. Вот и подходи туда, как проснешься.

– До завтра, Мария Лазарь!

– И тебе до завтра, Чингачгук! – она не поворачиваясь махнула рукой, поднимаясь по лестнице.

Всю дорогу до зала она ругала себя и в то же время не

могла понять, отчего так разговорилась с этим краснокожим. Она уже года три ни с кем так эмоционально не беседовала. Вернувшись к гостям, она довольно быстро нашла глазами в толпе Гэбриэла. Взяв со стола бокал шампанского, Лазарь сделала вид, что уже давно стоит тут у фотографий Уокера и... скучает. Доктор Зев подошел к ней улыбаясь.

– Как проводишь время? Познакомилась с кем-нибудь? – он приобнял ее за плечи. – Ты разуй глаза и присмотришься! Тсс, тут полно холостяков. – Зев явно перебрал с шампанским, и оно ударило ему в голову. Лазарь снисходительно ему улыбнулась. – Знакомься с этими людьми, Мария. Эти люди – вершители мировых судеб. Дружба с ними – это залог радужного будущего.

– Я не хочу разделять с ними свое будущее, доктор Зев. – Она отступила от него на шаг. – Быть может, нам пора уходить?

– Нет, – твердо ответил Гэбриэл. – Я столько о тебе тут рассказывал, так тебя расхваливал. Натан изъявил желание познакомить тебя с кем-нибудь достойным. Стой здесь, сейчас я его найду.

– Гэбриэл, не надо... – поморщилась девушка, когда шеф исчез в толпе.

– Не думал тебя здесь встретить, – услышала она знакомый голос за спиной. – Пригласили все-таки.

Она обернулась, рядом с ней стоял начальник охраны Ротшильда – Вук. Он разгуливал по залу со стаканом виски

и многозначительно ухмылялся, разглядывая фотографии и инсталляции, будто ему одному была известна великая тайна.

– Подозреваешь меня в чем-то? – тихо спросила Мария.

– Лишь в том, что ты странная. – Он сделал глоток. – И... непредсказуемая.

– Видел меня лишь однажды, и сразу такие выводы. Да ты эксперт, – парировала Лазарь.

– Видишь вон ту башку... – он указал пальцем на голову царя Лазаря, – знаешь, чья она?

– Под ней написано, – сухо ответила девушка.

– А знаешь, в чем ее сила?

– Понятия не имею.

– Пока она тут, у Сербии нет будущего.

– Ну так и вернул бы ее на родину.

– Зачем мне это? Мои предки и так достаточно сделали для этой прогнившей страны, а как нас отблагодарили? Забвением! Пускай все будет как есть сейчас, они это заслужили. – Бранкович уже изрядно перебрал, и его тянуло на псевдофилософские беседы, которые Лазарь слушать никак не хотелось. Она сделала один шаг к нему ближе и прошептала ему на ухо:

– Если народ забывает своих героев, то, может быть, ты просто подумай хорошенько, они и не герои вовсе, а лишь лжецы, оставшиеся в живых и написавшие свою историю...

Не дожидаясь ответа, Мария пошла в другой конец зала,

откуда ей уже с минуту махал доктор Зев. Гэбриэл стоял в окружении тех, кого бы он с удовольствием назвал друзьями, но здравый смысл его каждый раз останавливал. Он широко улыбнулся, увидев приближающуюся к ним Марию, и, поправив сползшие на нос очки, взял слово:

– Господа, позвольте представить вам мою помощницу Марию Лазарь.

– ...Добрый вечер, – тихо сказала Мария, оглядывая титулованных особ. Четвертого барона Ротшильда она уже знала, двоих других стариков вживую видела впервые, а вот пожилую женщину маленького роста, с короткой стрижкой и крайне яркой помадой, она видела не раз. Женщина с ухмылкой и плохо скрываемой завистью к молодости и красоте рассматривала Марию.

– Мадам Олбрайт, – заговорил Зев, – позвольте вам представить мисс Лазарь: талантливый врач и моя правая рука.

Мадлен улыбнулась и протянула руку Марии, та ее пожала. Взгляд Лазарь упал на брошку женщины, прикрепленную к темно-синему пиджаку поверх синего длинного платья, – на ней был изображен лев, склонивший голову над костями... своей жертвы.

– Мария, ты уже имела честь познакомиться с четвертым бароном Ротшильдом, а теперь познакомься с господином Дэвидом Рокфеллером!

– Очень приятно познакомиться, сэр! – Мария кратко наклонила голову, соблюдая этикет.

– Ваша фамилия Лазарь, хмм, а ваш отец случайно не Бенедикт?

– Бенедикт, – кивнула Мария.

– Хороший был человек, – поджал губы Дэвид. – Почки, что он мне пересадил, прожили во мне аж двадцать шесть лет! Вы на него очень похожи.

– Спасибо, сэр, – изобразила полуулыбку Лазарь.

– Симпатичные у тебя помощницы, Гэбриэл, – улыбнулась Мадлен. А Мария продолжала смотреть на эту женщину, и сотни мыслей проносились у нее в голове, и каждая требовала немедленного действия. – И какой талант у этой? – она еще раз смерила Марию взглядом.

– О! У нее талант гипнолога!

– Неужели? – Олбрайт отпила из своего бокала. – Почему бы ей не продемонстрировать его нам прямо сейчас?

– Госпожа Олбрайт, – вступил в беседу барон Ротшильд, – не думаю, что это уместно в такой день и в таком месте.

– Да будет вам! – махнула она рукой. – Уокер обожал всю эту мистику, да и потом, его жена работала в Тавистоке, а там, знаете ли, гипноз изучают вдоль и поперек. Ну так что, Мария, моя дорогая, покажешь нам, что умеешь? – Мадлен с явным вызовом посмотрела на девушку.

– Вынуждена вас огорчить, мадам Олбрайт, но я не клоун, и здесь не цирк, – ответила Лазарь, вызвав довольные ухмылки на лицах Дэвида и Натаниэля.

– Даже так... – нахмурилась Олбрайт, которой явно не

наверилось своенравие молодых. – Напрасно, – покачала она головой, допивая свое шампанское. – Я бы посоветовала тебе, Гэбриэл, более внимательно относиться к подбору персонала. Прошу меня извинить, господа. – Олбрайт развернулась и направилась к другим гостям.

– Мария, – покачал головой Зев, – как ты могла меня так... подвести?..

На миг ей показалось, что доктор сейчас расплчется.

– Может быть, Гэбриэл, мне стоило нарядиться в шутовской костюм и так сопровождать вас? А вы бы играли на дудке, и я танцевала под нее? – Зев смотрел на Марию по-детски обиженными глазами. – Прошу меня извинить, джентельмены, – обратилась она к Ротшильду и Рокфеллеру, – но если кому-то из вас захочется пройти курс лечения гипнозом, то вы всегда можете связаться с доктором Зевом, и он все устроит.

– Мария! – улыбнулся Дэвид. – А вы не думали попробовать свои силы в Тавистоке? Если вы действительно талантливы, то вам самое место там.

– Никогда об этом не думала, сэр.

– Может, сначала нужно проверить ее в деле, а, Дэвид? – спросил Натаниэль. – Меня как раз уже больше двух лет мучают головные боли и нервишки шалят. Если она сможет мне помочь, дадим ей рекомендацию...

– Думаю, дочка Бенедикта справится, ее отец достал меня с того света. Уверен, его талант передался и ей.

– Ну, тогда мне нечего опасаться и я могу быть уверен, что в Лондон вернусь абсолютно здоровым.

– Я сделаю все возможное, сэр Ротшильд, – кивнула Мария, видя, как поменялось настроение Зева. Доктор был доволен. Такого клиента у него еще не было.

– Придется теперь задержаться в Нью-Йорке, – вслух подумал Натаниэль. – Только вот что, Гэбриэл...

– Да-да? – просиял Зев.

– К тебе в офис я навещать не стану. Зачем мне лишние слухи... Пускай Мария приходит в мой дом. Да и мне так уютней. Вы ведь не против, мисс? – Лазарь покачала головой. – Вот и отлично. Тогда жду вас завтра по этому адресу в двенадцать. – Он протянул ей визитку.

– Я буду вовремя, сэр. Спасибо за доверие.

Ротшильд и Рокфеллер направились к другой группе гостей.

– Мария, можешь идти домой, если хочешь, я тут задержусь. – Отчего-то Гэбриэл нервничал.

– Что-то не так, доктор Зев? – поинтересовалась Лазарь.

– Как бы твоя дерзость не сыграла с тобой злую шутку.

– Олбрайт всего лишь человек. Ни у кого нет права помыкать другими. Я просто напомнила ей об этом, – передернула плечами девушка. – И вам не стоит пресмыкаться перед властью имущими. Ничто не вечно под луной.

– Так-то оно так, милая Мария. – Он выдохнул, поправляя очки. – Но эти люди могут испортить жизнь и даже больше

того.

– Я не боюсь этих людей, Гэбриэл.

– ... Не знаю, к счастью ли, к сожалению ли, но ты ничего не боишься. – Зев смотрел в пол и думал о чем-то своем.

– Да. И во многом это заслуга этих вот людей, – прошептала Мария. – Хорошего вам вечера, Гэбриэл.

– Я вызову тебе такси! – встрепенулся он. – Не хватало еще, чтобы моя помощница разгуливала по ночному городу! Тем более когда у нее завтра важная встреча. Все-таки постарайся завтра, мне не помешает реклама в их кругах. Клиентура редет с каждым месяцем.

– Сделаю все возможное, – улыбнулась Лазарь.

Доктор Зев вызвал такси и проводил Марию до машины, когда та приехала. Девушка села в нее.

– Доброй ночи, Мария.

– И вам, доктор Зев. Постарайтесь больше не пить шампанского, пускай и в память об Уокере.

– В память о нем мне нужно пить пиво... – улыбнулся грустно Зев. – Он его так любил.

– Тогда пейте темное.

Машина тронулась с места, и витиеватым маршрутом таксист-индус повез Лазарь по указанному ею адресу. Видимо, думая, что она не знает захолустного Нью-Йорка, он вез ее самым длинным маршрутом, накручивая центы на счетчик. На его счастье, Мария не возражала против долгой поездки домой. За окном мелькали небоскребы, и тысячи огней

озаряли небо над Манхэттеном. На удивление Лазарь, в машине не играла музыка, мужчина слушал аудиокнигу, часто перебиваемую сообщениями диспетчера. Это был не роман, а стихи. Таксист слушал стихи Томаса Дилана, валлийского поэта прошлого века. Их читали разные люди разных возрастов. Глядя в окно, Мария невольно стала вслушиваться в текст очередного стихотворения. Его читала молодая женщина с низким голосом, который мог проложить путь к любовью душе.

*– Не уходи смиренно в сумрак вечной тьмы.
Пусть тлеет бесконечность в яростном закате,
Пылает гнев на то, как гаснет смертный мир,
Пусть мудрецы твердят, что прав лишь тьмы покой
И не разжечь уж тлеющий костер.
Не уходи смиренно в сумрак вечной тьмы... –*

повторял за женщиной таксист.

Мария посмотрела в небо. Тучи уже разошлись, оголив островок звезд. Девушка вглядывалась в них, будто ища там кого-то.

– Не уходи смиренно в сумрак вечной тьмы... – шепотом повторила она несколько раз. – Остановите здесь, – громко сказала она, вырвавшись из раздумий. Индус неохотно притормозил у тротуара.

– С вас двадцать долларов.

Лазарь молча сунула ему двадцатку и вышла из машины.

Когда такси скрылось за поворотом, на улицу снова вернулись тишина и полумрак. Не было слышно музыки и голосов, и даже из домов не доносилось ни звука. Тенью Мария проскользнула во двор и медленно шла по узкой дорожке. В голове все крутилось стихотворение Дилана. И от каждого повтора сильнее щипали глаза, но остановиться было невозможно. Спать не было никакого желания. Мария села на деревянную скамейку под раскидистым дубом. Посмотрев по сторонам и убедившись, что рядом никого нет, она закинула голову назад и закрыла глаза. Медленно вдыхая аромат свежего воздуха, она буквально чувствовала, как уходят из головы накопившиеся дурные впечатления этого длинного дня.

– И что же будет дальше?.. – шепотом спросила она. – Куда ты меня ведешь? Зачем мне эта новая работа, да еще и с выездом на дом?.. Что у тебя за план на меня, а, Бог? – спрашивала она небо не на английском и не на иврите. – Когда ты поделишься им со мной?..

С одной из веток сорвался высохший желтый лист и упал прямо в руки девушки. Она посмотрела на него: он был покрыт тонкой корочкой льда. В ее руках он тут же начал таять, оголяя идеально гладкую поверхность.

– Спасибо и на этом, – улыбнулась Мария, убирая лист в сумку. – Мало кто знает, но листья, упавшие в руки, нужно сохранять, – повторила чьи-то, одной ей известно чьи слова, – это ведь лотерейный билет от самого Бога... – Лазарь

снова улыбнулась какому-то воспоминанию. – Чую, завтра будет интересный денек...

Выкурив пару сигарет, Мария наконец-то замерзла и решила идти домой – отогреться и спать. Зайдя в квартиру, она мельком глянула на монитор компьютера, жившего своей жизнью, и, не увидев никаких изменений, прошла в ванную. Затем вернулась и, достав из сумки листок дуба, положила его на клавиатуру.

Глава VII

Мария проснулась за час до будильника. Неохотно выбравшись из-под теплого одеяла, она невольно поежилась от холода. За окном начинался новый, крайне холодный день. Небо было затянуто серыми тучами, через которые с трудом пробивался солнечный свет. Радовал лишь пушистый снег, опускавшийся на пока еще безлюдные улицы. Лазарь быстро привела себя в порядок, оделась и решила заскочить в одну кафешку близ Центрального парка – позавтракать. Пускай это и была обычная пончиковая от «Dunkin Donuts», но там давали отличный кофе и в такой ранний час не было толпы народа. Нужный автобус подошел, как обычно, в 10.53 и ни минутой позже. До Центрального парка ехал только он.

Добравшись до кафе, Мария взяла кофе, сэндвич с ветчиной и села в самом дальнем углу у окна. Снова погрузившись в свои мысли, она и не заметила, как прибавилось посетителей в заведении. Большинство составляли полицейские, спешащие на службу и запасаящиеся пончиками. Они галдели без умолку и явно требовали к себе не просто уважения, но и почитания их «боевых заслуг» в виде с трудом застегивающихся на животе курток.

Лазарь быстрее обычного доела завтрак и поспешила покинуть вдруг ставшее шумным заведение. Выйдя на улицу,

она стала искать в сумке визитку Ротшильда. На красивой матовой приятно шершавой карточке с золотым тиснением было лишь имя четвертого барона. На обратной стороне мелким почерком был написан адрес.

– Шестьдесят восьмая улица... – вслух прочитала Мария. – Странный выбор... – покачала она головой.

Нужное место было недалеко от Центрального парка, но за полчаса до него не дойти. Мария поймала такси и направилась по указанному адресу. Без двадцати двенадцать она была на нужной улице, правда, вышла за пару домов до нужного.

– Как предсказуемо, – хмыкнула она, увидев перед собой здание синагоги.

Двери ее были открыты, и возле них толпились люди, что бурно обсуждая. Когда Лазарь проходила мимо, к ней кто-то обратился на иврите.

– Не сегодня, – ответила Мария на с трудом слышанную фразу.

– Приходи обязательно! – крикнула женщина ей вслед. – Здесь все свои!

Пройдя три дома, Мария остановилась у явно старинной постройки дома из красного кирпича, до второго этажа обложенного каменной плиткой. Он был похож на английский особняк. В нем не было ожидаемой роскоши, но от него веяло статью, историей и силой. За невысоким забором просматривался небольшой сад в немного запущенном состоя-

нии, но и это не испортило общего впечатления. Был там и маленький фонтан, и даже столик со стульями. Все это было покрыто толстым слоем снега. На узких воротах по разным сторонам стояли две цифры – 12 и 14. Рядом с домом были припаркованы три автомобиля с тонированными окнами и явно пуленепробиваемыми стеклами. На домофоне была видна лишь одна кнопка, все остальные были смазаны. Без долгих раздумий Лазарь нажала на нее.

– Кто? – спросил мужской голос.

– Мария Лазарь.

Молчание. Через пару секунд замок щелкнул, девушка вошла внутрь.

Пройдя по узкой дорожке к дому, поднявшись по трем ступенькам, она постучала в тяжелую дверь, украшенную искусной резьбой с замысловатыми изображениями.

– Доброе утро, мисс Лазарь, – открыл дверь дворецкий. – Спасибо, что пришли раньше.

– ...Да, на целых десять минут. – Девушка вошла в дом. Ее пальто и шарф забрал дворецкий. Из комнаты напротив вышел уже знакомый ей Вук Бранкович с кружкой кофе в руках.

– Признаться, меня начинают напрягать встречи с тобой, – тихо сказал он и сделал глоток.

– Разве тебе не положено проверять людей, которые приходят в этот дом, в гости к твоему господину? – с улыбкой спросила Мария.

– Техника последних лет отлично справляется с этой задачей. – Он кивнул на датчики, расположившиеся над дверным проемом. – Кроме твоего острого языка, оружия у тебя нет. И меня это вполне устраивает.

– Вот и славно, – натянуто улыбнулась Лазарь.

– Никогда не понимал смысла работы психологов. Зачем вы вообще нужны?

– Поделись своими соображениями, Вук. – Мария подошла к зеркалу и сделала вид, что поправляет прическу. – Ведь твое понимание предмета имеет величайшую ценность для мира.

Бранкович все никак не мог понять, откуда у него к этой незнакомой женщине столько ненависти, но один ее вид заставлял его пульс учащаться, будто перед ним стоял его истинный враг. В глубине души он ждал малейшего повода, чтобы убить ее, задушить собственными руками.

– Прошу прощения, что прерываю вашу беседу, – вернулся в прихожую дворецкий, – но барон Ротшильд готов принять вас, мисс. Следуйте за мной.

Мария послушно пошла за ним на второй этаж. Вук проводил ее недобрый взглядом. Дворецкий довел ее до третьей двери и, постучав в нее, открыл.

– Мисс Лазарь, сэр.

– Да-да, спасибо, Мартин, – ответил барон, не вставая из-за стола. – Доброе утро, Мария!

Девушка вошла в просторный кабинет, по периметру об-

ставленный книжными шкафами до самого потолка. Под потолком свисала хрустальная люстра, переливающаяся всеми цветами радуги. Резная мебель, инкрустированная драгоценными камнями, казалась музейными экспонатами, а не предметами интерьера. Паркетный пол покрывал ковер с вышитым на нем крайне замысловатым и переполненным символами фамильным гербом Ротшильдов.

– Здравствуйте, сэра! – слегка наклонила голову девушка, подходя ближе к столу в обход ковра.

– Хмм... спасибо, – улыбнулся барон, смотря на ковер, потом переводя взгляд на удивленную Лазарь. – Давно не встречал людей, которым бы не хотелось потоптаться на нашем фамильном гербе.

– При всем уважении, сэра, но зачем он тогда лежит на полу?

– Так легче разглядеть истинные намерения человека. Присаживайтесь, хотите кофе? Я, знаете, не могу жить без кофе.

– Не откажусь, – скорее из вежливости, чем от желания выпить кофе ответила Мария. Ротшильд нажал на одну из многочисленных кнопок, встроенных в стол. Тут же пришел очередной слуга и принес поднос с двумя чашками из белого фарфора и большим кофейником.

– Дальше мы сами, Майк, – снисходительно сказал барон. Дворецкий поставил поднос на специальный столик и поспешил покинуть кабинет. – Итак, – занялся розливом кофе по

чашкам Натаниэль, – как проходит сеанс? Я, знаете ли, с гипнозом не сильно знаком... во всяком случае, лично. – Он то ли крикнул, то ли хмыкнул с улыбкой.

– Это вовсе не то, что показывают в кино, – мотнула головой Мария. – Посредством гипноза человеку легче погрузиться в самого себя, вспомнить что-то давно забытое, например, осознать причину своих тревог. Это не то, что вам прикажут выйти в окно, и вы выйдете.

– Не будет как с Мерфи? – с хитрецей посмотрел на нее Ротшильд. – Не убью очередного Уокера я после сеанса? Не брошусь под автобус после этого, а? – шутил старик.

– Если бы гипноз действительно обладал такими возможностями, думаю, военные давно бы вооружились армией гипнотизеров, – пожала плечами девушка.

– И то верно. – Он поставил перед Марией чашку кофе и уселся в свое высокое кожаное кресло. – Я привык знать, за что плачу. Поэтому хочу знать о процедуре больше. Не в обиду вам, я уважал вашего отца, у меня нет сомнений в вашей честности...

– Я понимаю вас, сэр, – кивнула девушка. – Вы жаловались на головные боли, как я понимаю, обращение к врачам не дало результатов. Из чего можно сделать вывод, что причина может быть психосоматическая. Сам курс, разработанный доктором Зевом, состоит из нескольких встреч-сеансов. На первой встрече терапевт узнает подробнее о недуге пациента, проводится первичная диагностика. На второй встрече

начинается проработка выявленных в диагностике моментов. Так как доктор Зев и я являемся психоаналитиками, то мы прибегаем к различным техникам психоанализа. Проще говоря – вы сами будете помогать себе, я буду лишь направлять вас. Если вы столкнетесь с какими-то барьерами в своем бессознательном, то тут придет на помощь медицинский гипноз.

– И в чем он заключается?

– Полусон, который позволит вам обхитрить самого себя и пройти внутреннюю защиту.

– А вы сможете как-то повлиять на то, что за этой защитой?

– Нет, – твердо ответила Мария. – Я лишь даю вам ключи, а подбираете их к замкам вы сами.

– Звучит интригующе! Люблю иногда покопаться в себе. Всегда хотел знать, кого я вижу в отражении. – Он сделал глоток кофе. – Говорят, зеркало отражает зло. Слышали о таком? – Ротшильд устроился поудобней в кресле. – Можно ли смотреться в зеркало и не стать злом?.. – прошептал он едва слышно.

– Зеркало не отражает зло, оно его создает, – ответила Мария, оглядывая кабинет. Только сейчас она заметила, как много в нем зеркальных поверхностей. – Поэтому в зеркало нужно смотреть мельком...

– Любопытно. Что ж, диагностика? Начинайте. Я весь в вашем распоряжении.

Мария улыбнулась.

– Расскажите мне, на что жалуетесь, для начала, и как давно это вас мучает...

Натаниэль Ротшильд сам не понимал, отчего ему вдруг захотелось поделиться своей историей с дочкой Бенедикта Лазаря. Мария внимательно слушала, делала какие-то пометки в своем блокноте. Иногда улыбалась, когда того требовала ситуация, но неохотно. Старик не рассказывал ничего необычного, и Мария уже давно рассчитала план сеансов и что через пять таких встреч можно будет распрощаться.

– Эх... и после всего, что я когда-либо сделал, я, знаете ли, отлично сплю. Как младенец! О чем это говорит?

«Об отсутствии совести», – подумала Лазарь.

– О хорошем психическом здоровье, – снова улыбнулась одними губами девушка.

– Итак, каков диагноз? Мне можно помочь?

– Конечно, можно, сэр. Я думаю, пять сеансов, и вы разберетесь в своих головных болях.

– Было бы неплохо. Еще бы я не возражал вспомнить и не забывать дату рождения моей жены. – Он засмеялся.

– Мы что-нибудь придумаем, – ответила Лазарь, поднимаясь с места. – Когда вам будете удобно встретиться со мной вновь? – вежливо поинтересовалась девушка.

– Так-с, сегодня у нас пятница... Хмм, – думал он вслух, – в понедельник в это же время.

– Хорошо. Тогда до понедельника, мистер Ротшильд.

– В этих стенах можете звать меня Натаниэль. До свидания, Мария!

После этих слов он тут же потерял ко всему происходящему интерес и погрузился в чтение утренних газет, даже не проводив гостью взглядом. Лазарь вышла из кабинета и спустилась на первый этаж. Внизу ее уже ждал дворецкий с ее пальто и шарфом. Он помог ей одеться.

– Хорошего вам дня, мисс, – сказал он, открывая дверь. – До свидания!

– До свидания...

Выйдя на улицу, Мария посильней укуталась в шарф, поднявшийся ветер пробирал до самых костей. Она вышла за ворота и повернула направо. Совсем рядом впереди в снежной пелене просматривались холмы Центрального парка. Дойдя до дороги, Лазарь повернула налево и направилась в сторону метро. К ее удивлению, на улице практически не было народу, да и машин попадалось мало. Будто порывистый ветер и метель испугали всех. Правда, продавцов хот-догов не пугало ничто. Они готовы были стоять на холоде и всю зазывать народ, прыгая с ноги на ногу, дабы согреться. Мария думала лишь о том, как поскорей вернуться домой и нырнуть в теплую ванну. О встрече с одним из богатейших людей на планете она даже и не думала. Для нее он был очередным пожилым пациентом с многочисленными тараканами и... манией величия. И случай с его психосоматическими головными болями не был чем-то неординарным – про-

сто пациент, просто лишние пять сотен в зарплатном чеке.

Нырнув в подземку спустя двадцать минут быстрого шага, Лазарь долго отряхивалась от снега.

– Да сегодня прям мой день, – хмыкнула она, когда к платформе подошел именно тот поезд, что ехал в сторону Гарлема, – везунчик я... – с долей сарказма прошептала она не на английском языке.

Спустя тридцать минут она вышла на конечной и поднялась на улицу, купив себе горячий кофе в автомате в переходе. Станция метро располагалась аккурат напротив ее дома. Как и в центре, народу на улице не было. Снег застилал дороги искрящимся пушистым ковром. На автобусной остановке рядом с метро сидел, съезжившись, высокий мужчина. Его ботинки заметно замело, будто бы он сидел там без движения как минимум час. Мария подошла к переходу, выбросила пустой стакан в урну и хотела было переходить дорогу, как вдруг кто-то окликнул ее.

– Мария! – услышала она уже знакомый голос. Она обернулась, мужчина поднялся с места и пошел в ее сторону. Под двумя шарфами и шапкой, надвинутой на брови, она с трудом узнала «Эрика».

– Чингачгук... И давно тут сидишь?

– Это неважно. Главное, что дождался.

– И?

– Не против пиццы? Тут недалеко.

– Ладно, пойдем, – сжалилась над индейцем Лазарь.

До пиццерии они шли молча, каждый был погружен в свои думы. Добравшись до «Домино», они зашли в маленький и уютный ресторанчик. От тепла на душе становилось легче. Индеец выбрал самый дальний столик в углу, где никто бы не мог помешать беседе.

– Ты бы нас еще в туалетной кабинке усадил, для пущей конспирации, – хмыкнула Мария, снимая пальто и вешая его на плечики.

– Ходят слухи, что туалеты тут не самые чистые.

– Тебе видней, – выдохнула девушка и села за стол. Лениво стянула с себя шарф и положила его на стул рядом с собой. К ним, единственным посетителям, подошла милая девушка с меню.

– Добрый день! Рады видеть вас в пиццерии «Домино»! – сказала она заученную фразу. – Ваше меню, – она положила на стол тонкий буклетик с картинками, – или вы сразу желаете заказать? – официантка вопросительно посмотрела на Лазарь.

– Все, что пожелает этот краснокожий джентльмен, – развела руками Мария. Индеец с ухмылкой посмотрел на нее, затем на немного шокированную такой нетолерантностью официантку.

– Будьте добры, нам пиццу «Мемфис» с курицей, большую, и две большущих чашки горячего какао. – Официантка с бейджиком «Мэри» кивнула и тут же скрылась за при-

лавком.

– Я смотрю, ты не очень-то следишь за словами. – Индеец снял шапку и положил ее на колени.

– Я просто называю все своими именами, – пожала плечами Мария. – Если тебе обидно слышать правду, то это только твои проблемы.

– В США за такое своеволие наказывают.

– Пусть приходят, – хмыкнула девушка. – Итак, о чем ты хотел со мной поговорить... Эрик?

– О будущем.

– Туманном и бесперспективном?

Индеец улыбнулся. Было в нем столько внутреннего спокойствия, что никакие остроты и подколки не могли вывести его из себя. Он был как скала, которая не склонится ни перед чем.

– Наоборот как раз.

– Ты случайно не глава подпольной организации? Поклонники Усамы? Свидетели Обамы? – перешла на шутливый шепот Мария. – А?

Эрик продолжал улыбаться и рассматривать собеседницу, будто видя в ней что-то особенное, невидимое никому вокруг.

– Я просто индеец из богом забытой резервации, – пожал он плечами. – Волей судьбы сведенный с тобой одним зимним днем.

– Этот обед, как я понимаю, – твоя благодарность за спа-

сенную шкуру?

– Это просто обед, Мария, причем очень вкусный. – Он провел рукой по волосам и вытер со лба растаявший снег. – Помнишь наш вчерашний разговор? – Она кивнула. – Я говорил, что тебе представится шанс все изменить. Это произошло.

– Да ладно? – хмыкнула девушка. – Уже?

– У тебя ведь была сегодня важная встреча. – Пришла Мэри и поставила на стол две чашки с какао. – Спасибо! – Девушке он явно понравился, и она все искала поводов заговорить, но по глазам его спутницы Мэри понимала, что не в этот раз. – Была?

– Врач встретил пациента. В рамках мироздания это очень важно...

– С кем ты встречалась?

– Ты у нас провидец, пролей свет на истину. – Мария сложила руки на груди и откинулась на спинку стула.

– Я знаю, что тебе дал свою визитку барон Ротшильд. – Лазарь улыбнулась губами. – Это он твой новый пациент?

– Брависсимо, Шерлок!

– Ты знаешь, кто он такой?

– Очередной толстосум с Уолл-стрит. Какая мне разница, кто он?

– Помнишь, вчера ты говорила о доме, полном врагов? А ты знаешь, что этот человек имеет к ним ко всем прямой доступ?

– Это очевидно, богачи держатся вместе, – передернула она плечами. – Конечно, они знают друг друга.

– Знать – это одно, а иметь над ними власть – совсем другое. И среди богачей есть те, кто выше других...

– Да, список Форбс в помощь, – всплеснула она руками.

– Мария, послушай меня внимательно, – изменился в голосе индеец, став пугающе серьезным. – Этот человек держит мир на коротком поводке, и это он стоял у истоков твоих и моих бед. Только потому, что у него и восьми его единомышленников есть идея, к которой они идут по трупам невинных людей, ты осталась без дома, без семьи, без родины...

– Что же это за план такой? Дай угадаю: новый мировой порядок? – она недовольно фыркнула. – Сколько конспиративных видео ты пересмотрел на Ютубе? Все небось...

– Уильям Уокер, – произнес имя недавно убитого Эрик, – подручный Олбрайт, цепной псыны Клинтона, марионетки Ротшильда... Никто из них не сделал бы и шага без дозволения хозяина. И ты думаешь, что они все не повязаны?

– Уокер, чтобы ты знал, поплатился за свои преступления, – прошептала Лазарь, приблизившись к Эрику. – Он получил по заслугам.

– Согласен, – кивнул индеец. – Но эти преступления была не его идея, он лишь исполнитель.

– Кто ты такой, черт тебя побори? – злилась Мария. – Чего тебе от меня нужно?

– Я твой друг и... проводник по земле моих предков.

– Бред!

– Я знаю о твоём даре, и о том, что нам предстоит сделать, тоже. Это давнее пророчество моего народа, и не нам его менять. Твое негодование также описано и неминуемо...

Лазарь отвернулась и уставилась в окно, наблюдая за падающим снегом. Она все никак не могла сообразить, отчего у нее такая плохая карма, что ей так везет на умалишенных фанатиков.

– Твой дар, Мария, может подчинить его и заставить делать то, что ты захочешь. Ты сможешь осуществить задуманную месть, исполнить мечты павших родных и близких. Вернуть свободу не только своей стране, но и всем.

Лазарь встала с места, быстро надела пальто, взяла шарф и подошла к индейцу. Наклонившись, она прошептала ему на ухо:

– Я не могу осуществить месть. В вашем пророчестве ты этот момент, видимо, проглядел...

– Тебе будет знак, – ответил Эрик. – Ты все поймешь, найдешь свой путь. И вот тогда – ты знаешь, где меня найти...

– Чао! Спасибо за какао! – Мария вышла из пиццерии и быстрым шагом направилась домой.

– До скорой встречи, тень... – прошептал индеец, провожая ее взглядом.

Мария быстро дошла до дома и, зайдя под арку, наконец

остановилась. Отдышавшись, она достала из кармана пальто сигарету и закурила. Мысли роились в голове и сменяли друг друга. И на каждую шла жесткая негативная реакция. Марии хотелось закричать и высказать мелькающим образом все, но, как всегда, она удерживала себя от подобных проявлений. С каждым вдохом табачного дыма мысли успокаивались.

– Это уже зависимость... – прошептала она, глядя на сигарету, и сделала глубокий вдох-выдох. – Почему мир просто не оставит меня в покое?..

Докурив, она бросила окурочек в снег и пошла к дому. На улицах по-прежнему никого не было, не видно ни соседей, ни детворы, даже со школьной площадки не доносились голоса.

Лазарь не спеша поднялась на шестой этаж и вышла в коридор. Из одной из квартир вышел мужчина. Он на краткий миг замер, посмотрев в сторону женщины, но тут же молча отвернулся и начал закрывать дверь. Мария вошла в квартиру, два раза повернула замок, оставляя ключи в замочной скважине. Повесила пальто на вешалку, сняла и бросила сапоги в угол прихожей и лениво прошла в гостиную. Она устало села на диван и, положив голову себе на колени, закрыла ее руками, будто не желая ничего слышать и видеть. Часы в комнате пробили четыре часа, больше половины дня было уже позади, что не могло не радовать Лазарь. От шумного диалога в коридоре начинала болеть голова. Выяснения

отношений на шестом этаже были не редкостью, но сегодня речь шла не о семейной жизни и не о том, кто гуляет с собакой. Мария прислушалась. Больше всех кричала гаитянка Мелла – колоритная женщина средних лет с тремя детьми и парочкой мужей в каждом районе. Похоже, что она отчитывала своего старшего сына, а под горячую руку попались и соседи, невовремя вернувшиеся домой.

– Мелла! Что такого натворил Гарри, что ты его так отчитываешь?! – возмутилась ее соседка.

– Этот оторва, шкода, бездарь не способен различить номер собственной квартиры! Ты только представь, Тереза, он притащил чужую почту в свой дом! Чужую!

– Мам, я открывал наш ящик, там были эти письма...

– Взламываешь почтовые ящики!!! Что дальше? Ты грабанешь банк? Будь добр, укради мне миллиончик и засунь в почтовый ящик, и исчезни при этом, так, чтобы до тебя я не добралась! – Мелла много жестикулировала, а ее акцент придавал ситуации комедийный акцент.

– Да будет тебе! – махнула рукой Тереза. – Пускай отнесет письма в нужную квартиру, и делов-то!

– Да, отнесет, как же! Там сейчас никто не живет!

– Ну, значит, и письма никому не нужны.

– ...Нужны, – покачал головой мальчик. – Я видел, как сегодня днем мужчина какой-то открывал ящик и проверял почту... но ее там не оказалось.

– Да верните ее в ящик! – возмутился уже муж Терезы.

– У нас там камеры, еще чего не хватало – перед ними светиться! – возразила женщина. – Иди и брось их под дверь! Если там кто-то бывает, то заберет свою почту!

– Какая глупость! – выругалась Тереза.

– Сама подумай, если в этих письмах что-то плохое и мой сын их в тот ящик положит... кто будет крайним? Правильно, чернокожий! В этой прогнившей стране всегда и во всем виноваты чернокожие!!! Брось их под дверь немедленно!!

Парень дошел до конца коридора, присел на одно колено и просунул под дверь четыре письма.

Лазарь видела, как четыре тонких конверта скользнули на ее ковер. Даже с дивана она видела, что три явно со счетами или чем-то подобным. Когда все стихло, Мария поднялась с дивана и подошла к письмам, подняла их с пола. В двух письмах не было ничего особенного, счета и прочая ерунда, третье было каким-то приглашением на вечер поэзии, а вот четвертое... на нем не было адресата и отправителя. Простой некогда белый, но пожелтевший на солнце конверт. Она перевернула его – на обратной стороне в уголке простым карандашом была нарисована ромашка с двумя заштрихованными лепестками. Лазарь смотрела на рисунок и не могла пошевелиться, в горле будто застрял комок. Непослушными руками она аккуратно вскрыла конверт и достала из него два свернутых листка бумаги в клетку. Между ними был высушенный цветок сиреневого колокольчика, что растет на балканских лугах. Взяв его в руки, Мария была не в силах сто-

ять на ногах, она опустилась на пол и почувствовала, как защипало в глазах. Она раскрыла листки и увидела знакомый почерк, который нельзя было не узнать.

Здравствуй, Цветочек!

...Сорвал его в день твоего отъезда. Неплохо он сохранился... в отличие от меня. Прости. Знаю, что если ты это читаешь, то меня нет больше. Еще знаю, что ты хочешь уйти вслед за мной, просто так, за компанию. Не надо, Цветочек. Уверен, есть еще незаконченные дела, например, дожить до глубокой старости...

Мария несколько раз перечитала все письмо и уже в десятый раз перечитывала концовку, не веря своим глазам:

Я верю, что нашей истории еще не конец, и только от нас зависит, каким он будет. Не знаю, куда приведет нас то, что задумано годы назад, но знаю наверняка, что ты завершишь начатое.

Цветочек мой... я снимаю с тебя клятву, распорядись этим мудро. И умоляю, не уходи смиренно в сумрак вечной тьмы...

Твой навсегда, Милош Лазарь

Лишь когда за окном стемнело и в окна ударил электрический свет, Мария перестала бесконечно перечитывать письмо. Она подошла к окну и сделала глубокий вдох морозного зимнего воздуха.

– Чертов Чингачгук со своей мистикой... ясновидец чер-

тов... – выругалась она вслух. – Тебе будет знак, тебе будет знак... Чтоб тебя...

Резкий порыв ветра скинул со стола письмо с приглашением на вечер поэзии и принес его прямо к ногам Марии.

– Класс, теперь еще и на вечер поэзии тащиться. – Тут она лукавила, ей нравилась поэзия, особенно когда стихи читали вдохновенно и проникновенно.

Она раскрыла письмо с приглашением. Вечер начинался в девять и проходил неподалеку ниже по улице в джаз-ресторане «Минтонс». Лазарь не стала читать программу, просто пошла собираться. Мария мельком глянула на себя в зеркало, пришлось подойти ближе – вид был не из лучших, зато свой, родимый, без этих надоевших линз. Быстро переодевшись, вышла на улицу. До ресторана она шла пешком, приводя мысли в порядок и постепенно успокаиваясь.

У «Минтонс» уже собирались люди. Глядя на их лица, не ошибешься, кто перед тобой, – определенно доморощенные витии. Марии повезло – ей достался столик подальше от сцены, но с отличным обзором зала. Она заказала себе курицу в деревенском соусе, которой славится это заведение, салат, много кофе и пепельницу. К ее радости, здесь еще можно было курить и простым белым посетителям.

На сцене сменялись люди, музыка и настроение, а Мария была далеко от этого места – в своих мыслях и в своей трагедии. Она все прокручивала про себя письмо Милоша, и ей казалось, что она чувствует запах тех самых колокольчиков.

Потом мысли произвольно возвращались к сегодняшнему разговору с индейцем. Лазарь в очередной раз повторяла самой себе, что это все чистой воды бред. Когда она вдруг вырвалась из своих раздумий, в зале заиграла грустная протяжная мелодия и мужчина со сцены начал читать стихи, которые последние два дня преследовали Марию. Девушка вслушивалась в слова и мысленно повторяла их, будто ища в них что-то особенное.

*– Слепец прозреет в миг последний свой:
Ведь были звезды-радуги когда-то...
Встань против тьмы, сдавившей свет земной.
Отец, ты – перед черной крутизной.
От слез все в мире солоно и свято.
Не гасни, уходя во мрак ночной...*

повторяла она слова вместе с выступающим. –

*Встань против тьмы, сдавившей свет земной...
Отец, с высот проклятий и скорбей
Благослови всей яростью твоей –
Не уходи безропотно во тьму!
Не дай погаснуть свету своему!*

Читающий замолчал, и в зале повисла тишина.

Лазарь сидела молча, уставившись на догорающую в ее руке сигарету.

– Все равно мне нечего терять, все уже потеряно, – выдох-

нула она. – Будь по-твоему, Чингачгук...

Воскресное утро выдалось солнечным и безоблачным. Мария провалялась в постели часов до одиннадцати. Приняв душ, позавтракав, она собралась и направилась туда, где точно бы встретила того индейца. Отчего-то сегодня ей стало интересно, что еще он сможет ей рассказать. Выйдя из дома, она села в автобус и поехала на Амстердам-авеню, где и жил, как она думала, Чингачгук.

Добравшись до места назначения, она с минуту рассматривала старый кирпичный дом. Ночью в нем было больше загадочности. Сейчас же обклеенные белым скотчем окна и обшарпанные стены производили удручающее впечатление. Идея стоять посреди тротуара и звать Чингачгука не показалась ей правильной, и она подошла к входной двери, расположившейся аккуратно рядом с магазинчиком сотовых телефонов. Если и не краденых, то использованных точно. Стала изучать домофон и имена постояльцев. Вдруг дверь открылась, и на улицу вышел один из жильцов. Мария проскользнула внутрь, тем более что никаких «Эриков» здесь не числилось. Мария поднялась на третий этаж, мысленно прикидывая, окна какой квартиры выходят на нужную сторону. Она остановилась напротив квартиры номер 73Б. Именно из ее окна кричал «Эрик». Лазарь постучала в дверь уверенно и громко. Потом еще раз. Наконец дверь приоткрылась. Через узкую щель на Марию смотрели огромные глаза индейского

мальчика лет пяти.

– А ты кто? – спросил ребенок.

– Взрослые дома есть? – ответила вопросом на вопрос девушка.

– Кто там, дорогой? – к двери подошла мама ребенка. – Добрый день! – улыбнулась она. – Вы к кому?

– Ищу своего знакомого индейца, представляющегося Эриком, – пожала плечами Мария. – Как-то раз видела его выглядывающим из вашего окна.

– Вы из полиции?

– А похоже?

Женщина кивнула.

– Ясно-понятно... – выдохнула она.

– Здравствуй, Мария! – индеец шел с сумками по коридору. – Рад снова тебя видеть! – У него было хорошее настроение. – Ты немного не угадала с квартирой, моя следующая. Привет, Майки! – ребенок застеснялся и скрылся в квартире.

– Все в порядке, Эрик? Ты ее знаешь? – настороженно спросила женщина.

– Да. Не волнуйся, все так, как надо. – Он подошел к своей квартире, открыл дверь. – Зайдешь? Как раз обед готовить собирался. – Лазарь молча пошла за ним, хотя на ее лице было написано явное недовольство.

Когда дверь в квартиру 74Б захлопнулась, хозяйка квартиры 73Б покачала головой и тоже скрылась за дверью.

Глава VIII

Мария стояла в прихожей и осматривалась по сторонам. На стенах висели портреты, старинные фотографии в рамках, элементы индейской одежды, перья, с потолка свисала дюжина «ловцов снов» и еще тьма каких-то не виданных ею ранее оберегов. Правда, несмотря на превалирующую индейскую тематику в интерьере, квартира уже давно и надолго пропахла китайской лапшой из соседнего супермаркета и насыщенный карри. Последовав примеру Эрика, Лазарь также сняла обувь в прихожей и прошла в гостиную, служившую и спальней, и столовой, и кабинетом. Индеец молча отнес продукты на кухню, по дороге включая радио в коридоре. Девушка прошла на кухню. Индеец довольно хмыкнул.

– Ну и каков мой диагноз? – в шутку спросил он.

– Не знаю... – она взяла со стола яблоко и откусила его. – Тебе нужна справка о вменяемости?

Она подошла к пожелтевшей от времени фотографии, висевшей в рамке у холодильника.

– Это мой прадед, который, кстати, предсказал нашу встречу.

– А у холодильника – это почетное место, ближе к еде, так сказать? – улыбнулась Мария.

– Просто чаще всего я подхожу к холодильнику и тут вижу его, – пожал индеец плечами.

– Ты тут один живешь? – Мария продолжала есть яблоко и осматривать квартиру.

– Когда как. – Разложив продукты по полкам, он включил чайник. – Чай, кофе будешь?

– ... Чая будет достаточно.

– Вот и отлично, тем более что кофе есть только одна порция, – пробубнил себе под нос Эрик.

– Тогда давай кофе, – услышала его Лазарь.

– Черт...

Наконец они сели в гостиной друг напротив друга, каждый со своим горячим напитком.

– Почему психология? – нарушил молчание индеец. – Почему именно эта область из всех возможных?

– Разве ответ не очевиден? – подняла на него глаза Лазарь. – Потому что это именно то, чему я училась. Зачем изобретать велосипед...

– Я про изначальный выбор. – Эрик поставил чашку на деревянный стол, заваленный газетами и журналами.

– Чтобы понять себя и... – она вдруг замолчала.

– И свой дар?

Мария кивнула неохотно.

– Помогло?

– Нет. Особенно когда понимаешь, что психология далека от идеалов древности, а уже давно служит иным целям.

– Каким же?

– Не познанию, а предсказанию и управлению поведением

человека.

– Разве ты в конторе Гэбриэла не помогаешь людям?

– Помогаю... избавляться от лишних денег. – Она притянула к себе свою сумку и достала оттуда пачку сигарет.

– В этом доме не курят.

– Иди к холодильнику и спроси своего прадеда обо мне еще раз – он скажет тебе, что я курю, причем тогда, когда хочу. – Лазарь уже вовсю себя ругала за то, что поддалась эмоциям и пришла в гости к индейцу.

– Это грубо, Мария, – мотнул головой Эрик.

– Что у тебя за план, Чингачгук? Что тебе напроорочил твой прадед, что ты готов преследовать меня повсюду? – она выпустила клубок дыма в сторону открытого окна, не сводя взгляда с индейца.

– План... – прошептал индеец и опустил голову, уставившись на расшитый ковер. – Твоими руками достичь общих целей... – еще тише проговорил он.

– М-м, знаешь, мистер Загадочность, прежде чем использовать, меня нужно задобрить. – Она поднялась к дивана и подошла к окну. – И наши цели не могут иметь ничего общего. Ты слишком, – она задумалась, подбирая нужное слово, – радеешь за человечество, за эту планету... Тогда как мне нет никакого дела до человеческого вида и места их обитания.

– Твой путь саморазрушения пагубно на тебя влияет. В том нет твоей вины, но тебе нужно с этим бороться. На то ты и Тень.

– Что, прости?

– Ты – Тень.

– Чья? Отца Гамлета? – хмыкнула Мария.

– Твое имя ведь Тень? – Индеец подошел к Марии. – Твое настоящее имя означает тень. Прадед так говорил. – Лазарь молчала. – Он говорил, твой прадед был великим воином, настоящим Пахана – потерянным белым братом...

– У каждого в роду найдется воин. – Девушка выбросила докуренную сигарету в окно. – И я не исключение.

Индеец вернулся к креслу и сел в него, сделал глоток уже остывшего чая и снова задумался о чем-то своем.

– ...Мое настоящее имя... Тогай Акечета, я родом из племени Оглала-Лакота. Родился и вырос в резервации Пайн-Ридж, в Южной Дакоте. Богом забытое и оставленное Великим Духом на растерзание времени место. Мой прадед Кохана Чайтон, Стремительный Сокол, был вождем нашего племени и одним из последних шаманов, кому посчастливилось общаться с Великим Духом. А я был последним, с кем общался прадед.

Южная Дакота, Пайн-Ридж, 18 ноября 1982 года

Кохана Чайтон сидел на плохо сколоченной скамейке у своего дома-фургона вблизи водонапорной башни. Он получил этот дом в качестве гонорара еще в далеком 71-м. Он был предназначен для семьи из трех человек, но кто виноват, что семья Коханы насчитывала куда больше людей. Сейчас

в этом трейлере ютилось шестнадцать человек. Не было никаких удобств, и цивилизация белых людей была далека от этих мест. Но все трудности лишь придавали сил племени.

Холодный осенний ветер бил в лицо, а старик лишь улыбался ему. Иногда он мечтательно смотрел в небо, отчего-то сегодня он очень ждал заката. Его пятилетний правнук Тогай с нескрываемым любопытством наблюдал за ним из окна их семейного навеки припарковавшегося трейлера. Кохана подмигнул мальчугану и жестом руки разрешил к нему подойти. Мальчик с огромными глазами цвета грецкого ореха и с иссиня-черными прямыми волосами подошел к шаману. Старик притянул его к себе так, будто давно его не видел. Кохана набросил ребенку на плечи свою теплую накидку, расшитую вручную изображениями мустангов.

Вместе они сидели молча и смотрели в небо. Тогай пытался проследить, куда смотрит дед, и также устремлял свой взгляд на пустоту в небе.

– Деда, а куда ты смотришь, что ты ищешь там, в небе?

Старик улыбнулся, как только заметил сверкнувшую на небе бледную звездочку.

– Смотри на звезду, Тогай, только что родился бледнолицый друг нашего народа.

– Пахана?

Чайтон улыбнулся и покачал головой.

– А кто же?

– Вестник Великого Духа... Странник с далекой земли, земли крови и меда. Через три десятилетия этот странник спасет тебя, сын мой. – Мальчик обратился в один сплошной слух, каждое слово шамана навеки отпечатывалось в сознании. – У вестника этого есть удивительный дар, который он будет считать проклятием. Не ищи с ним встреч, духи будут вести вас. В пятый раз встретишься с вестником, в тот день будет ему знак, открывающий дорогу к его дару...

– Что у него за дар, деда?

– Он усыпляет защиту и проникает в суть... так я вижу. Когда вестник придет к тебе сам – прими его как брата. Говори с ним, – старик сильней прижал к себе правнука, – вместе вы пройдете длинный путь, и вместе вернете вы утраченное... – Кохана смотрел на эту звезду, и не было у него никаких сомнений, что эта далекая сверхновая оправдает все его ожидания.

Старый индеец еще много всего шептал на ухо Тогаю, а потом вдруг замолчал. Дыхание его становилось все тише, пока не прекратилось вовсе. Кохана Чайтон, Стремительный Сокол, умер на девяносто пятом году жизни. Его глаза были открыты и устремлены к звезде, таявшей в лучах заходящего солнца.

Наше время

Мария сделала глубокий вдох и шумно выдохнула. Она молча посмотрела сначала на индейца, потом отвернулась к

окну.

– Ты ничего не скажешь? – нарушил тишину Тогай.

– ...Что ты хочешь вернуть? – не поворачивая головы, спросила Лазарь.

– Я хочу вернуть своему народу то, что у нас отняли.

– Свободу? – хмыкнула Лазарь, чуть закатывая глаза. Такой банальности она не ожидала.

– ...Америку. – Тогай поднялся с места, ловя на себе удивленный взгляд девушки.

– А зачем она вам, Америка? – Она направилась к индейцу. – За годы изгнания вы не сделали для нее ничего, а теперь что? Возглавить ваш бунт предлагаешь и повести вас в светлое будущее? А может, еще умереть за вас скажешь? – ее голос отдавал сталью и буквально резал и без того напряженный ледяной воздух в комнате.

– Никакой бунт не принесет нам желаемого, его подавят в зачатке! Лидеров и вдохновителей убьют и снова забросают резервации самогоном и наркотиками. – Он сделал шаг к Марии и положил руки ей на плечи. – Поверь, мы проходили через это не раз. И каждый раз по нам наносили такой удар, что выстоять смогли единицы. – Тогай смотрел в глаза Лазарь, но даже сквозь ее темно-коричневые линзы он чувствовал, как она смотрит в него, в его суть.

– Тогда что? – Лазарь убрала его руки и сделала шаг назад.

– Есть горстка людей, стоящих за всем происходящим. Именно они на протяжении долгого времени не дают миру

дышать спокойно.

– Да ты, друг мой, конспиролог. – Мария слегка хлопнула себя ладонью по лбу. – Как я сразу не догадалась... Масоны, иллюминаты и новый мировой порядок... я угадала? – она села на диван.

– Тогда почему ты назвала людей на вечере памяти врагами?

– Потому что все они имели отношение к преступлению против моего народа.

– Но не только твоего. Не вы первые, не вы последние. Ты же понимаешь, что не будь этих людей, то многого бы не случилось?

– Хмм, как говорится, хорошие люди должны собраться и убить плохих людей? Это твой план? – Лазарь снова закурила. – А ты в курсе, что если отрубить многоглавому змею голову – на ее месте вырастет другая? Свято место пусто не бывает. – Она покачала головой, выпуская дым и забираясь на диван с ногами.

– А никто и не говорит рубить по одной голове. – Тогай хитро улыбнулся и сел в кресло напротив Марии. – Я говорю о самоубийстве змея, он сам откусит себе головы, сам бросится на нож.

– Ок, а что будет дальше? Ну, умерли все плохие, дальше что? Их приспешники останутся и...

– Не останутся, – перебил ее индеец. – Для этого должна быть разрушена вся система.

– А какая мне польза? Как это ваша свобода вернет мне утраченное? – она вдруг осеклась и задумалась. – Или я жертвенный агнец, жаждущий смерти, и потому отличная находка?

– Не все, что ты потеряла, можно вернуть, но многое.

– Я не против смертельного финала, но против того, чтобы мне ввали. Что твой прадед предсказал бледнолицему вестнику?

– Он сказал, что ты вернешься домой, туда, где все началось.

– И? – развела она руками.

– Исполнишь задуманное, сказал. Я его, правда, не очень понял, он произнес непонятную фразу на нашем языке.

– Какую фразу?

Тогай закрыл глаза, вспоминая дословно:

– ...Прах с гор разносится по полю, я вижу голову в руках у девы, и старец, обретающий покой, возносит добрую весть на небо... Такую вот.

– Прах по полю... – повторила шепотом Мария. – Он ведь говорил тебе мое имя?

– Тень, он звал тебя Тенью. Ведь тебя так зовут?

– Это лишь значение имени. Кстати, что значит твое?

– Тогай – Воин. Просто имя. Мне не дали прозвища, не то время было. Не проявил себя, видимо.

– Звучит неплохо, – улыбнулась Лазарь.

– Твоя очередь.

– А у тебя разве тут не клуб анонимных конспирологов? – Она затушила сигарету в блюдце. – Можешь звать меня Теню. – Мария отряхнула руки. – Отличный позывной.

– Я серьезно, – нахмурился Тогай.

– Зачем тебе это? Мария Лазарь – недостаточно?

– При всем уважении, имя Мария имеет совсем другое значение.

– Придет время – расскажу, а пока я послушаю твой план.

– План рассказывать буду не я.

– У нас есть сообщники? – продолжала саркастично Лазарь.

– Можно и так сказать, собирайся. Мы идем к моему другу. Он покажет тебе весь размах заговора.

– Против кого?

– Против нас всех.

– Сплю и вижу. – Индеец снова бросил на нее хмурый взгляд. – Ладно, ладно, пойдем к твоему другу... Гулять так гулять...

Вдвоем они вышли на улицу и подошли к автобусной остановке. Тогай посмотрел на часы.

– Куда нам ехать? – спросила Мария, усаживаясь на скамейку. – Может, проще поймать такси?

– Клуб конспирологов не ловит такси, – хмыкнул индеец. – Тут недалеко, за мостом сразу.

– А-а, – протянула девушка, – удобно. Пешком дойти не проще?

– Не-а, – в тон ей ответил мужчина. – Вот и наш транспорт.

Они сели в полупустой автобус. Мария села у окна, перед ней сел Тогай.

– На третьей выходим.

– Как скажешь, – пожала она плечами.

Через пять минут они пересекли мост и вышли на остановке «Андерклиф-авеню». Погода ухудшалась, и сильные порывы ветра с реки пробирали до самых костей. Тогай сильнее кутался в свой оранжевый шарф и глубже прятал руки в карманы вельветовых брюк, пытаясь хоть как-то согреться. Выйдя на нужной остановке, они пошли вниз по улице, вдоль набережной реки Гарлем. Шли они молча.

– Куда мы идем? – наконец поинтересовалась Мария.

– К другу, сказал же.

– Куда конкретно?

– Тут рядом есть компьютерный клуб «Пересмешник», очень своеобразное подпольное заведение.

– Не вижу рекламы и прочей атрибутики. Наверное, очень популярный клуб, – фыркнула Лазарь.

– Смотри среди кого, – пожал плечами индеец. – Мексиканцам там нравится.

– Чудно, будем трескать бурритас и запивать текилой.

– Я смотрю, ты в ударе. – Он недовольно посмотрел на нее через плечо. – Шутишь много сегодня.

– Радуйся, что шучу. Иначе ты бы плакал.

Через несколько минут сквозь холод и ветер они подошли к одиноко стоящему у подножия холма двухэтажному дому. Когда-то он был белый, но несколько пожаров сделали свое дело, и он до самой крыши покрылся копотью. Окно на первом этаже было защищено решеткой, хотя стекло и так уже было разбито. Над окном сияла вывеска на испанском, мигающая розовым и зеленым цветами: «Компьютерный клуб – интернет для своих». У тяжелой железной двери, изрисованной граффити, толпилась группа молодых парней, латиносов. Они что-то бурно обсуждали, хотя больше это было похоже на выяснение отношений. Музыка из клуба лилась рекой, и тяжелые биты выдавали киберпанковскую депрессию, закрашивая в души мексиканских интернетоманов.

Мария отметила большое количество мусора у дома, помимо фантиков и алюминиевых банок встречались и использованные шприцы. Лазарь недовольно покачала головой. Потом где-то за домом послышались выстрелы. Тогай замер.

– Не стой так, пристрелят, – хмыкнула девушка, хлопая его по плечу.

– Тут последнее время часто разборки бывают.

– Тебе-то не привыкать, – она ему подмигнула, намекая на недавний инцидент.

– Ха-ха. Очень смешно. Да.

Тогай открыл перед ней дверь, пропуская вперед. Из помещения хлынул теплый воздух, перемешанный с застояв-

шимся запахом табака и энергетических напитков. Они вошли внутрь, и дверь захлопнулась. Справа от входа был узкий коридорчик, который вел в миниатюрную кухню, где хозяйничала женщина средних лет. Она что-то проворчала по-испански, увидев новых посетителей.

– Но такос тудэй! Но! Бурритас дэй! – махнула она. Акцент у нее был забавный.

– Мы в клуб. – Тогай кивнул в сторону лестницы.

– Гарсия! – крикнула она громко. – Клиенты!

Перед ними была старая лестница, пережившая пожар, а может, даже не один. Мария поднималась следом за новым товарищем и пальцами касалась шершавой стены – холодной, но на удивление не грязной. Лестница упиралась в дверь комнаты. Рядом с ней сидел на корточках мужчина и задумчиво курил сигару. Он лениво посмотрел на гостей, но тут же потерял к ним всякий интерес. Слева в коридоре тоже были люди, но все они были поглощены друг другом.

– Нам сюда, – рукой указал путь индеец.

Они повернули направо и пошли в конец коридора. Комната под номером четыре была открыта. Внутри стояли два ряда стареньких столов с компьютерами прошлого века, издававшими очень много шума. В полутьме практически ничего не было видно, и голубые мониторы служили маяками. Всего Мария насчитала шесть компьютеров. За двумя из них сидели люди в наушниках. Один с кем-то болтал по скайпу, второй задумчиво рассматривал сайт с газонокосилками.

– Побудь тут, я его позову.

Тогай направился в конец комнаты, где за черной плотной занавеской была еще одна дверь. Мария осматривалась по сторонам. На стене за ее спиной были следы от пуль. Будто автоматная очередь прошла по ней.

– Какое дружелюбное местечко, – вслух сказала она.

Лазарь направилась к открытому окну, а верней, к тому, что им когда-то было. Ни рамы, ни стекол, просто дыра в стене. Чем ближе она подходила, тем отчетливей слышала, как кто-то там внизу ругается с кем-то. Под ее ногами жалобно скрипели половицы. Подходить туда явно было опасно.

– Эй! Отойди от окна! – снял наушники один из мексиканцев. – Быстро отойди! – на его лице читалась паника и страх. – Убьют же!!!

Лазарь слышала шум борьбы на улице и грохот перевернутых мусорных баков, а потом снова прозвучал выстрел. Мария не могла отказать своему любопытству и выглянула наружу, в эту же секунду прозвучал еще один выстрел. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от Лазарь и впиалась в потолок. Девушка улыбнулась.

– Ми-мо, – шепотом ответила она, глядя на стрелка, замершего на месте.

Не успела она сделать шаг назад, как стальные жалюзи стали опускаться, закрывая окно. Рядом с ней стоял незнакомый мексиканец и удерживал черную кнопку на стене. Он был чуть ниже Марии, коротко стриженные черные волосы,

белоснежная улыбка до ушей и сияющие темные глаза. Складывалось впечатление, что он был чертовски рад ее видеть.

– У нас тут иногда стреляют, и лучше бы, чтобы свидетелей не было, – снова улыбнулся он и виновато поднял плечи и развел руками.

– Учту, – губами улыбнулась девушка. За спиной мексиканца появился Тогай. – Это он, тот самый друг? – Индеец кивнул.

– Привет! Я Эвис Гарсия. – Он протянул ей руку.

– Эвис? – переспросила Лазарь.

– Да, как Элвис, только без «л», – просиял Гарсия.

– Без «л» – то оно, конечно, круче, – закивала девушка, пожимая ему руку.

– Ну, пойдём в мою каморку!

За второй дверью была довольно просторная комната, но безумно захламленная. Среди десятков картонных коробок, набитых вещами, техникой, старыми газетами, журналами и каким-то мусором, можно было скорей потерять себя, чем найти что-то нужное. За коробками, служившими ширмой, скрывался маленький письменный стол, заставленный ноутбуками, планшетами и телефонами. Из выдвижных шкафов вываливались бумаги и записки.

– Это не краденое, – проследил взгляд девушки Гарсия. – Честным трудом заработанное.

– Мне все равно, – ответила Мария, продолжая осматриваться по сторонам.

– Итак, – Тогай сел в кресло у стола, – вот мы все и в сборе.

– И за что борешься ты? – спросила Эвиса Лазарь.

– В смысле? – удивился Гарсия, направляясь к маленькому холодильнику и доставая бутылочку фанты.

– Тогай вот за Америку, которую у него отняли, а ты за что? – индеец недовольно закатил глаза.

– Ах, это! Ну, я еще не определился. – Он сделал глоток. – Просто потому что это правильно. Не должны несколько человек решать судьбы мира. Каждой стране – свое. Я так думаю.

– Логично, – кивнула Мария. – А чем ты занимаешься? Ладно Тогай, он многостаночник, а ты чем живешь? – девушка остановилась напротив одной коробки и достала из нее первый попавшийся журнал. – Интересуешься политикой, смотрю. – Она улыбнулась, в ее голосе было по-прежнему много скепсиса и сарказма.

– А как иначе, – пожал он плечами, – если ты ими не интересуешься, то они будут интересоваться тобой. Я программист, как это ни странно. Этим и живу. Найти работу в сети нетрудно.

– Он скромничает, – улыбнулся индеец, – он гений, и его талант нарасхват.

В комнате вновь повисла тишина, и Лазарь продолжила осматриваться. Вдруг ее внимание привлекла плохо заметная темная занавеска на стене. Заметив, куда она смотрит, Гарсия подошел к стене и отодвинул штору. Мария замер-

ла на месте в изумлении. Вся стена комнаты, скрывавшаяся за шторой, шесть метров в ширину и три в высоту, была обклеена фотографиями, выписками и вырезками, какими-то схемами. От одних людей тянулись красные нити к другим. Перед Марией предстало гигантских размеров генеалогическое древо неизвестно кого. Некоторые участки стены были занавешены отдельными кусками рваной ткани.

– Впечатляет, да? – с гордостью спросил Эвис. – Я над этой стеной лет пять тружусь, еще, правда, остаются белые пятна. – Он почесал в затылке.

– Здесь столько имен – это все цели? – спросила Лазарь, указывая на стену, которую нельзя было объять одним взглядом.

– Ну, в общем, да, – развел руками Гарсия, – правда, всех необязательно. – Он хмыкнул. – Многие из них – лишь пешки, шестерки, которые мало на что способны в одиночку. Достаточно убрать верхушку. – Он указал пальцем на прикрытую часть стены. – Правда, к ней просто так не подобрешься. – Он посмотрел на Тогая.

Мария переводила взгляд с одной фотографии на другую. Некоторые были связаны между собой, другие нет. Но от всех них шли толстые красные линии к кому-то под занавесом. Она сделала шаг ближе и отодвинула занавеску. За ней скрывался овал, олицетворяющий стол, за которым сидели девять человек, к которым тянулись нити со всей стены. А нити от восьми сходились над одним человеком, по мнению

создателя схемы, контролировавшим всех и вся.

– Тут еще хватает неточностей, где какая контора и за что она отвечает, а так все верно. Проверяли десятки раз, – не без гордости говорил Гарсия, но Мария его практически не слышала. Она продолжала рассматривать старенькие полароидные фотографии, будто ища что-то конкретное.

От одних лиц расходились черные нити по разным континентам и спискам событий по годам. Заметки, висевшие рядом, сообщали о причинах и выгоде для того или иного участника схемы. Многие из этих людей мелькали на страницах газет, во всех телевизорах мира, а некоторых Мария не видела никогда – исполнителей мало кто знал в лицо. Правда, было одно исключение.

На правом нижнем участке стены она увидела фотографию Мадлен Олбрайт с обложки журнала «Тайм» от 1999 года. На ней госсекретарь США была запечатлена в очках, съехавших на нос, с крайне раздраженным выражением лица разговаривающей по спутниковому телефону. Подпись к фото гласила: «Война Олбрайт: за кулисами с госсекретарем в то время, как она идет на победу в Косово». От ее фотографии расходилось несколько нитей. Одна вела к неизвестному Лазарь человеку, а вторая к покойному Уокеру. Фотография была перечеркнута красным крестом. От Уокера лучи расходились по трем направлениям на разные континенты. Два Лазарь не интересовали, но она не могла оторвать взгляда от третьей. Мария протянула к ней руку и аккуратно

сняла ее со стены. Она всматривалась в знакомые очертания старинного памятника, стоящего на фоне затянутого серыми тучами неба...

28 июня 1989 года, Косово поле

Радован Обилич вместе со своей внучкой и десятком соседей по селу ехали в автобусе в сторону памятника Газиместана, что на Косовом поле. Сегодня был особенный день, и Радован очень хотел, чтобы его любимая внучка запомнила этот день. Сегодня исполнялось ровно шестьсот лет со дня великой для Сербии битвы.

– Деда, а почему ты не взял Марко, почему только меня? – спросила его внучка. Ее невероятного цвета глаза с восхищением смотрели на Радована, и видно было, что ребенка переполняют эмоции.

– Потому что, милая, только ты сможешь увидеть и понять, – серьезно ответил дедушка.

– Что понять?

– ...Суть вещей.

– А что такое суть? – не унималась девочка.

– Придет время, и поймешь. Марко, если ты помнишь, не очень-то хорошо себя вел последнее время. Плохо слушался Анну, да и меня.

– Просто он скучает по маме и папе. – Девочка отвернулась к окну и смотрела на вереницы людей, направлявшихся на поле.

– А ты, Сенка? Не скучаешь?

– Да, скучаю, – кивнула она. – Только, в отличие от Марко, я знаю, что они никогда не вернутся.

– Думаешь, ему нужно сказать правду?

– Нет, – мотнула она головой. – Он ее знает, просто забыл.

– ...Ну, может, оно и к лучшему, как думаешь, милая? –

Радован приобнял внуку.

– Что это за башня впереди, деда? – сменила тему Сенка.

– Это не башня, синку³, это памятник битве, о которой я тебе рассказывал. Это Газиместан... – Обилич посмотрел на него. – Это Косово поле, Сенка, место, где сошлось войско сербское с войском турецким.

– Тут погиб Милош... – сказала девочка. – А мы пойдем на его могилу?

– Никто не знает, где она.

– Даже ты?

– Даже я, – улыбнулся Обилич.

Когда дед и внука вышли из автобуса, то увидели заполненное людьми поле. Люди старались пройти ближе к памятнику, все они чего-то ждали. Радован взял внуку на руки.

– Что там видно, Сенка?

– Там трибуна, деда, к ней идет какой-то дядя.

Толпа взорвалась приветствиями и овациями.

– Смотри на него внимательно, что ты видишь?

Девочка устремила свой взгляд на незнакомца.

³ Ласковое обращение к внуку, внучке (*серб.*).

Слободан Милошевич медленным шагом шел к деревянной трибуне с установленными на ней тремя микрофонами. По пути он вытаскивал из кармана пиджака свернутый листок бумаги. Накануне он наконец-то дописал свою речь. Четыре варианта ушли в корзину, да и пятый ему не особо нравился. Милошевич прокручивал в голове события последних месяцев и прекрасно понимал, что то, что он хочет сказать на самом деле, будет воспринято в штыки. Встав за трибуну, он окинул взглядом Косово поле. Тысячи глаз были устремлены на него, и в каждой паре горел огонек надежды.

– Ему страшно, деда, – сказала Сенка.

– Чего он боится, родная? – удивился Обилич.

– Ему страшно не за себя... за нас всех...

Милошевич развернул листок бумаги и положил его перед собой. Он поприветствовал собравшихся и начал свою речь. Он посматривал на листок и на реакцию людей. Ему не хотелось читать дальше. Вдруг, сделав паузу, он незаметно для всех перевернул листок. Посмотрел на чистую обратную сторону и улыбнулся одними губами неизвестно чему.

– Я хочу вам сказать, товарищи, что вы должны оставаться здесь. – Он услышал довольные возгласы. – Это – ваша земля, это – ваши домашние очаги, ваши поля и сады, это – ваша история! Вы не должны оставлять эту землю только потому, что жизнь здесь трудна, потому, что вы подвергаетесь унижениям. Сербы и черногорцы никогда не пасовали перед трудностями, никогда не отступали в часы сражений. Вы

должны оставаться здесь – во имя ваших предков и ваших потомков. Югославия не существует без Косова!

После этих слов Косово поле взорвалось овациями и возгласами: «Косово је Србија!» В глазах некоторых стояли слезы. Радован и Сенка молча смотрели и слушали. Девочка все вглядывалась в лицо Слободана и в незнакомые лица вокруг.

– Запомни этот день, Сенка, ибо с него начинается наша борьба.

– Нет, деда, она началась гораздо раньше, – по-взрослому ответила внучка.

– Когда же это? – удивился Обилич.

– 600 лет назад, деда.

Наше время

– Мария? – услышала она голос индейца. – Ты в порядке?

– Да, – кивнула она, мотнув головой, отгоняя воспоминания, от которых щипало в глазах.

– Ну так что, рассказать тебе весь план? – хлопнул в ладоши Эвис.

– Вы уверены, что мне нужно знать все?

– А как иначе? – развел руками индеец. – Нужно же с чего-то начинать.

– И с чего вы собирались начать?

– С устранения белых пятен и установления всех действующих лиц.

– Хорошо, а потом? – Мария снова посмотрела на фото-

графию в своей руке.

– Потом подумаем и снова подумаем.

– То есть дальше схемы плана нет? Вы даже не знаете, как подобраться ко всем этим людям, которых охраняют армии... – покачала она головой.

– Вот поэтому нам нужна твоя помощь. Без тебя все это невозможно, – резюмировал Тогай.

– Допустим, мы закрыли белые пятна. Что вы хотели убрать первым, какое звено? – Оба собеседника пожали плечами. – Чудно, дилетанты-заговорщики, что может быть лучше, – покачала она головой. – Значит, так. Или мы начинаем с этого, – она показала им снятую со стены фотографию, – или не начинаем вовсе.

Гарсия посмотрел на индейца, потом на стену.

– Понятно, – согласился Гарсия. – Вижу, у тебя есть свой план. И к кому у тебя есть доступ с этой стены? – Мария молча указала пальцем на верхушку. – Даже та-ак? – протянул Эвис и посмотрел на Тогая. – Ты мне этого не говорил!

– Сам узнал недавно.

– Прямо как твой прадед предсказывал... офигеть!

– Ближе к делу, пожалуйста, – перебила их Мария.

– Серьезная какая... – почесал подбородок мексиканец. – Теперь нужно найти что-то, что позволит прийти к твоей... цели. – Он говорил как-то неуверенно, будто сомневаясь в чем-то. – Ты знаешь, чем его зацепить? М-м, повлиять? Надеюсь, и эта часть предсказания – правда...

– Есть одна идея. – Лазарь отвернулась к стене. – Всего одна, – прошептала девушка.

– Любопытно будет послушать, – сказал Тогай.

– Смотрите на стену, – она обвела всю ее руками, – из схемы Эвиса видно же.

– Не-а, – мотнул головой Гарсия. – Ни черта мне не видно.

– Имея все это, можно бояться лишь одного – потерять все это... – прошептала девушка.

– Поймать на страхе старикашку? Можно и так, – закивал Гарсия. – А можно так, чтобы никто ничего не заподозрил? Дабы оставаться в тени и в... безопасности?

– Мне все равно терять нечего, – пожалла девушка плечами. Она повернулась к ним лицом и сделала пару шагов вперед, явно собираясь уходить.

– М-м, а тебе когда-нибудь уже приходилось делать такое, а? Ну, в смысле, подчинять людей своей темной воле и все такое?

Мария молча и с ухмылкой указала пальцем на правый нижний угол, где красовалась фотография Уокера. Гарсия громко сглотнул. Она протянула ему фотографию Газиместана.

– Отлично, когда начинаем?

– В понедельник.

– Ок, когда встречаемся? – спросил мексиканец.

– В понедельник в десять на Кларендон-авеню, 2910, квартира 73.

– Это Бруклин, что ли?

– Именно, – кивнула Мария.

– Почему там? Что там за место такое? Конспиративная квартира?

– Там тихое место, где как минимум не стреляют и никого из нас искать не будут.

– Нас уже ищут, что ли? – хмыкнул Гарсия.

– Провожать не надо. – Девушка обошла Тогая и покинула комнату. Двое мужчин переглянулись.

– Ну, Бруклин так Бруклин, – развел руками Эвис.

Тогай подошел к окну. Мария вышла в темноту улицы, несколько ее не боясь. Толпившиеся у входа в клуб парни бросили ей вслед какие-то фразы, но она на них даже не среагировала. Глянув по сторонам, Мария направилась к мосту. По дороге она остановилась и повернулась к клубу, закуривая. Несколько раз чиркнув зажигалкой, она заметила наблюдавшего за ней Тогая. Смерив его взглядом, она отвернулась и пошла дальше. Ветер стих, и в воздухе висела морозная свежесть, а небо было озарено десятками звезд.

Переходя длинный мост Вашингтона, она смотрела на ночной Манхэттен, тонущий в огнях, и с трудом верила во все происходящее и в то, что согласилась присоединиться к плану «клуба юных конспирологов». Выпуская облачка дыма, она лишь сильнее чувствовала приближение чего-то необратимого. Но с каждым шагом эта идея переставала ка-

заться чем-то глупым. Эта одна-единственная попытка вела либо к искомому эффекту, либо к фатальному.

– Так тому и быть, – решила она и выбросила окурок в реку. Оба варианта устраивали Марию Лазарь.

Глава IX

Мария вернулась домой под покровом ночи. На третьем этаже громко играла музыка, сосед снова впал в период панк-транс-паранойи. Лазарь вошла в квартиру, сняла ботинки и, не включая свет, прошла в ванную. Вынула линзы, умылась и вздохнула с облегчением. Выйдя из ванной, она подошла к столу и взглянула на компьютер – на рабочем столе мигало оповещение о пропущенных сообщениях.

– Что там еще... – недовольно сказала девушка, открывая защищенный чат-канал. В черном окне чата было три сообщения. Все от Горана:

«19.07 Мария, тут?»

«20.13 Где тебя черти носят?!»

«20.53 Мария, это последнее сообщение. Проект завершен, мы сворачиваемся. Большие не сможем вести тебя. Канал будет удален в полночь. Теперь ты одна. Прощай».

– Я уже давно одна, тоже мне новость. – Она открыла интернет. Ее страница в фейсбуке больше не сообщала многочисленным френдам о «позитивчике» и не постила картинки. – Вот и чудненько. Еще недельку повисим, и удалю ее к чертям... Такое позорище... – Она недовольно фыркнула, снова вернулась к чату и напечатала:

«22:34 Готовься. Покров спадет, падут оковы,

обнажатся тайны, и это все не ново. Скоро будет жарко, Горан».

Дальше Лазарь отошла к противоположной стене. Она села на пол и, достав из куртки пачку сигарет, закурила. Медленно выдыхая дым, девушка смотрела на монитор компьютера, на открытый чат, который больше никогда не заговорит. Вдруг она услышала за дверью чьи-то шаги, тень незнакомца мелькала по полу. Мария повернула на шум голову и прислушалась. Какое-то время незнакомец стоял у двери и явно тянул руку к ручке.

– Марк! Ты чего? Нам сюда! Не в ту квартиру ломишься! – окликнул мужчину кто-то. Потеряв интерес к происходящему, Мария снова уставилась на компьютер, но мысли унесли ее далеко за пределы ее квартиры.

Она воспроизводила в памяти весь сегодняшний день и все возвращалась к этой стене-схеме, сделанной Гарсией. Было в ней что-то притягательное и что-то такое, что не могло отпустить никого хоть немного интересующегося происходящим. Лазарь закрыла глаза. Оставался пустяк – составить план действий.

Апрель 2009 года, Сербия, Косово

В старом и давно опустевшем доме семьи Бояновичей, расположившемся в самой нижней части на окраине села Сойево, было многолюдно. Группа из пяти человек выбрала именно это здание для своей временной базы. Соседей тут

не было – все дома стояли пустыми, и албанцы, жаждущие легкой наживы, уже побывали в каждом доме и перевернули их вверх дном. Наверное, поэтому в домах было невозможно встретить ни одной целой тарелки или столового прибора. В группе была только одна женщина, и она была занята приготовлением незамысловатого ужина. Двое молодых мужчин устроились в столовой и, разложив на столе множество электронных приспособлений, пытались подключиться к интернету. Еще один мужчина с довольно грозным видом чистил пистолеты, которых у незнакомцев было предостаточно.

– Ура! – воскликнул один из парней, возившийся с компьютером. – Есть сигнал, о!

– Стабильный? – Горан был невысокого роста, с бритой головой и пятидневной щетиной, которая, как он думал, безумно его красила. На шее красовалась татуировка с изображением тигра. – Или еще покрутить?

– Думаю, да. Можно выходить на связь.

– Добро. – Горан поднялся с пола и стал собирать не пригодившиеся детали в армейский рюкзак. Его взгляд на секунду задержался на девушке, что готовила на них на всех ужин. Так же, как и все, она была одета в военную одежду. – Сенка! Скоро там еда поспеет?

– Потерпишь! – ответила она, махнув рукой, не поворачиваясь к нему. Горан недовольно покачал головой, но тут же усмехнулся одному ему известной мысли. – Радуйся, что генератор работает, иначе бы пришлось есть все сырое.

– Ну, побей меня еще! – буркнул мужчина себе под нос.

Нарезав и приправив овощи, девушка бросила их на сковородку. Аромат от них смешивался с запахом фасолевой каши, приготовленной на электроплитке. Она осмотрела будущий ужин.

– Мы так скоро станем вегетарианцами... – выдохнула она.

Сенка остановилась на миг и посмотрела в окно, открыла его. На улице был светлый день, клонившийся к вечеру. На небе не было ни облачка. Деревья в одичавшем яблоневом саду у дома тихонько раскачивались на ветру. Девушка отвлеклась от красивого вида лишь на минуту, а когда снова посмотрела в окно, то на подоконнике лежал букет из маленьких лиловых цветков, перевязанный травинками. Сенка улыбнулась и взяла букет в руки.

– Красивые, – улыбнулась девушка.

– Под цвет твоих глаз.

– Где ты только их находишь?.. – спросила она.

– Ты не поверишь, – в окне появился мужчина лет тридцати пяти в одежде цвета хаки, с ружьем на плече. Его загорелое лицо, казалось, сияло, а темные, зеленые, как самая глубокая чаща леса, глаза буквально искрились счастьем. Счастьем, которое никто из его окружения никогда не мог понять, – но везде, где ты проходишь, появляются цветы. Просто, в отличие от тебя, – он подмигнул ей, – я оглядываюсь

чаще.

– ...Спасибо, – улыбнулась она, коснувшись ладонью его щеки. – А теперь мыть руки и ужинать!

– Бегу. – Он улыбнулся и снова окинул взглядом поле за спиной: в паре километров просматривалась американская база «Бондстил». Постояв так несколько секунд, он направился в дом.

Милош Лазарь зашел в дом, и к нему тут же подскочил Стеван – главный хакер их маленькой группы.

– Милош! Мы наладили связь! Можно выходить на контакт.

Лазарь осмотрел комнату, встретился глазами с Гораном.

– Ты уверен в этом человеке, Павлович? – спросил командир группы, глядя на друга. – Не будет как в прошлый раз?

– Черт, Милош, – всплеснул руками Горан, – ты мне этого албанца будешь всю жизнь теперь вспоминать, а?!

– Пока не проколешься с кем-то еще, – засмеялся из коридора Сава.

– Да замолчи ты, Савко! – Горан в шутку замахнулся на него первым попавшимся под руку предметом.

– Ладно, – прервал их Милош, – давай выходи с ним на связь. – Милош и Сава сели за стол рядом со Стеваном и Гораном. – Пора получить последнюю порцию наводок.

– Он нам и так достаточно рассказал, – буркнул Горан, – теперь контакт ждет какой-то проверенной информации, чего-то, что взорвет общественность.

– Мы недалеко от американской базы, – улыбнулся Сава, – можем одолжить у них пару килограмм тротила и взорвать албанскую общественность. Ну, как вариант, – развел он руками.

– Ты сегодня кровожадный, бато⁴! – улыбаясь, похлопал его по плечу Лазарь.

– Я всегда такой! Просто сегодня я еще и голодный!

– Вам бы все шутки шутить, – хмурился Павлович. – Это серьезные люди...

– Мы тоже тут не в игрушки играем, – ответил Лазарь. – А то, что он от нас требует, крайне опасно, и я не хочу рисковать нашими жизнями только чтобы кто-то там черт знает где напечатал сенсацию.

– Поздно спохватился. – Горан с вызовом посмотрел на Милоша. – Если бы так боялся за наши головы, то не дал бы нам пойти с тобой. Да и потом, разве это не привлечет внимания мира к нашей проблеме?

– У мира было достаточно времени, чтобы обратить внимание на нашу, как ты выразился, проблему, – сказала вошедшая в комнату Сенка. Она также села за стол рядом с Милошем.

– Я вас не понимаю, – мотнул головой Горан, вставая с места. – То вы хотите с ними сотрудничать, теперь на попятную? На черта тогда мы тащились в эту глухомань, к врагу под бок?

⁴ Ласковая форма слова брат (*серб.*).

– Успокойся ты, – примирительно поднял руки Милош. – Никто не собирается сворачивать с выбранного пути, просто у меня нет оснований доверять горстке хакеров из Австралии.

– Они единственные, кто может повлиять на общественное мнение, хоть как-то изменить сложившуюся ситуацию в Косово. Вы же понимаете это?

– Наверное, – тихо заговорила девушка, – из нас из всех ты единственный, кто верит в сверхвозможности интернета.

– Да, Горан, – развел руками Сава, – такие вот у тебя остальные братья по оружию.

– Ладно, ребята, – остановил разгорающийся спор Милош, – мы это делаем ради общего блага. Если есть хоть малейший шанс остановить преступников у власти – мы сделаем это.

– По мне, так это уже лишнее, – заметил Сава, почесывая себя по подбородку. – Ну выведем мы уравнение, которое равняется Хашиму, а какой толк? Мы больше пользы принесем, охраняя наши села и деревни от этих разбушевавшихся обезьян, чем выкладывая статейки на всеобщее обозрение. Мне больше по душе ломать кости торгашам на улицах Приштины, чем бегать сети их раскрывать.

– Не прав ты, Савко, – замотал головой Горан. – Может, прямо сейчас от этого не будет пользы, но когда дело дойдет до суда, то ему не отмахаться будет.

– Пф, – фыркнула Сенка, – никто из нас не доживет до

суда над ним.

– Я помню, что ты та еще оптимистка, – парировал Горан. – Раскроем их сеть, прикроем ее, и наркоты на территории того же Обилича станут меньше.

– Нет, Горан, – покачала она головой, – наркоты станут меньше, если мы их не раскроем, а просто уничтожим.

– Не хочу тебя огорчать, но нас тут пятеро, и у каждого только по две пушки.

– У нас под боком американская военная база, – пожал плечами Сава. – Так что есть вариант. – Он хмыкнул.

– Так, – остановил их Милош, – друзья-заговорщики, давайте придерживаться основного плана. Мы тут за информацией и доказательствами. Добываем все необходимое и возвращаемся. Без нас Дарко и остальные не справятся, за всем не уследят. Давай, Стеван, вызывай того парня. – Лазарь указал на компьютер.

– Ты ведь не позволишь им груз до места назначения доставить? – тихо спросил Стеван.

– Ты знаешь меня, – ответил Милош. – Бандитов я живыми не отпускаю.

Стеван застучал пальцами по клавиатуре, заходя в безопасный канал связи. После минутного ожидания в окне открывшегося зашифрованного чата появился искомый контакт под ником «Летрикс».

– Информации немного. Выяснил, что передача в 3.43, два грузовых вертолета ВВС США, рейс то ли из Турции, то

ли из Афганистана. Имен никаких не нашел, разобраться на месте придется. Есть время ответить на вопросы.

– Есть у нас вопросы? – спросил юный хакер, глядя на Милоша.

– Нету, – покачал головой Лазарь. – Приходим, ставим маячки на контейнеры, уходим. Отследим груз – накроем сеть.

– Накроем сеть – приблизимся к падению Корпорации, – продолжил Савко.

– Нет Корпорации – нет власти США. Нет власти – возвращаем Косово себе, – улыбнулся Стеван.

– Все согласно плану, – согласился Горан. – Ничего нового. Потом отсылаем ребятам в Викиликс добытую информацию и смотрим, как благодаря нам разоблачают план америкосов. Просто! – он улыбнулся.

– ...На словах. – Сенка встала из-за стола. – А на деле это разоблачение захлебнется среди прочих. – Она подошла к окну. – Мы просто рубим хвост вместо головы.

– Извини, Цветочек, – заговорил Милош, – но до головы нам не добраться. Во всяком случае пока. – Он развел руками. – Но я не против укоротить ручки албанской «Коза Ностра». Это то малое, на что мы способны.

После скромного ужина группа разбрелась по дому. Стеван устроился спать прямо в столовой, на уютном стареньком двухместном диванчике. В отличие от остальных, он мог спать где угодно и в каком угодно положении. Сава дремал

на втором этаже. Горан же, спасаясь от храпа Савко, укрылся одеялом с головой в самой дальней комнате. Он не спал нормально уже два дня, а предстоящая операция требовала бодрости. Милош и Сенка сидели рядом на крыльце и тихо разговаривали.

– Тебе не кажется, что то, что мы делаем, глупо и незначительно? – спросила девушка. – Бессмысленно...

– А что мы можем делать, милая моя? Я собрал всех, кого мог, всех, у кого хватает храбрости жить на своей земле и защищать ее от захватчиков. – Он взял в руки большую кружку с уже остывшим душистым фруктовым чаем и сделал глоток. – Мы делаем доброе дело. – Лазарь посмотрел на небо, будто ища там поддержки. – Мы продолжаем охранять нашу землю и наш народ.

– Это понятно, но с каждым днем мы все дальше от целей. Мы теряемся в этой борьбе с системой. Мы уничтожаем пешки, а до короля нам не добраться. – Сенка закрыла глаза и запрокинула голову назад.

– То, что ты не видишь в этом смысла сейчас, вовсе не означает, что его нет. – Милош обнял ее и притянул к себе. – Порой даже самая маленькая деталь может вывести из строя всю систему. Просто мы еще не нашли эту деталь. Главное – не прекращать ее искать. Да? – он улыбнулся и поцеловал ее в висок. – Ты удивишься тому, как все будет хорошо. Уже очень скоро. Закончим начатое, и все будет по-старому, по-нашему, – прошептал Лазарь.

В 2.30 ночи группа собралась на свое задание. Стеван укладывал в сумку маячки, еще раз перепроверяя их работоспособность.

– Все рабочие. – Удостоверившись, он застегнул сумку и протянул ее Савко. – Может, возьмете и мое оружие? Мне тут оно не понадобится.

– Понадобится, – возразила Сенка, проверяя боеготовность своего пистолета.

– От комаров, что ли, отстреливаться? – засмеялся парень. – Тут рядом никого.

– Ничто не мешает им прийти.

– Она права, Стеван, держи пушку при себе.

– Так точно! – кивнул Милошу хакер. – Только метко стрелять я так и не научился.

– Будем надеяться, что не понадобится, – серьезно ответил командир.

– У меня с моим пистолетом проблема. – На пороге появился Горан. – Похоже, все-таки придется брать твой, Стеван.

– Дай сюда! – протянул руку Сава. – Я лично его проверял, все нормально было.

– Ну, значит, так проверил, – протянул оружие Павлович.

– Хмм, нужно разбирать, похоже, что-то с возвратной пружиной...

– Ладно, Стеван, отдай ему свой пистолет, – сказал Ми-

лош. – Так, держим с тобой связь.

– Да, я настроил ваши рации на американскую волну, будете слышать все их переговоры.

– Отлично. – Милош закинул сумку с маячками на плечо. – С богом.

Стеван вернулся в дом, в котором единственными источниками света были мониторы его трех ноутбуков. Он некоторое время стоял у окна, наблюдая, как четверо его друзей пересекают в темноте поле и скрываются за деревьями. Потом вернулся за стол: у него было еще одно важное дело, порученное ему Милошем. Хакер погрузился в поиск нужной информации, до первого выхода на связь с командой оставалось пятьдесят три минуты.

– Почему ты не веришь ему, а, Милош? – вслух спросил Стеван, прокручивая в голове недавний разговор с командиром. – Что ты такого почувствовал, интересно... И где бы отыскать нужную инфу... Где, черт ее побери? Только такому, как он, могла прийти в голову идея проверить этих ребят... А что, если он прав?..

Оставив риторические вопросы, Стеван вновь застучал по клавиатуре, бегая глазами по многочисленным статьям и комментариям, мелькавшим на экране. Сегодня ему не могли помочь даже ребята из глубин интернета.

Группа уже значительно продвинулась вперед, когда Горан вдруг остановился.

– Что не так? – спросила его идущая впереди Сенка. Горан ошупывал свои карманы, будто ища что-то.

– Телефон оставил...

– И? Боишься пропустить важный звонок? – нахмурилась девушка.

– Там нужные координаты.

– Я их помню и так, напомнить? – Сенка посмотрела на идущих впереди Милоша и Саву. – Что там в твоём телефоне?

– Наш контакт собирался скинуть мне обновленную инфу.

– Он знает твой номер? – удивилась девушка.

– Прикинь, Обилич, знает, – злился Горан.

– А ты в курсе, что тогда мы для него больше не горстка анонимусов? – она сделала шаг к Павловичу, ее взгляд не излучал дружелюбия.

– Другая симка там, успокойся, – махнул он рукой. – Если что-то изменится, а мы не узнаем, подумай о последствиях!

– Нам хватит переговоров военных, мы слушаем весь эфир.

– Да шучу я, господа! Неужели я похож на идиота, который телефон будет раздавать кому попало?! Ключи от фургона я в куртке оставил! Вот что!

– Как можно было забыть наш путь отхода?! – прошипела девушка.

– Ну забыл вот... черт! – он пнул носком землю.

– Давай назад живо!

– Я быстро догоню, ты же знаешь, я отлично бегаю. Погнался!

– Растяпа... – покачала она головой.

Но он не стал дожидаться ее одобрения, развернулся и побежал к дому.

Хакер группы продолжал искать. Вдруг внимание Стевана привлек сигнал пикающего мобильного телефона. Он осмотрелся по сторонам – звук шел из сумки Горана. Он встал из-за стола и подошел к сумке.

– Как странно, он его никогда раньше не оставлял.

Сигнал не утихал, Стеван достал телефон из сумки. Номер был скрыт.

– Может, это Дара? – пожал плечами хакер и ответил на звонок. – Привет! – только и успел он сказать, ожидая услышать на том конце провода девушку своего друга. Но вместо этого он услышал мужчину, говорившего на албанском.

– Надеюсь, твоя группа уже на месте. Тебе стоит их потропить.

– ...Они вышли, на месте будут минут через двадцать, – взяв себя в руки, ответил Стеван, пытаясь придать своему голосу свойственную Горану хрипоту.

– Отлично. Их там радушно встретят. – Незнакомец засмеялся. – Твоя награда будет ждать тебя дома. Не хочешь спросить, как у нее дела, а?

– Хочу. – Стеван чувствовал, как замирало его сердце, его

начинала бить дрожь.

– Горан! – услышал он голос Дары. – Помоги мне!

– Давай, скажи ему, как хорошо с тобой тут обходятся... – неизвестный явно оттолкнул девушку от себя. – Жива она, – прошипел он в трубку. – Пока что. Как только мне сообщат о смерти Милоша, сразу отпущу ее. Если улов будет гуще, то ты получишь и обещанный довесок – можешь взять парочку килограммов на реализацию. Хех! Конец связи, сербик.

Стеван стоял блее белого и был не в силах пошевелиться. Только сейчас он вспомнил, что действительно давно не видел Дару, да и Горан как будто без причины был мрачнее тучи.

– Но почему он все не рассказал?! Милош бы нашел способ ее спасти... – без сил Стеван сел на стул. – Господи! Я должен их предупредить!

Четыре человека уже подходили к пункту назначения, когда услышали в эфире треск.

– Стеван, – откликнулся Милош, – что за помехи?

Тишина.

– Йованович, черт тебя дери?!

Йованович проклинал все на свете. Именно когда было необходимо, связь с группой нарушилась. Он искал хоть какой-то способ ее наладить. Рация решительно не откликнулась.

– Привет! – появился на пороге Павлович. От неожидан-

ности Стеван вздрогнул. – Как ты тут? – улыбнулся мужчина, осмотрев комнату и увидев свой телефон на столе. – Мне кто-то звонил? – он сделал шаг вперед.

– Как ты мог нас предать? – прошептал Йованович. – Мы же как братья...

– Не было выбора, – пожал он плечами, снимая с предохранителя пистолет. – Да и надоело мне бегать, как сайгак, по всему Косову.

– Милош тебе этого не простит, – пятясь к стене, проговорил парень, ища глазами хоть что-то, что могло бы послужить оружием.

– А он и не узнает. – Горан нацелил пистолет в сердце друга. – Печально, да?

– Тебе это с рук не сойдет.

– Уже сошло, – ухмыльнулся Павлович. – Передавай родственникам привет...

Горан сделал три выстрела в друга. Стеван медленно сполз по стене на пол. Две пули пробили грудную клетку, а третья угодила прямо в сердце.

– Ну а теперь самое время разобраться с делами.

Мужчина взял со стола свой телефон и посмотрел последний вызов. Отыскав нужную функцию на телефоне, он включил запись воспроизведения звонка.

– Что ж, пока все по плану. – Он сел за компьютер. – Теперь немножко конспирологии не повредит.

Достав из нагрудного кармана флешку, он вставил ее в но-

утбук. После нескольких минут нехитрых манипуляций он перенес нужную информацию в систему Стевана. Потом подошел к телу мертвого хакера и достал у него из кармана брюк телефон. Спустя пару минут несостоявшийся разговор был в телефоне убитого. Горан положил телефон в раскрытую ладонь Йовановича.

– Какой нехороший человек оказался, – покачал головой убийца. – А мы-то думали, друг наш. Ай-ай-ай. – Он хмыкнул. – А теперь дело за малым...

Горан развернулся и покинул дом. Ему еще предстояло нагнать группу.

Тем временем группа из трех человек проникла на территорию «Стального узла». Они успешно прошли мимо пропускного пункта, обошли часовых. Несмотря на поздний час и, казалось бы, армейский распорядок, из дальних барачных-клубов слышалась громкая музыка и гогот. Албанцы всю развлекают военнослужащих – как-никак, каждый албанец в новоиспеченной «республике» стремился получить здесь работу. Ведь после двух лет труда человеку выдавали грин-карту – предел мечтаний многих. И никого не волновало, что главным условием труда была способность держать язык за зубами и не распространяться о происходящем на базе. Даже спустя долгое время эти люди хранят тайну «Стального узла».

Милош со своей группой подобрался к месту посадки

вертолетов. До обозначенной контактом Горана точки было всего каких-то сто метров по пересеченной местности. Благо прожекторов в этой зоне не было, к вертолетам можно было подойти, не прячась в низкой траве. Три человека забрались в небольшое углубление в земле – заброшенный старый окоп минимум пятилетней давности. Переводя дыхание, Савко потянулся к рации.

– Горан! Где ты? – спросил по рации Сава.

– Иду, – услышали они в рации. – Семь минут, и с вами.

– Долго идешь.

– Как умею. – Павлович тяжело дышал, явно быстро бежал.

– Ясно. Догонишь. Мы начинаем. Конец связи.

– Начинай, дорогой, начинай, – прошептал Горан, зная, что его никто не слышит.

Лазарь выглянул из окопа и осмотрел вертолетную площадку. Что-то было не так, его чутье подсказывало ему, что впереди опасность. Посадочные огни горели, и явно ожидался прилет нового борта.

Сенка выглянула следом. Ее взгляд вдруг привлекла противоположная сторона площадки. Там уже стоял армейский грузовой вертолет, шли погрузочные работы. У их же объекта нападения никого не было, разве что горстка людей в гражданской одежде, сидящих на деревянных ящиках. В таких перевозят снаряды, но никак не наркотики.

– Милош, – коснулась Сенка его руки, – что-то не так.

Похоже на ловушку.

– Вижу. – Он бросил беглый взгляд на Саву: тот возился с оружием и не слушал товарищей.

– Думаешь, Горан снова попался на чью-то уловку?

– Нет, Цветочек, думаю, это мы попались на его уловку, – сказал Лазарь.

– Что? – мотнула головой девушка. – Горан не мог нас так подставить... Не мог ведь?

– Мог и, скорей всего, это сделал. Только вот целью не являетесь вы двое. За мою голову клан Османи много даст. Только подумай, сколько крови я им попил, сколько дел сорвал. Они давно хотели, – он сел поудобней, – со мной поквитаться. И слышал, за мою голову много дают. Причем не только Корпорация.

– А Стеван? Он с ним заодно?

– Нет, конечно. – Лазарь посмотрел на ночное весеннее небо, усеянное звездами. – Горан не из тех, кто будет делиться.

– А теперь что мы делать будем? Назад пойдем? – спросила Сенка.

– То, что и хотели, – пожал плечами Лазарь. – В тот дальний вертолет что-то грузят, и слышна албанская речь. Разведаем.

– А с этим что? – Савко кивнул на будто притаившийся поблизости вертолет.

– Ничего.

– А с Гораном? – поинтересовалась Сенка.

– И с ним ничего не сделаем, – присел на одно колено командир. – Во всяком случае, пока. Понаблюдаем. Посмотрим, кто на него вышел, кто купил. Кто убьет за невыполнение заказа, посмотрим.

– Милош, ты уверен? – вступил в разговор Сава, который все же слышал разговор. Видно было, что он никак не ожидал предательства от того, кого считал другом.

Лазарь кивнул.

– Почему... – покачал мужчина головой. – Как он мог так поступить?.. После всего, через что мы прошли...

– Именно поэтому и смог, Сава, – положил руку ему на плечо Лазарь. – Не все смогли пройти испытание войной. Тебе ли не знать.

В эфире снова пошел треск и послышалось чье-то прерывистое дыхание. Сенка и Сава подумали, что это на их волне, но звук шел по следующей – одной из волн лагеря «Бондстил». Милош замер на месте, будто этот звук ему что-то напомнил.

– Милош? – девушка коснулась его плеча. – Все в порядке?

Но он молчал и вслушивался в звуки, идущие из рации. Сава тоже напрягся, глядя на рацию в руках командира.

– Это ведь не то, что я думаю? – спросил Савко.

– Ау, «Бондстил», – появился новый голос в эфире, говоривший на английском с американским акцентом, – всех,

кому не спится этой ночью, приглашаем на нулевой уровень. Сегодня в меню много крови. Прием.

– Что это за канал? – спросил Сава, подползая к Милошу. – Разве мы не должны слышать только основные переговоры?

– ...Стеван пошел дальше, – покачал головой Лазарь. – Он настроил нам и скрытые каналы.

– Подключись к полицейской волне, – попросил новый голос на ломаном английском, – дай им послушать, пусть вспомнят, как это было.

– ...Твари, – прошипел Милош.

– Они тут что, пленных держат? – спросила девушка. – Может, тут и тюрьма имеется?

– Похоже на то, – согласился Сава. – Причем еще и с пытками. Думаю, такого будет вполне достаточно, чтобы взорвать общественность. – Он вяло улыбнулся.

– Выходит, тут не такой уж пионерлагерь, как мы все думали. – Лазарь ударил кулаком по земле. Потом посмотрел на часы. До обозначенного контактом времени оставалось двадцать минут. – Нужно отыскать этот нулевой уровень.

– Я пойду, – вызвалась Сенка. – А вы пока разберитесь с грузом.

– Есть идеи, где это? – спорить с ней Лазарь не собирался, понимал, что она пойдет все равно.

– Нет, – мотнула она головой. – Похожу, поищу. Тебе будет спокойней. Я вполне сойду за свою, – она указала на на-

шивки на рукаве, – все-таки не зря мы запаслись американской формой. А ты еще спрашивал, зачем... – она улыбнулась.

– В четыре утра за периметром, где условились, – сказал командир. – Павлович что-то долго идет.

– Горан, прием, – вызвала его Сенка, пряча свою только что появившуюся неприязнь как можно глубже.

– Я почти на месте, сто метров, и с вами. Прием.

– Поняли тебя. Ждем.

Спустя три минуты Горан нырнул в старый окоп.

– А вот и я! – улыбнулся он. – С ключами. – Он потряс связкой автомобильных ключей в воздухе. – Что тут у нас?

– Почему Стеван не отвечает? – поинтересовалась Сенка.

– ...Стеван... – Павлович сделал многозначительную паузу, привлекая внимание. – Он предал нас, – услышала группа.

– Что ты такое городишь? – переспросила девушка.

– Когда я вошел в дом, он говорил по телефону по громкой связи с каким-то албанцем. Он обсуждал с ним нас, куда мы идем. Тот обещал ему денег за твою голову. – Он указал пальцем на Милоша.

– Что за албанец? Имя слышал, может быть? Голос не узнал?

– Знакомый, но не узнал, – с готовностью ответил мужчина. – Думаю, кто-то из Османи.

– Странно, что ты не узнал, – сквозь зубы заметил Савко. –

Ты же их всех знаешь.

– Не Тачи, точно, – улыбнулся тот.

– Что со Стеваном? – спросила Сенка.

– ...Мертв.

– Убивать-то зачем было? – возмутилась она. – Он мог бы рассказать что-то полезное...

– Все полезное у него в компьютере и в телефоне. Вернемся – проштудируем его переписку. Может, там и Тачи с Рашимом у него найдутся в друзьях. – Горан посмотрел на часы. – Пора бы начинать.

– Да, – согласился Милош. – Только план немного изменился.

– В смысле? – все трое заметили, как спал с лица Павлович, но все сделали вид, что не заметили.

– Ты, Сава и я пойдем к тому вертолету. У нас появились подозрения, что твой контакт ведет нас в ловушку.

– Да, Горан, – ухмыльнулся Савко, – кажется, теперь тебе будем припоминать нового албанца.

– Сенка пойдет отдельно от нас. У нее новое поручение.

– Я чего-то не знаю? – удивленно посмотрел на друзей Павлович.

– Одной вылазкой уьем двух зайцев, – пожал плечами Лазарь. – Больше материала для твоих Викиликс, разве нет?

– Так-то да, – согласился он, почесывая в затылке. Издалека донесся шум вертолета.

– Начинаем, – скомандовал Лазарь. Группа разошлась по

своим маршрутам.

Горан посмотрел на первоначальный объект и тихо выругался. Настроение было на нуле, и он все перебирал в голове возможности вернуть все на круги своя. Его внимание привлек тающий вдалеке силуэт Сенки. Она двигалась быстро и практически незаметно. В голове Павловича стал постепенно вырисовываться новый план.

Часы показывали ровно 3.43, когда грузовой вертолет приземлился на базе «Бондстил». Как и было задумано, пилот и четыре человека охраны с одной собакой покинули судно и направились к группе «скупающих грузчиков». Охранники все поглядывали на поле, ожидая увидеть там обещанную цель, но пока все было тихо. В 3.50 пилот отправил короткое сообщение кому-то. В 3.51 Горан почувствовал вибрацию во внутреннем кармане – пришло СМС. Он наполовину вытащил телефон из кармана и глянул на текст: «У тебя девять минут». Павлович выругался про себя и посмотрел вперед. Милош и Сава уже подобрались к вертолету. Погрузка была почти завершена, из ангара везли последнюю партию. Милош тенью проскользнул внутрь машины. Пилот ничего не заметил, да и охраны не было. На борту было два вида контейнеров. Вокруг первых было много песка, и на деревянных ящиках были надписи на турецком. Вторые загружали прямо здесь. Лазарь вскрыл один маленький контейнер из старого груза. Внутри аккуратными рядами были сложены целлофановые пакетики с белым порошком. Милош по-

морщился от того, сколь велико было количество опиума в этом чертовом вертолете. Вскрыл он ящик из нового груза – боеприпасы.

– Ну, это нормально, – прошептал он. – Осталось выяснить, для кого все это...

Он быстрыми движениями начал прикреплять маячки слежения – миниатюрные прозрачные пластиковые круги с микросхемой внутри – на некоторые ящики. Заметить все их сразу мало кому удастся. Началась погрузка последней партии груза, Лазарь осторожно выбрался наружу через боковую приоткрытую дверь. К вертолету направлялись два человека – один в форме, другой гражданский. Благо, вокруг было много разных ящиков и коробок, за которыми можно было спрятаться. Сава, согласно приказу, отошел на безопасное расстояние и проверил работу маячков. Затем подал короткий синий сигнал лазерной указкой Милошу, что все в порядке. Двое мужчин подошли к вертолету. Гражданский был явно не американцем, он плохо говорил по-английски. Его голос показался командиру знакомым, но разглядеть лицо не представлялось возможным. Он вслушивался в диалог, но понимал немного.

– В Турции все прошло без происшествий, будем надеяться, что отгрузка пройдет в штатном режиме, – с деловым видом сказал гражданский, явно албанец.

– Наше дело доставить груз, обеспечение безопасности груза – ваша задача. Я отвечаю только за вертолет и своего

напарника.

– Понял-понял.

– За остальное мне не платят. – Американец плюнул в сторону.

– И что, даже неинтересно, что там внутри и зачем?

– Я похож на идиота? – Он достал из кармана брюк пачку жвачки и забросил в рот две синие подушечки. – Думаешь, мы все тут такие тупые и не знаем, что возим? Наркоту мы возим. А знаешь зачем? Из-за денег. 2400 баксов за месяц службы мне ой как не хватает. Нашему правительству плевать на нас, отправили и забыли, а у нас каждый тут по уши в кредитах.

– Расслабься, – примирительно поднял руки албанец. – Янисколько не осуждаю. Я, как и ты, делаю деньги.

– Вся эта база как огромный денежный насос, я тебе скажу. Правда, на каждом уровне по-своему доят людей. Вышние чины на стадии бюджета, средние на перепродажах оружия и боеприпасов, а остальные как умеют. И скажу тебе честно – внизу мы имеем больше денег, чем те наверху. – Он указал пальцем в небо.

– Риск оправдан, – кивнул мужчина, – не спорю.

В это время погрузка последней партии завершилась.

– Меня просили передать твоему боссу, что вариант с химическим оружием обсуждается, но ответа пока не дадут. Разработка только ведется, не было тестирования.

– Передай им, что мы всегда готовы помочь протестиро-

вать. Благо подопытных хватает. – Он улыбнулся.

– Нам пора, – посмотрел на часы военный. – Бывай!

– Хорошего полета.

Американец сел в вертолет на место второго пилота. Люк судна стал медленно закрываться. Пока винт не спеша раскручивался, Милош отошел дальше, скрылся в высокой траве и направился по-пластунски к Савко.

– Где Горан?

– Потерял его из виду, когда ты был в кабине.

– Плохо. От Сенки есть что-то?

Сава мотнул головой.

– Вызови Павловича, и двигаемся к нашему выходу.

– Горан, мать твою, где тебя черти носят? Прием, – раздраженно спросил Савко, пригибаясь и следуя за Милошем.

– Я у первого вертолета, проверяю, что за груз, – с готовностью ответил Павлович.

– Мы уходим, давай к выходу.

– Я догоню. Конец связи.

– Догонит он, – фыркнул Сава. – Как бы я тебя не догнал.

Спустя десять минут двое покинули территорию лагеря и спустились в пролесок, туда, где и должны были встретиться с Сенкой и Гораном. Сава сел на землю, покопавшись в рюкзаке, отыскал пачку сигарет и закурил.

Тем временем Сенка под покровом ночи, огибая фонари и столбы с камерами слежения, обходила лагерь в поисках нулевого уровня. Долго ей искать не пришлось, дойдя до жи-

лых барачков, она увидела небольшую группу солдат, шедших в нужную сторону. Судя по их обсуждению – они шли смотреть какое-то шоу. Девушка, оставаясь незамеченной, следовала за ними. Сенка обратила внимание, что местами на земле были заметны бетонные блоки, служившие явно не фундаментом, а стенами чему-то внизу, под землей. Группа прошла мимо турецких жилых барачков и поднялась в один из следующих. Флага никакого рядом не было, но внутри виднелась лестница, ведущая вниз. Дождавшись, когда военные спустятся, девушка осторожно проследовала за ними. Внизу горел свет, и доносились голоса людей явно навеселе. В подземном бункере, который строился как бомбоубежище, было прохладно и сыро. Запахи пота и табака уже давно смешались воедино. Правда, был тут и еще один запах с привкусом железа. Сенка ступила на бетонный пол и прошла за спины веселящихся солдат. Люди сидели на пластиковых стульях, некоторые стояли. Все их взоры были устремлены на нечто напоминавшее сцену. На ней шутил и забавлял толпу какой-то молодой парень. Девушка замерла на месте, разглядывая происходящее на сцене. На ней была полуобнаженная девушка, явно местная, на вид лет двадцати, с изрезанными руками и ногами. На ее лице не было никаких эмоций, глаза молили лишь о быстрой смерти. От ее ноги к бетонному столбу-опоре тянулась веревка. Парни из зала выкрикивали какие-то цифры. Будто на аукционе. На лицах этих солдат на скамейке запасных была только звериная жестокость

и озлобленность. Среди этих зверей были и женщины. Тут не пахло алкоголем, разве что безалкогольным пивом. Сенка отступила к стене, пытаясь взять себя в руки. Желание перебить всех зверей было слишком сильно, и рука сама тянулась к оружию. Внезапно торги закончились, и один из американских солдат направился за трофеем на сцену. Отвязав от столба, он буквально потащил девушку за сцену. За ними захлопнулась дверь.

– Что ж, дамы и господа, больше нам наши друзья из числа местного населения не предоставили живого товара для увеселений. – Зал взорвался негодованием, толпа требовала крови, их айфоны были наготове – такой кадр наберет сотни лайков на любом сайте на просторах дипвеб⁵. – Ну что вы, что вы, мы помним, что обещали вам! – По залу снова прошелся довольный гул.

– Выгаскивай преступников! Тащи их! – раздавалось из толпы. Только сейчас Сенка разглядела всю колоритную публику, среди которой были и гражданские. Верней, новые местные жители, испытывающие острую неприязнь к людям другой веры и другой культуры.

– Для самых терпеливых наша еженедельная рубрика, – представлял новую часть шоу ведущий, – правосудие в своей истинной форме! Мы готовы вынести свой вердикт? – срывал голос военный.

⁵ От англ. deep web – глубокая паутина, скрытая от поисковых роботов часть интернета.

– Да-а! – вторила ему толпа обезумевших обезьян. Именно такими они виделись Сенке.

– Тогда встречайте наших обвиняемых!

Трое гражданских вывели на сцену двух мужчин. Одного пленного вывели под руки – он не мог уже идти сам. Второй еще держался на ногах. Их подвели к бетонным колоннам и привязали к ним. «Обвиняемые» были в сознании, несмотря на сильные побои, они все еще понимали, где и среди кого находятся.

Сенка посмотрела по сторонам в поисках хоть чего-нибудь, чтобы прекратить это подпольное безумие. Внимание привлекли лишь датчики дыма. Пожарных красных кнопок она не заметила. Оставался пустяк – устроить в бункере небольшой пожар. Девушка протиснулась поближе к сцене. Окинув взглядом собравшихся, она выбрала молодого парня лет двадцати пяти. На его лице было столько ненависти к заключенным, что Обилич не могла пройти мимо. Она встала рядом с ним, он даже улыбнулся ей, осмотрев с ног до головы.

– Эй! Привет! – почти крикнул он ей на ухо. – Новенькая, да?

Сенка кивнула.

– Поначалу тут непривычно, но тебе понравится. Смотри, сейчас самое интересное будет! – он указал пальцем на сцену.

– Итак, давайте же узнаем, с кем имеем дело! – восклицал

ведущий шоу. – Объект под номером один... – Он подошел к мужчине, который не мог стоять на ногах. Его привязали так, что он с трудом мог дышать, голова была опущена.

Ведущий взял его за волосы и поднял голову так, чтобы все могли видеть изуродованное лицо человека. Только сейчас все присутствующие увидели, что у мужчины выколоты глаза.

– Да-да, мои дорогие, его уже неплохо наказали. За что, вы спрашиваете? Читаем. – Он посмотрел на листок бумаги, приколотый к телу несчастного. – Да у нас тут лазутчик! Перед вами Безим Андони, его к нам перевели из Приштины. Этот человек готовил бунт против Республики Косово! Подговаривал жителей города... да что там! Он готовил покушение на Хашима Тачи! И при всем этом – он албанец! Хотел предать свой народ! Каков подлец!

– Убить его надо! – крикнул кто-то из толпы.

– Но тут написано: «перед смертью помучить». Глаза его вырвали, дабы не мог больше вести своих убийц, а что сделаем мы? Как всегда, голосуем за три варианта.

По залу пошло шушуканье, и все стали передавать какие-то бумажки на сцену.

– Тут все просто, – обратился к Сенке военный, – на бумажке ставишь цифру и передаешь.

– А разница?

– За каждой цифрой какая-то пытка. – Лицо парня озари-

ла улыбка прирожденного садиста.

– Я – пас, – мотнула головой девушка.

Наконец голосование было закончено. Ведущий честно пересчитал все бумажки.

– Да у нас тут абсолютное единодушие! – воскликнул он. – Все выбрали цифру один! А это значит – белая смерть. Раз он ничего не видит, то сыграем на его чувствах – он ощутит свои глаза всем телом!

Толпа снова зашептала в предвкушении. Сенка достала из кармана штанов зажигалку. И пока сжала ее в кулаке.

Ведущий же откуда-то достал мешок с каким-то белым порошком.

– О да... – причмокивая, сказал американец, стоявший рядом с Сенкой. Девушка, с трудом скрывая эмоции, посмотрела на сцену. – ...Соль, да, детка! – люди свистели и искренне радовались.

Ведущий снова подошел к несчастному, схватил его за волосы и задрал его голову. Он загреб горсть соли из мешка и начал сыпать ему в зияющие свежие раны. Безим начал дергаться, изо всех сил пытался вырваться из его рук, но сил почти не оставалось. Все, что он мог, – это хрипеть и стонать, голос давно сел. Засыпав солью и вторую глазницу, ведущий отпустил голову албанца. Тот тряс головой, пытаясь вытряхнуть соль из ран, но все было тщетно. Толпа животных в форме смаковала каждый момент, от вспышек можно было ослепнуть.

Ведущий достал из нагрудного кармана мобильный телефон и показал его публике – та засвистела, они знали, что будет дальше. С режима фото они переключились в видео. Садист на сцене присел на одно колено рядом с Безимом.

– Ну-ка, скажи-ка нам номер твоего домашнего телефона. Позвоним твоей женушке... – Сенка не понимала почему, но албанец прошептал ему несколько цифр. Тот сразу же их набрал. Дальше включил громкую связь.

– Не бери трубку... – прошептала Сенка. – Не бери...

Спустя несколько гудков к телефону подошла женщина, в ее голосе была тревога. Дальше та женщина слышала лишь хрип и тяжелое дыхание своего мужа. Непостижимым образом она узнала его, Сенка даже отсюда могла слышать, как слезы катятся по щекам женщины. Он прошептал что-то короткое и бессвязное, на что она ответила ему: «Всегда». Ведущему, видимо, стало скучно, и он приставил к голове албанца пистолет. Не убирая телефона, он выстрелил ему в голову.

– Вот и все, дорогуша, – сказал он в телефон, – ты официально вдова.

Зал взорвался хохотом.

Ведущий под одобрительные возгласы направился ко второму мужчине. Сенка присела на одно колено, будто завязывая шнурки. Никому до нее не было дела, никто даже не смотрел вниз. Она чиркала зажигалкой, а та все не хотела работать. Тем временем на сцене продолжились издеватель-

ства над вторым мужчиной. Сенка слышала лишь глухие удары какого-то предмета по телу человека.

– И вот это, дамы и господа, и есть настоящий бейсбол! – веселился мужчина. – Покажем отцу повстанца, что такое хорошее воспитание!

Тем временем на поверхности

Горан подкрался к первоначальному объекту – к группе у ящиков. В этот момент в кармане завибрировал телефон – пришло сообщение. Поморщившись, он вытащил мобильник и посмотрел на экран: «Терпение не будет бесконечным». Павлович закрыл глаза на миг и потом набрал номер отправителя.

– Все пошло не по плану, – прошептал Горан.

– А у тебя не было запасного плана? – с усмешкой спросил на албанском мужчина.

– Появился.

– Слушаю.

– У него есть слабость, на которой можно сыграть.

– И что за слабость? Неужели женщина?

– ...Да, – поразмыслив с пару секунд, ответил Горан. – И она пошла на это задание с ним.

– Хех, хорошо же он скрывал свою личную жизнь, что мы этого не знали. Может, тебе стоит пожить подольше, и мы узнаем что-нибудь еще. Что за план?

– Милош покинул базу, но она все еще где-то тут. Уходить

она будет так же, как и пришла. Там вы ее сможете взять, а я вернусь к группе, чтобы у него не было подозрений.

– Ты глупый, Горан, но за наводку спасибо.

– Если оставить людей у вертолета, то не пропустите.

– Хорошо.

– Не убивай Дару...

– Я подумаю. – Мужчина повесил трубку.

Спустя несколько секунд на один из телефонов группы поступил звонок. После недолгого разговора люди начали рассредотачиваться по территории. Один с собакой направился в сторону выхода.

Горан трусцой направился к аккуратно вырезанной в заборе дырке. Он быстро выбрался за периметр базы. За деревьями стояла припрятанная машина, но ни Милоша, ни Сава рядом не было. Павлович направился ко второму месту встречи. Он с трудом нашел нужную тропинку.

– Где тебя черти носили?! – тихо спросил Савко, спрыгивая с дерева.

– Я проверял второй вертолет.

– И как прошла проверка? – поинтересовался появившийся будто из ниоткуда Милош. – Что-то интересное?

– Нет, пусто, – мотнул головой Горан. – Почему вы не ждали у машины?

– Потому что кое-кто с ключами делал бесполезную работу, – фыркнул Сава.

– Где Сенка? – огляделся по сторонам Павлович.

– Скоро придет, – ответил Лазарь.

– Вдруг что-то случилось, – с наигранным беспокойством заметил Горан.

– До того, как мы начнем волноваться, остается пятнадцать минут, – сказал Сава, садясь на землю и вытягивая ноги.

– Ну, ясно... – Горан сел рядом.

Снова в бункере

Наконец Сенке удалось поджечь одежду парочки зевак. Незаметно для всех она быстро перешла на противоположную сторону зала, встала у стены. Не прошло и минуты, как одежда троих гостей загорелась. Сработали датчики дыма, затем сирена, но это все было лишнее – паника брала свое. От неожиданности люди начали кричать и ломиться к узкой лестнице наверх. Ведущий пытался как-то успокоить людей, но катающийся по полу солдат не добавлял оптимизма. Сенка не без удовольствия смотрела на то, как никто ему не помогает. Садист спрыгнул со сцены и направился к парню, начал пытаться руками тушить огонь. Обилич подошла к сцене и взяла с пола пистолет ведущего. Перезарядила. На глаза попала окровавленная бейсбольная бита, девушка посмотрела на избитого мужчину, истекающего кровью. Убрав пистолет за пояс, она взяла битку и направилась к ведущему. Крутанув ее в руках, она остановилась в метре от него.

– Вот что такое бейсбол, – сказала она ему по-английски и, прежде чем он успел обернуться, со всего размаху ударила его по голове. Ведущий отлетел на добрых три метра. В черепе была весьма заметная вмятина. Его тело стали бить конвульсии. Сенка перевела взгляд на обгоревшего, в шоке смотрящего на нее. – Поставишь лайк? – она хмыкнула и достала из-за пояса чужой пистолет, наставила его на солдата. В его глазах был только ужас и страх, не было места раскаянию. Обилич не глядя выпустила в него две пули и бросила пистолет на пол.

Сенка забралась на сцену, подошла к захлебывающемуся кровью мужчине и помогла ему сесть. По беглому осмотру она поняла, что жить ему осталось считанные минуты. Она быстро его развязала. Будь он лет на двадцать моложе, возможно бы, и выжил, но не сегодня.

– Как тебя зовут? – спросила девушка, держа голову мужчины двумя руками и смотря в его заплывшие глаза.

– ...Никола Йованович... – прошептал он, и Сенка вздрогнула.

– Я из «Фери»⁶. У тебя есть семья? Мы сможем о ней позаботиться.

– «Фери»... мой сын Стеван – он у вас...

– Да, – кивнула девушка.

– Хорошо... у меня есть дочка, осталась одна совсем. Позаботьтесь о ней.

⁶ Справедливые (серб.).

– Обязательно.

– А Стеван, Стеван все делает правильно ли?

– Да, – сквозь слезы улыбнулась Сенка. – Таких умных программистов у нас больше нет, он настоящий гений.

– А я его всегда так ругал за сидение перед компьютером... спасибо. Передай ему, что горжусь им, а то я ему этого так никогда и не сказал.

Но мужчина не дождался ответа, он сделал свой последний вдох и умер. Обилич положила погибшего на пол и осмотрела зал. Выходить через главный вход было не лучшей идеей. Тут она вспомнила, как кто-то утащил девушку за сцену. Сенка направилась туда. Железная сейфовая дверь была не закрыта изнутри. Девушка открыла ее и вошла внутрь. В слабом свете фонаря она разглядела в одном из углов камеры того самого мужчину, что уволок пленницу со сцены. Он стоял, голый по пояс, над своей жертвой, которая жалобно плакала и просила ее отпустить. Сенка поморщилась и достала свой пистолет из кобуры. Сняла его с предохранителя и без каких-либо слов напутствий выстрелила в спину очередному помешанному. Девушка, прикованная к полу, вскрикнула, когда бугай завалился на спину с застывшими в удивлении глазами. Сенка подошла к убитому, пнула его тело и, наклонившись, пошарила по его карманам в поисках ключа.

– Кто ты? – прошептала напуганная девушка.

Обилич посмотрела на нее. «Господи, да ей лет шестна-

дцать», – подумала она.

– Готова к бегу по пересеченной местности? – спросила Сенка, сняв чуть ли не средневековые оковы с девушки. – Идти сможешь? Как тебя зовут?

– Милена. Мы не пройдем поверху, – потирая ноги и ежась от холода, сказала Милена.

– Есть другие идеи?

– Этот коридор, – Милена кивнула в сторону длинного темного коридора, – ведет куда-то на улицу. Меня провели через него.

– Ну пойдем. Опирайся на меня, дотащу как-нибудь.

Сенка помогла ей подняться, и Милена буквально повисла на ней. Ноги девушки едва слушались. Обилич слышала нарастающий наверху шум, вот-вот в бункер придут проверяющие или еще кто-нибудь. Как-никак, преступники всегда возвращаются на место преступления. Только в этот раз их ждет большой и кровавый сюрприз.

Освещения в коридоре практически не было, слабый свет просачивался через плотные решетки. Сенка посмотрела далеко вперед – до самого конца идти не стоило. В трехстах метрах была какая-то лестница, которая вела наверх.

– Давай-ка поторопимся, – предложила Обилич.

– Оставь меня, – прошептала Милена, – не могу больше идти...

– А мне плевать, что ты не можешь, – огрызнулась девушка, продолжая тащить бывшую пленницу.

– Я не смогу подняться по лестнице, как ты не понимаешь?..

– И на это мне плевать. – Сенка глянула через плечо назад – пока тихо, только ветер доносил отдельные фразы с чертыханиями из зала с «сюрпризом». Добравшись до лестницы, Обилич глянула вверх: карабкаться невысоко, но будет тяжело.

– Ты посиди тут, открою люк и проверю обстановку. – Она помогла Милене сесть поудобней.

Дальше она ловко взобралась наверх и как можно тише прокрутила вентиль – люк открылся. Подняв крышку, она глянула по сторонам – никого вокруг. Да и выход идеально расположен – до забора рукой подать. Только начавшийся сильный дождь не улучшал обстановки. Сенка спустилась вниз и подняла Милену на ноги.

– Сейчас я тебя подтолкну, а ты заберешься настолько высоко, насколько сможешь. Потом я тебя вытяну.

– Ничего не получится, – мотнула головой девушка. – У меня сил не хватит удержаться.

– Потерпишь, – нахмурилась Обилич. – Полезла.

Она посадила Милену, и та, кое-как цепляясь, стала карабкаться наверх.

– Замри так, – скомандовала она и сама полезла следом.

После хитрых телодвижений Сенке удалось выбраться наверх, и она стала вытягивать наружу Милену. Та сопела и то и дело ойкала не то от страха, не то от боли. Выбравшись

на поверхность, Обилич закрыла люк и осмотрелась по сторонам. Все было чисто. Какие-то люди суетились у вертолетных площадок. До выхода нужно было пройти всего триста-четырееста метров.

– Так, пошли дальше, моя хорошая. Приключение еще не окончилось.

Сенка помогла ей подняться и, придерживая рукой, потащила девушку дальше. Ее ноги чуть ли не волочились по земле, силы Милены были на исходе. Вдруг Сенке показалось, что она слышит что-то недалеко за спиной, будто собачье дыхание.

– Только этого еще не хватало... – прошептала девушка. – Знаю, ты не можешь, но бежим...

– Что там? – Милена стала пытаться оглянуться. – О нет... за нами идет кто-то.

– Бежим, – сквозь зубы процедила Сенка, доставая из кобуры пистолет.

– У меня тут две женщины! – передавал по рации преследователь. – Сюда, быстро!!!

Они кое-как пересекли дорогу, добежали до дырки в заборе и перелезли через нее. Теперь оставалось добежать до места встречи с группой, а вот это было сложнее. Тем более по размытой тропинке и по колено в грязи. Погоня стала очевидной – за ними гнался человек, а впереди него бежала его собака, явно не настроенная на поиграть.

– Не оглядываемся и бежим!

Не успели они и шагу ступить по размытой дороге, как Милена поскользнулась и упала на землю. Сенка помогла ей встать.

– Беги прямо!

Девушка, прихрамывая, направилась в сторону леса, казавшегося сейчас спасением. Она не видела, как ее спасительница стояла под дождем и всматривалась в темноту, но зато она отчетливо слышала рычание крупного пса. Потом было два выстрела, и собака, издав жалобный звук, упала на землю, в грязь. Гнавшийся за ними человек отступить не собирался, он что-то кричал в рацию. Он несколько раз выстрелил вслед убегающим.

Бежать по лужам и грязи было невероятно тяжело. Тропинка вывела их на резкий поворот, Милена не смогла устоять на ногах и на полной скорости скатилась во что-то похожее на окоп. Сенка хотела перепрыгнуть через внезапно образовавшееся препятствие. Милена вскрикнула, когда из-за высоких кустов к ним навстречу вышли трое мужчин. Именно в этот момент мимо нее пролетели три пули и вонзились в ствол дерева.

Один из мужчин, молнией метнувшийся вперед, умудрился поймать Сенку и тут же повернулся спиной к стрелявшему, прикрывая собой девушку. Преследующий замер на месте и только хотел прицелиться, как Савко выстрелил в него первым. Пуля вошла аккуратно между глаз.

– Ты не ранена, а, Цветочек? – шепотом спросил Милош.

Она молча мотнула головой, пытаясь перевести дыхание. – Уходим отсюда, пока не пришли остальные.

Обилич попыталась улыбнуться, но получилось не очень.

– Кто твоя подружка? – спросил Савко с улыбкой, накидывая на плечи Милены свою куртку.

– ...Милена Маркович, – прошептала напуганная девушка.

– Ух ты, она еще и разговаривает! – улыбнулся великан. – Не бойся, мы – хорошие.

– Я и не боюсь... – соврала девушка.

– Уходим, ребята! И быстро! – скомандовал Лазарь.

Группа направилась в сторону своей временной базы. Сава взял Милену на руки, иначе бы идти пришлось долго. Горан шел позади всех.

– Эй, Горан! – окликнул его Сава. – Я сочинил стишок. Хочешь послушать?

– Нет, – буркнул Павлович.

– И тем не менее. – Савко откашлялся довольно артистично. – Итак. Покров спадет, падут оковы, обнажатся тайны, и это все не ново. Скоро будет жарко, Горан... – Он сделал паузу. – По-моему, класс! – он широко улыбнулся. Сенка про себя повторила нехитрый стишок Савы и сама не заметила, как запомнила его навсегда.

Глава X

Понедельник наступил быстро и даже внезапно, не давая достаточно времени к нему подготовиться. В это утро Мария проснулась позже обычного. За окном стеной шел снег, и не было никакого желания выбираться из-под теплого одеяла. Она окинула быстрым взглядом белый потолок, затем, шумно выдохнув, села на кровати. На прикроватной тумбочке лежало письмо от Милоша. Мария снова взяла его в руки и пробежалась по тексту глазами.

– Надеюсь, меня убьют раньше, чем я зайду слишком далеко, – прошептала она и натянуто улыбнулась чему-то. – Настолько, что не смогу остановиться...

Не спеша она стала собираться на вторую встречу с бароном Ротшильдом. Приготовив себе нехитрый завтрак из яичницы и бутерброда с ветчиной, она просматривала на компьютере последние сводки новостей. Вдруг зазвонил мобильный телефон, на табло высветился номер доктора Зева. Лазарь взяла трубку.

– Доброе утро, моя дорогая! – Гэбриэл был в отличном расположении духа, судя по голосу, весел и бодр. – У меня есть хорошая для тебя новость! Интересно?

– Сгораю от любопытства, – проговорила Мария, кусая бутерброд и закатывая глаза.

– У меня есть все основания повысить тебе зарплату! На

счет моей скромной фирмы только что поступила плата за услуги. На месяц вперед! – буквально задыхался от радости Зев.

– От Ротшильда, я полагаю?

– Именно! Его секретарь внес плату за два еженедельных сеанса.

– Речь шла об одном. – Наконец Мария доела завтрак.

– Передо мной лежит распечатка с комментарием, и тут черным по белому написано «два». Тебе что, не хочется продвинуться по карьерной лестнице? Ты хотя бы представляешь, какой это успех для такого молодого специалиста, как ты?

– Гэбриэл, – перебила его девушка, – все это замечательно, но я не вижу причин проводить два сеанса в неделю, потому что его случай не тяжелый и не требует такого глубокого вмешательства.

– Ну, моя дорогая, ты прекрасно знаешь, что где решается одна проблема – начинается другая. И даже барон не будет исключением. Работай на отлично... я хочу, чтобы и его друзья к нам обращались.

– Зачем?

– Напишу потом мемуары, как у меня лечились великие... – мечтательно ответил Зев.

– Ясно. Это все?

– Загляни в офис сегодня после сеанса. Тут кипа карточек, которые ждут не дождутся, пока ты с ними разберешь-

ся. – Тон Гэбриэла изменился, ему явно не понравилось отсутствие энтузиазма у Лазарь.

– Буду. – Девушка повесила трубку и отложила телефон в сторону.

На часах была половина одиннадцатого, когда Мария вышла из дома и спустилась в метро. В такой снегопад добраться до центра города наземным транспортом было рискованно.

Без пятнадцати двенадцать Лазарь свернула на нужную улицу и направилась к дому из красного кирпича. У первого же здания рядом с дверью с громким названием «Читальный зал христианской науки» стоял пожилой афроамериканец, одетый, казалось, во всю имеющуюся у него одежду, и кричал осипшим голосом всем проходящим мимо о предстоящем конце света. Очередном. Мария хмыкнула, проходя мимо него, но потом вдруг остановилась и посмотрела на старика с нескрываемым любопытством. Тот, поймав на себе ее взгляд, вдруг замолчал. Потом он огляделся по сторонам, глубже укутался в бесчисленные кофты и, подышав на руки в рваных перчатках, направился к девушке.

– Ты мне веришь? – спросил он, заглядывая ей в глаза. – Знаешь, почему я говорю об этом только тут и только по понедельникам? – заговорщическим шепотом спросил он. Девушка мотнула головой. – Потом что каждый понедельник я жду, когда мимо меня пройдет тень... – он стал быстро озираться по сторонам, – в этих книгах там, – он указал на

дверь, – так много пишут про скользящую тень. Я читал, что тень пройдет мимо меня и зайдет в красный дом, и вот тогда... тогда до конца света останется совсем чуть...

– Удачи... – улыбнулась Мария и направилась по нужному адресу. Бродяга стоял на дороге и смотрел ей вслед, не обращая внимания на сигнализирующую ему машину. Он видел, как незнакомка подошла к калитке и позвонила в дверь – ей открыли, и она зашла внутрь. Старик подбежал к калитке и увидел, как девушка поднимается по ступенькам и заходит в дом. Он посмотрел на свои ноги, и ему показалось, что он видит тень, ухмыляющуюся ему.

– Тень пришла... – прошептал он. – Тень! – закричал он. – Конец света грядет! – продолжал он кричать, убегая прочь с этой улицы.

На пороге Марию снова встретил Вук. Сегодня Бранкович был явно не в духе и даже не стал с девушкой разговаривать или задавать каверзные вопросы. Он прошел в гостиную и, сев в кресло, начал потирать виски – у бедняги раскалывалась голова. Дворецкий помог девушке снять пальто, а потом пригласил подняться наверх, где ее уже ожидал весьма любопытный пациент. Когда Лазарь вошла в кабинет Натаниэля, тот стоял у нового предмета интерьера – высокой каменной подставки в виде колонны. На ней под стеклом было что-то помещено, что-то вызывающее нескрываемое любопытство барона.

– Добрый день, Натаниэль. – Мария стояла у двери, ожи-

дая приглашения пройти.

– Здравствуй, Мария! Рад видеть тебя снова. – Он посмотрел на нее через плечо. – Не испугалась прийти.

– И я рада вас видеть.

– Хм-м, – он повернулся к ней, загоразивая какой-то экспонат, осмотрел ее с ног до головы, – странно. Ты говоришь искренне. В старости я умею это видеть. Похвально, мисс Лазарь.

– Готовы поработать? – как можно дружелюбней спросила Мария.

– Конечно! Но сначала позволь показать тебе кое-что. Ты это уже видела на вечере памяти, но не так близко. Подойди сюда.

Мария подошла к нему и посмотрела на новый экспонат. Она увидела полузакрытые глаза Лазаря, и по ее спине пробежал холодок.

– Удивительная сохранность, не правда ли? – спросил, улыбаясь, Ротшильд. Мария молча кивнула, а старик положил руки по обеим сторонам стеклянного ящика. – Югославы верят, что она способна вернуть мир в их земли. – Он ухмылялся, глядя на нетленную голову царя. – Только представь себе... их мечта о мире, их вечный сон о покое в моих руках... – он перешел почти на шепот, – я как бог сейчас...

Девушка молча смотрела и слушала.

– Знаешь, что погубило его?

– В каком смысле «что»?

– Он доверял слишком многим, а на деле не должен был доверять никому. – Барон подошел к окну и сел в высокое кресло рядом с ним.

– Есть чему поучиться... – тихо проговорила девушка и села в кресло напротив старика. Он с удивлением смотрел на нее, даже с любопытством.

– Никому не доверять трудно, это чуждо человеческой природе.

– Разве пресловутая свобода воли не позволяет человеку этого?

– Хм, – Натаниэль медленно почесал щеку указательным пальцем, продолжая с нескрываемым интересом смотреть на дочку Бенедикта, – тогда как, ты думаешь, выживает человек? Если не сбиваясь в группы по интересам, так скажем?

– У каждого свой интерес, – пожала она плечами. – Придет время, и каждый будет действовать согласно ему. А до той поры, – она устремила свой взгляд в окно, – можно идти и с группой по одной дороге.

– Рассуждаешь как мой отец. Он, поверь мне, знал толк в людях.

– Благодарю за такой комплимент. – Девушка слегка наклонила голову в знак уважения.

– ...Мило. – Барон откашлялся. – Ты совсем не похожа на своих сверстниц. Не думал, что Бенедикт воспитывал своих детей в таких жестких нормах и правилах... Похвально. – Он закинул ногу на ногу. – Я знаю, что ты уже расписала все

сеансы и тому подобное, но у меня после разговора с тобой появилась одна идея.

– Слушаю вас.

– Я человек, достигший в этом мире многого. В понимании простолюдина – у меня есть все, что нужно для абсолютного счастья. И я не могу с этим не согласиться. Только вот перед сном, – он посмотрел Марии в глаза, – не подумай, сплю я как младенец, – меня одолевают разные мысли, мешающие чувству абсолютного счастья. Я не вижу причины для них. Полагаю, она скрывается где-то там. – Он коснулся своего виска.

– А может, причина в том, что оно еще не достигнуто?

– Я на верном пути к нему. Разумеется, оно еще не достигнуто, иначе бы меня тут уже не было. – Он улыбнулся. – Но меня что-то тревожит на пути, и я не могу понять что.

– Как я могу вам помочь в этом?

– Ты говорила, что есть ключи от запертых комнат сознания... – Он подался вперед. – Я хочу получить эти ключи.

– М-м, – протянула Мария, – тогда полагаю, что головные боли вас терзают именно из-за этих мыслей. Возможно, устранение их источника действительно приведет к облегчению ситуации.

– Я тоже так думаю, но, сколько бы ни пытался, не могу понять их причин. Гипноз может это исправить?

– Может, но к нему прибегать не обязательно. Можно пройти путем психоанализа...

– Это слишком долго, – перебил ее барон. – У меня нет лишних пяти лет для этого. Меня интересует быстрая выгода. Гэбриэл сказал, у тебя талант, вот давай ты воспользуешься своим даром, и мы разберемся с моим недугом за отведенные пять сеансов.

– Вы деловой человек во всем, – хмыкнула девушка. – Я поняла вас.

– Отлично. – Он довольно потер руки. – Тогда начинай. Что-то потребуется?

– Нет, – мотнула она головой. – Выберите место в комнате, где вам будет наиболее комфортно. Может быть, приляжете на диван?

– Я люблю это кресло. – Натаниэль положил руки на подлокотники. – Останусь в нем.

– Как вам угодно, – улыбнулась Лазарь. – Позвольте мне выйти помыть руки с дороги...

– Да-да, гостевая уборная на первом этаже, слева у лестницы.

– Две минуты, и я с вами. – Мария встала с кресла и направилась к выходу. На пару секунд она замерла у экспоната, затем вышла из кабинета. Девушка спустилась вниз и огляделась по сторонам в поисках уборной. Из гостиной выглянул Бранкович.

– Уже все?

– Нет. Не подскажешь, где уборная?

– Там. – Он указал пальцем на дальнюю дверь под лестни-

цей. – Что, к делу только с чистыми руками? – Он хмыкнул.

– Именно.

– У тебя еще двадцать минут. И барону нужно ехать. Так что не задерживай его своими фокусами. – Вук кивнул на часы, затем развернулся и пошел на второй этаж. По дороге заглянул к хозяину – удостовериться, что все в порядке.

Мария вошла в туалетную комнату и закрыла дверь на защелку. Прямо напротив двери висело зеркало. Девушка смотрела на себя с пару секунд, потом включила воду. Умывшись, она снова посмотрела себе в глаза.

– Да будет так... – двумя довольно быстрыми движениями она извлекла темно-коричневые линзы из глаз и убрала их в контейнер, припрятанный в кармане ее короткого пиджака. Девушка посмотрела на себя уже своими глазами. – И пусть дорога ведет к тебе...

Мария выключила воду, повернула замок и, сделав глубокий вдох-выдох, вышла из уборной.

Она осмотрелась, Вук уже спустился и снова был в гостиной перед телевизором. Девушка неслышно поднялась по лестнице и вернулась в кабинет барона. Тот по-прежнему сидел в кресле.

– Ты быстро! – он отложил газету. – Что мне нужно делать? – бодро спросил он.

Мария не спеша подходила к нему, доставая из кармана старые часы на цепочке.

– Смотреть на часы, – она встала за креслом и держала

часы перед стариком, – и слушать мой голос... – в глубине души Натаниэль почувствовал какие-то странные перемены в голосе Лазарь, но не придал им большого значения.

Медленно она раскачивала часы из стороны в сторону и говорила сильным голосом то, что сам Ротшильд не раз видел по телевизору. В какой-то момент часы остановились, зависли у него перед носом, а потом и вовсе исчезли из поля зрения. Стих и голос гипнотизера. В следующую секунду перед Натаниэлем возникло лицо Марии, она взяла его руками за голову, не давая возможности отвернуться. Старик попытался закрыть глаза и прогнать, как ему казалось, наваждение, но злой шепот девушки не дал ему это сделать. Ротшильд смотрел в ее глаза и ничего не понимал, чем дольше он смотрел, тем меньше он чувствовал свое тело. В какой-то момент он видел только их. А потом он моргнул и уже не был в своей комнате. Он вдруг оказался в огромном поле, над которым висел плотный туман. Где-то высоко в небе горели мутным лиловым цветом два солнца. Барон давно не испытывал страха, но тут ему было не по себе.

– Где я? – прошептал барон. – Мария?

– Я с вами, Натаниэль, – услышал он в ответ. – Вы в своем мире, не бойтесь его. Вы там, чтобы найти ответы.

– Куда мне идти? Тут ничего не видно...

– Идите прямо. Там будет первая дверь. – Ротшильд пошел прямо, отчего-то боясь споткнуться. Вскоре перед ним действительно возникла дверь, но она была заперта.

– Как ее открыть? Я слышу за ней знакомые голоса. Кто там?

– Вы можете посмотреть через замочную скважину.

Он так и сделал.

– Это же зал девятки! – воскликнул он. – Почему я не могу войти?.. – недоумевал он. – Мое место среди них.

– Возможно, они закрылись сами. Закрылись от вас.

– Зачем им это? – возмутился барон. Но ответа он не слышал, вместо этого голоса из комнаты становились все громче и заполняли собой все сознание Натаниэля. – Что происходит?

Он озирался по сторонам, перед ним возникали образы говорящих. Он слышал то какие-то обрывки своих разговоров с ними в прошлом, то их шепот за своей спиной.

Спустя, как ему показалось, несколько хаотичных минут он смог взять себя в руки. И в этот момент туманное поле сменилось так хорошо знакомым ему кабинетом девятки. Он сидел на своем обычном месте и видел, что очередное совещание было в самом разгаре. По правую руку сидел его сын Натаниэль Филипп, слева молча слушал всех некогда враг, а теперь соратник – Дэвид Рокфеллер. Рядом с ним сидел его единственный оставшийся сын. Барон посмотрел на человека, сидевшего напротив него, – там восседал Пьер Самюэль Дюпон-четвертый. Лица и голоса остальных были немного смазаны, хотя Ротшильд знал их всех. Люди говорили, будто не замечая его. Они рассуждали о его планах и судили его

идеи. Натаниэль не мог поверить в реальность происходящего.

– Этого не может быть, – повторял он, – у нас же общие цели... Я должен услышать больше, должен понять, кто это начал и когда.

Он встал из-за стола и направился к следующей двери. Барон оказался на вечере памяти Уокера. Снова зал был наполнен знакомыми лицами. Но единственное, что Ротшильд видел отчетливо, была голова Лазаря под стеклом и улыбающиеся лица Дэвида Рокфеллера и Мадлен Олбрайт. Внезапная ярчайшая вспышка буквально ослепила барона. Он увидел, как десятки бомбардировщиков летят в сторону каких-то городов, как разрываются снаряды и вокруг все полыхает огнем.

– Он так одержим идеей уничтожения малых народов, что даже и не помышляет о том, что мы можем направить их против него, – сказал Дэвид.

– Лично я не против уничтожения этих мерзких унтерменшей, – улыбнулась Мадлен, – им самое место на том свете, подальше от нас.

– Трудно не согласиться. Однако именно они помогут нам построить из их конфликта достойную силу для уничтожения его самого. Только подумай, мы так натаскаем этих косовских албанских шавок, что они бросятся на того, кого мы укажем, когда придет время, разумеется.

– Хитро, Дэвид. Даже я не сразу поняла глубину плана. –

Олбрайт сделала глоток шампанского из бокала. – Косово – отличный плацдарм для нанесения удара в спину.

– Особенно пока оно под нашим контролем...

Вдруг в зале погас свет, исчезли голоса и прочие звуки. Все, что слышал барон Ротшильд, был шепот Марии, лившийся ему в уши. Он не понимал, что она говорит, услышал лишь последнюю фразу:

– ...Когда откроешь глаза, ты не увидишь ничего странного во мне...

Потом снова была тишина. Щелчки пальцев буквально тащили его вверх, к тусклому свету.

– Натаниэль, возвращайтесь. Откройте глаза, – приказала ему Лазарь, и он очнулся. – Как вы себя чувствуете, сэр? – поинтересовалась девушка.

– ...Ого... – тихо ответил Натаниэль. – Не ожидал такого... я будто побывал в прошлом... слышал то, чего не мог слышать, но догадывался... – Он посмотрел на сидевшую напротив него Марию. – Почему мы остановились? Я хочу увидеть все.

– Это вы остановились. Видимо, пока не готовы проникнуть так глубоко. Но ничего страшного, – пожалала она плечами, – продолжим в пятницу?

– Нет, – мотнул он головой, – приходи в среду.

Лазарь кивнула. Ротшильд осмотрелся по сторонам, задержал взгляд сначала на экспонате, затем на часах.

– Мне нужно ехать сейчас. – Он резко поднялся и напра-

вился к выходу из кабинета. – Малкольм проводит тебя.

– Спасибо. – Лазарь встала и взяла свою сумку. – До среды, Натаниэль.

– До среды. – Он натянуто улыбнулся и вышел из кабинета. Быстро спустился на первый этаж, где его уже ждал Бранкович.

– Все в порядке, сэр?

– Да, – кивнул барон, возвращая себе былое хладнокровие. – Немного задержались, а я не люблю опаздывать.

Лазарь вышла из кабинета и закрыла за собой дверь. Вук в это время был уже в дверях, пропускал вперед барона. Начальник охраны хмуро посмотрел на девушку, покачал головой и вышел на улицу. Лазарь медленно спустилась по лестнице. Внизу уже стоял дворецкий, он достал из гардероба ее пальто. Однако Мария не дала ему возможности ей помочь – взяла пальто из его рук, поблагодарила и также вышла на улицу.

Она прошла по узкой каменной дорожке и вышла за калитку. Погода значительно улучшилась, солнце светило всюю. Посмотрев вслед уезжающей машине Ротшильда, она довольно ухмыльнулась и, достав из сумки солнцезащитные очки, надела их. Спустя пять минут девушка была уже на полпути к метро. Сегодня еще нужно было заехать в офис.

Бранкович посмотрел в зеркало заднего вида на барона.

– Сэр, вы уверены, что все в порядке?

– Что-то не так? – холодно спросил Натаниэль.

– Мне показалось, вы чем-то были встревожены. Надеюсь, с мисс Лазарь не возникло никаких проблем, требующих немедленного решения? – он вопросительно посмотрел на своего работодателя.

– Не трогай ее, – отрезал барон. – Она действительно талантлива и может мне помочь.

– Вы доверяете ей? – аккуратно спросил Вук.

– Это не имеет значения, – барон мотнул головой, – относись к ней как к простому наемному работнику. Выполнит свою функцию, и мы с ней расстанемся. Разве что порекомендую ее в Тависток.

– А-а, настолько хороша?

Барон кивнул.

– Не возражаете, если я все-таки проверю ее, сэр?

– Это твоя работа. Ричард звонил? – вспомнил про своего помощника барон. Бранкович кивнул.

– Уже ждет вас на месте встречи с девелопером.

– Хорошо.

Больше Натаниэль не проронил ни слова, он снова и снова прокручивал в голове пережитый сеанс. Он чувствовал в глубине души, что сегодня утром нашел росток того, что мучило его уже больше пяти лет.

Доставив своего начальника на место встречи, Вук вызвал водителя на замену, а сам отправился навестить одного сво-

его приятеля в Западном Нью-Йорке. Поймать такси оказалось отчего-то нелегкой задачей – как назло, не было ни одной машины нужного желтого цвета. Выругавшись про себя, Бранкович вернулся в машину Ротшильда и снова позвонил водителю.

– Пит, это я снова. План изменился, возьми вторую машину и приезжай на ней.

– Опять служебное положение используешь? – крикнул Пит на той стороне провода. – Ладно, через полчаса буду.

Вук нажал отбой и, бросив телефон на пассажирское сиденье, тронулся с места. Он всегда любил скорость, а нарушать правила и подавно. Нарушив все, что только возможно, он доехал до нужного места за каких-то двадцать минут. Начальник охраны Ротшильда припарковал машину на Берглайн-авеню, у магазинчика с мексиканскими товарами. Выйдя из машины, он окинул улицу хмурым взглядом: ему никогда не нравились эти кварталы с национальным колоритом. Фыркнув себе под нос, он прошел несколько метров до поворота, там еще несколько метров, и он уже стоял у подъезда. Смахнув с домофона свежий слой снега, стал искать нужный номер квартиры.

– Я никого не жду. Проваливайте! – пробился через динамик сонный голос мужчины.

– Это Вук.

– А-а... поднимайся.

Звонок – и дверь открылась.

Бранкович поднялся на пятый этаж, дверь ему уже открыли. Он вошел в довольно просторную квартиру, состоящую из кухни, кабинета и спальни, где уютно устроился его товарищ-социопат и по совместительству непризнанный гений шпионажа.

– Господи, ты получаешь такие бабки, что ж ты живешь в таком сраче?

– А что не так? – удивился мужчина лет тридцати пяти на вид, со спутанными волосами, кое-как собранными в пучок, и двухнедельной щетиной. – Я люблю, когда все вот так. Мне в моем бардаке думается лучше. – Порывшись на столе, он вытащил из кипы бумаг очки в красной оправе и, нацепив их на нос, вопросительно посмотрел на того, кого считал в общем-то своим другом.

– Итак, чем Грегори Лид может тебе помочь? Или ты просто так пришел?

– Не просто. – Вук прошел к дивану и устало уселся на него. – Нужно пробить одну девку по твоим каналам.

– Девка – это хорошо, – улыбнулся Грегори, поудобней устраиваясь перед своими компьютерами. – А конкретики побольше?

– Возможно, ничего и не найдем, но она мне чертовски не нравится. Толком не объяснить даже... нутром чую опасность, но не понимаю, почему от нее.

– Опасность прям опасность – или ты влюбился, приятель?

– В кого? В Марию? – удивленно поднял брови Бранкович. – Это не как с Лизи было... нет, – мотнул он головой. – Я нутром чую в ней что-то... как первобытное. Ты бы видел ее взгляд, подачу...

– Где ты ее взял, эту Марию?

– Барон ее нанял, она психолог какой-то, зачем-то ему понадобился такого рода специалист. Я не вникал, ты же знаешь. Но проверить ее он мне разрешил. Как-никак, это часть моей работы.

– Шеф, значит, нанял, – почесал подбородок Грег, – тогда, думаю, должно быть все чисто. Ок, фамилия?

– ...Лазарь. – Вук вытянулся на диване и, глубоко вздохнув, уставился в потолок. – Мария Лазарь... работает у доктора Гэбриэла Зева.

Лид застучал пальцами по клавиатуре в поисках нужной информации. Спустя несколько минут он все еще молчал. Бранкович потянулся за очередной сигаретой.

– Ну что там?

– Пока ничего, – мотнул головой Лид. – Просто Мария, просто психоаналитик, просто дочь Бенедикта Лазаря, просто пять лет работает с Зевом, родилась, училась... – начал перечислять Грег, – даже в фейсбуке вот есть. Симпатичная, кстати. Тебе вроде такие нравятся.

Вук привстал на локте, заглядывая в монитор. Лид повернул один из мониторов ближе к другу.

– Фоток своих немного, все природу-погоду выкладыва-

ет. Рома-а-а-а-антика та-а-а-а-кая... – протянул шпион и засмеялся. – Да обычная девка. Вон о каждом своем шаге отписывается, где была, куда ходила, что видела. Не нужно быть семи пядей, Вук, ты и сам можешь все это посмотреть. – Грегори указал руками на мониторы.

– А что, если это лишь видимость?

– Я пробил ее по темной базе – ничего. Ищи другие пути.

– Где она живет?

– Хм... – нахмурился Лид и снова застучал пальцами по клавиатуре, – странно... не знаю. Погоди-ка. – Он проверил еще какие-то сайты. – Любопытно, адреса нет.

– И телефона, как я понимаю, тоже?

Друг кивнул.

– Разве это не странно?

– Сейчас по айпи пробью.

Почувяв что-то интересное, Лид с большим энтузиазмом принялся искать нужную информацию. Проковырявшись больше тридцати минут он наконец изрек:

– Не понимаю.

– Ты – и не понимаешь? – Вук ухмыльнулся. – Не верю.

– Тут нагромождение всего...

– В смысле? – Вук подошел к столу и заглянул на экраны с разными надписями и открытыми окнами. – Что ты нашел?

– Я не могу вычислить ее айпи. Маршрут ведет в тупик, верней в лабиринт из цифр. Это очень круто, я такого никогда не видел. – Грег посмотрел на Вука. – Друг, это очень и

очень профессионально. Простой юзер так не спрячется.

– Простому и не надо прятаться. – Бранкович остановил свой взгляд на открытой фотографии Марии. – Ладно, адрес я узнаю, и телефон тоже. А ты все-таки ищи ее на темной стороне.

– Само собой, – кивнул Лид. – Я тоже хочу так уметь. – Он указал пальцем на монитор. – Не убивай ее прежде, чем она мне это объяснит. – Он улыбнулся.

– Постараюсь, – хмыкнул Вук. – На связи, давай до скорого!

Попрощавшись с другом, Бранкович пулей сбежал по лестнице, запрыгнул в машину и направился в офис доктора Зева. Он был уверен, что Джулия ему все расскажет.

Отчего-то Марии не хотелось спешить в офис, и вместо того чтобы спуститься в подземку, она перешла дорогу и пошла в Центральный парк, к озеру. Несмотря на прохладное, даже морозное утро, на дорожках было много бегунов. Лазарь остановилась у передвижной закусочной и взяла себе маленький пакетик жареных каштанов. На холоде так приятно греть ими и руки, и душу. Дойдя до озера, Мария решила пройти парк насквозь – сразу к офису. Время летело как-то очень быстро, каштаны закончились, но покидать парк еще не хотелось. Неожиданно начался сильный снегопад, и Лазарь прибавила шаг. Еще десять минут – и она на месте.

До офиса доктора Зева Вук домчался быстро, дольше искал место для парковки. В его голове роились сотни мыслей и столько же вопросов, но действовать нужно было сдержанно и аккуратно. Пока ждал, он купил небольшой букет цветов, идти с пустыми руками не хотелось. Наконец у офиса освободилось место, и Бранкович поспешил его занять. Он вышел из машины, огляделся и направился в офис. Идя по коридору к нужной двери, он надеялся, что не застанет тут Лазарь, во всяком случае пока. Ему повезло. Джулия не могла сдерживать улыбки, увидев начальника охраны четвертого барона Ротшильда. Учитывая, что она о нем думала уже неделю.

– Привет, красавица! – улыбнулся ей Вук и протянул ей цветы. – Скучаешь тут одна, наверное?

– Цветы!!! Мне?! – Она радостно схватила букет и принялась нюхать каждый цветочек. – Какие красивые... спасибо! – Она потянулась поцеловать его в щечку. – Что тебя к нам привело?

– Ты, конечно. – Он подмигнул девушке, отчего та моментально покрылась румянцем. – И маленькое поручение от шефа.

– Я могу тебе как-то помочь?

– Можешь, милая. – Вук присел на край стола. – Шеф поручил мне узнать адрес Лазарь, чтобы его лечащий врач переправил ей нужные записи.

– Эм, – задумалась Джулия, – а электронная почта его уже

не устраивает?

– Боюсь, нет, – покачал головой мужчина. – Это секретная информация, или ты просто ревнуешь? – он улыбнулся и коснулся ее волос.

– А надо? – таяла девушка.

– У нее нет против тебя никаких шансов.

– Не секретно, конечно. – Она махнула рукой. – Сейчас найду. – Она встала из-за стола и направилась к высокому стеллажу. Найдя нужную папку, протянула ее Бранковичу. – Тут должно быть.

Мария вышла на Пятую авеню и перешла дорогу. У офиса она заметила припаркованный знакомый автомобиль.

– Какого черта ты тут забыл? – вслух спросила она. Оглядевшись по сторонам, Мария не стала переходить улицу и прошла чуть вперед. Встала на углу следующего дома, рядом с лестницей. Накинув капюшон, сильнее закуталась в пальто и, порывшись в сумке, достала пачку сигарет. Закурив, начала наблюдать за дверью офиса.

Вук взял папку. Адрес и телефон были на первой странице. Он достал мобильный телефон из кармана и сфотографировал страничку. Закончив, вернул папку девушке.

– Ты меня просто спасла, красавица. Позволишь спасти тебя от скучного вечера? – Не стесняясь, он притянул ее к себе. – А?

– В семь сегодня, – хитро ответила девушка, – заберешь

меня из офиса.

– С удовольствием.

– Кстати, Мария вот-вот должна будет прийти.

– Она мне не нужна, только адрес, – улыбнулся он.

Поцеловав ее на прощание, Вук поспешил покинуть офис.

Он сел в машину и открыл только что сделанную фотографию, а затем переслал ее Грегори. Бранкович глянул по сторонам – никого и ничего подозрительного. Он сполз чуть ниже, через затемненные окна его сразу никто не заметит.

Лазарь поморщилась и, затушив сигарету о стену дома, бросила ее в подвал.

– Уж не по мою ли ты душу?.. – Она мотнула головой. – Как-то быстро, я еще не наигралась... – Она убрала сумку под пальто, и со стороны могло создаться впечатление, что девушка беременна.

Лазарь не спеша перешла улицу и вошла в калитку следующего дома. Вук не знал, что отсюда можно было пройти к пожарной лестнице. Он не придавал значения беременной, вошедшей в неинтересный ему дом.

Мария прошла глубже во двор, вытащила сумку и, перекинув ремень через голову, взобралась на пожарную лестницу. Добравшись до четвертого этажа, она влезла внутрь через предусмотрительно открытое окно. Прежде чем спуститься в офис этажом ниже, она заглянула в туалетную комнату и снова надела темно-коричневые линзы. Приведя себя в по-

рядок, направилась к Гэбриэлу.

Когда она вошла в офис, Джулия стояла у окна и мечтательно смотрела на парк.

– О! Мария! – повернулась она к девушке. – Ты даже не представляешь, какой сегодня чудесный день!

– Неужели? – натянуто улыбнулась Лазарь.

– Я иду на свидание! Ура, ура! – чуть ли не прыгала от радости секретарша.

– И кто этот счастливчик? – изобразив любопытство, спросила Мария, осматривая кабинет в поисках каких-либо изменений.

– Помнишь того парня, что приходил вместе с Ротшильдом?

Мария кивнула.

– Ну вот Вук приходил и позвал меня на свидание! Здорово, да?

– ...Да уж. Поздравляю.

– Он и про тебя спрашивал.

– Про меня? – наигранно удивилась Лазарь, снимая верхнюю одежду и переодевая обувь. – Я-то ему зачем?

– Не знаю, – пожалала Джулия плечами. – Ему нужен был твой адрес и телефон, чтобы врач барона мог тебе отправить какие-то записи или что-то в этом духе.

– А-а, – протянула Мария, – понятно. – Она встала с кресла. – Гэбриэла еще нет?

– Нет, – покачала головой секретарша, – он сказал, что

оставил все для тебя на своем столе.

– Ок. – Лазарь зашла в кабинет доктора Зева. Закрыв за собой дверь, она подошла к окну. Машины Вука отсюда было не видно. – Значит, мой адрес нужен... Фейсбука оказалось мало... – Лазарь села в кресло Гэбриэла и придвинула к себе кипу карточек, которые всего лишь нуждались в сортировке. – Что ж, придется сегодня переночевать там.

Спустя полчаса Мария покинула офис тем же путем, что и пришла. Бранковича уже не было. Лазарь глянула на часы: до встречи с двумя новыми друзьями оставалось еще достаточно времени. Как раз хватит закупиться и прибраться по указанному в ее личном деле адресу.

Бранкович решил не дожидаться появления Лазарь, в любом случае адрес у него уже есть, и он всегда может наведаться туда. Вук всегда любил понедельник за то, что его смена никогда не выпадала на них. Однако сегодняшний день ему нравился больше обычного, в нем было уже забытое чувство волнения. А самое главное, Бранковича никогда еще не подводило его чутье на неприятности. В хорошем настроении он притормозил у «Макдональдса» и решил подкрепиться. Как только он вышел из машины, позвонил Грегори.

– Что узнал?

– Я пробил ту квартирку. Была снята Марией Лазарь почти пять лет назад, все документы в порядке, платежи регу-

лярные.

– Неужели ничто не привлекло твоего внимания? Не расстраивай меня так... – улыбнулся Вук.

– Странно то, что эта информация не прошла в те же «Белые страницы».

– В чем странность? Давай, Грег, порадуй меня! – Бранкович открыл дверь ресторана, давая семейной паре выйти. Настроение у него было на высоте.

– Не знаю, как объяснить, – выдохнул Лид. – Но получается так, что какая-то из этой информации – фэйк⁷. Одно не ведет к другому... так не бывает.

Вук довольно улыбнулся, лишнее подтверждение того, что чутье его не обмануло, радовало.

– ...Значит, мисс Лазарь не так проста, а? – Он подошел к миловидной девушке за кассой. – Будьте добры...

– Ты опять ешь, – буркнул Грег, – как ни позвоню, ты всегда что-то жуешь.

– Может, у нее есть еще какой-нибудь адрес? – Вук уселся за свободный столик и развернул гамбургер. – И кстати, найди мне всю информацию по ее семье. С картинками.

– Может, мне еще семейный альбом их тебе принести? – буркнул Грег.

– Было бы шикарно, да!

– В общем, так, я еще покопаюсь. Ничего конкретного сказать не могу пока, но все очень непросто.

⁷ От англ. fake – подделка.

– К вечеру наскреби что-нибудь, – не прожевав, сказал Бранкович. – Наведаюсь к ней в гости. Не с пустыми же руками.

– Понял. Конец связи. – Лид повесил трубку и снова погружился в «паутину».

Натаниэль Чарльз Джейкоб Ротшильд стоял у окна на самом последнем этаже небоскреба Голдмэн Сакс, расположившегося на Вест-стрит. Он ждал, когда секретарь принесет все интересующие его документы из архива. Барон и сам пока не очень понимал, что хочет там найти, но лишний раз проверить не помешает. И ничего, что от этого в главном офисе банка сотрудники забегали быстрее, опасаясь каких-то действий. Наконец спустя двадцать минут секретарша едва слышно постучала в дверь кабинета. Тенью скользнула внутрь после разрешения и, с трудом дотащив три запечатанные коробки, поставила их на стол.

– Могу ли я вам еще чем-то помочь, сэр? – с опаской спросила она.

– Пока нет, – мотнул он головой. – Можешь идти.

Как только женщина закрыла за собой дверь, Ротшильд подошел к столу и оглядел пластиковые коробки. Прекрасно зная, что основную информацию уже давно перенесли на цифровые носители, он был уверен, что в архивных папках докомпьютерной эры может оказаться что-то весьма интересное. Он снял крышку с первой коробки белого цвета, на

которой красовалась надпись фломастером: СВФ-99-1. Натаниэль перебирал пальцами папки с названиями стран. Перед глазами снова возникла картина из утреннего сеанса, эпизод с закрытой дверью резко сменился на голову царя Лазаря, глазницы, казалось, испепеляли страшным огнем. Барон резко отшатнулся от стола и стал тереть глаза. Когда он снова посмотрел в коробку, то увидел лишь последнюю и самую толстую папку в коробке – Югославия. Ротшильд резко вытащил ее и положил на стол, развязал веревки и раскрыл. Внутри было много неподшитых бумажек, какие-то письма, служебные записки... все то, что никогда и никому не должно было стать известным. Барон сел за стол и начал просматривать каждый листок, ища что-то. Чем быстрее он перебирал листки бумаги, тем сильнее сводило пальцы рук, что сильно его злило. После разнообразной аналитики и отчетов с тоннами цифр начался третий раздел папки – переписка. У Ротшильда защипало в глазах, он снова потерял их. Спустя секунды зрение нормализовалось. Барон нахмурил брови: такого в папке он не ожидал увидеть, с чего бы письмам вообще здесь быть? Когда их место в печке...

– Это еще что за... – прошептал Натаниэль, беря в руки письмо от Рокфеллера, адресованное Goldman Sachs, – какое это имеет отношение к... – он быстро пробежался глазами по тексту. – Алан... – барон посмотрел на подпись Гринспена, тогдашнего главы ФЕДа⁸, – и Дэвид? – Он отложил ли-

⁸ ФЕД – от англ. FED – Федеральная резервная система США.

сток в сторону, встал с кресла и начал медленно ходить по кабинету. Он не мог понять, как, в общем-то, личная переписка могла оказаться в этой чертовой папке. Барон снова вернулся к столу и взял письмо.

В этот момент ему показалось, что кто-то постучал в дверь или... в окно. Ротшильд огляделся по сторонам.

– Не хватало еще с ума сойти на ровном месте, – прошептал он, но стук повторился вновь. На этот раз он увидел, как какая-то маленькая птица стучит клювом в стекло и с любопытством разглядывает свое отражение на зеркальной поверхности. – «...Как бы там ни было, но Югославия станет ему могилой», – зачитал он последнее предложение. – Кому? О ком вы? – Барон снова посмотрел на строчку. – «Пускай думает пока, что он главный, а когда придет время, его голова полетит первой...» – Ротшильд дочитал предложение и, все еще не веря в прочитанное, свернул письмо вчетверо и убрал во внутренний карман пиджака.

Барон проглядел и другие письма, но ни одно больше его не заинтересовало, ни одно не содержало какой-либо сомнительной или странной информации. Он взял телефон и вызвал своего помощника, все это время проскучавшего за дверью.

– Позвони Дэвиду, передай, что я хочу с ним увидеться. И скажи, что это срочно.

– Сию же минуту, сэр Ротшильд. – Ричард Осман тут же удалился и принялся звонить помощнице Дэвида Рокфелле-

ра. Уже через десять минут поручение было выполнено, и встречу назначили на сегодняшний поздний вечер.

– Хорошо, – одобрительно кивнул барон. – Нет ничего проще, чем спросить напрямую...

Дорога до Бруклина общественным транспортом заняла у Марии час. По дороге Лазарь зашла в небольшой магазинчик на углу Нострэнд и Клэрндон и купила запасов еды на добрых три дня. Поднявшись на третий этаж, девушка подошла к семьдесят третьей квартире и вставила ключ в замочную скважину. За почти полгода ее отсутствия под дверью накопилось достаточное количество корреспонденции, и она открылась с трудом. Мария зашла в маленькую квартиру. Окна были закрыты рольставнями, мебель накрыта. Воздух был тяжелый, пыльный и кричавший о том, что здесь никто не живет. Не снимая обуви, Лазарь прошла на кухню и положила покупки на стол. Сняв пальто и пиджак, она недовольно осмотрелась.

– Эх, – выдохнула Мария, – если играть, то красиво...

Девушка собрала волосы в хвост и сняла туфли.

– Это грязная работа, но кто-то должен ее делать.

Лазарь принялась за уборку квартиры для придания ей жилого вида. Лишь ближе к девяти все было готово, хотя и не без изъянов. Уставшая Мария сидела на диване перед выключенным телевизором и слушала, как тикают часы над входной дверью. Лазарь подошла к шкафу, кое-какая

ее одежда тут осталась. Она быстро переоделась в привычные джинсы и свитер. Достав из коробки высокие ботинки на шнурках, она довольно улыбнулась. Взяв из сумки пачку сигарет, зажигалку и ключи, девушка вышла в коридор, хлопнув за собой дверь. Быстро глянула по сторонам, прислушалась – тишина и покой, даже телевизор у соседей работает тише обычного. Мария осторожно выбралась на крышу, где кто-то из жильцов разбил уютный зимний сад. Правда, сад оказался несколько заброшенным и сильно занесенным снегом. Под навесом все еще лежали какие-то тряпки и садовый инвентарь. Лазарь взяла единственное не промокшее насквозь одеяло и направилась к краю крыши. Постелив его в несколько слоев, Мария села на него по-турецки и, глядя на редкие машины, проезжающие мимо, закурила. В голове роились разные мысли. И все они крутились вокруг сегодняшнего утра. Ей очень хотелось посмотреть на результат, но она прекрасно понимала, что это лишь начало пути. Вдруг ее внимание привлекла остановившаяся у дома напротив машина. Крайне знакомая машина, которая сегодня уже мелькала перед глазами несколько раз.

– А вот и Цербер, – ухмыльнулась Мария, выпуская дым, – припозднился... – Она затушила сигарету и бросила бычок с крыши. Поднявшись, она подхватила одеяло. Вернувшись к квартире, увидела стоящего у двери индейца. Девушка глянула на часы.

– Мы договаривались в десять, а не без десяти.

– Не люблю опаздывать, – пожал он плечами.

– Где твой друг? – спросила девушка, открывая дверь.

– В пути. – Индеец прошел в гостиную и осмотрелся. – Не похоже, что ты тут живешь.

– Неужели? – фыркнула Лазарь. – Выкурю пачку сигарет, набросаю мусора побольше и буду как дома.

– Я с подарками. – Он поднял два пакета. – Можно не курить, можно есть что-то, что пахнет.

– Китайская еда, – покачала девушка головой, – чудно. Проходи, располагайся.

Тогай прошел на кухню и расставил содержимое пакетов на столе. Затем подошел к окну, отодвинул занавеску и с опаской выглянул на улицу.

– Боишься слезки? – улыбнулась Мария, зажигая сигарету.

– Возможно.

– Из квартиры дороги не видно, окна во внутренний двор выходят и на пожарную лестницу. С крыши разве что.

– Это я знаю, как раз у выхода со двора стоит приметная машина с мужчиной внутри. Проходил мимо них сейчас. И что-то с ним не так было.

– Что за машина?

– Черный «бентли». – Тогай вернулся к столу и открыл одну из коробочек с лапшой, порывшись в пакете, отыскал и палочки. – Номер не смотрел, если тебе интересно. – Он забросил в рот лапши. – Что ты успела сделать, что уже следят?

– Он не следит, если это он. Он проверяет, та ли я, кем представляюсь.

– Кто он? – индеец начал согреваться и от этого шмыгать носом.

– Начальник охраны Ротшильда. – В дверь постучали. – А вот и третий...

– Привет! – во весь рот улыбался Гарсия. – Рад снова видеть!

– Проходи давай. – Мария выглянула в коридор – никого не было видно и слышно. – Банда в сборе... – Она закрыла дверь.

– С чего это вдруг он так заинтересовался? – спросил индеец, открывая вторую коробку с лапшой.

– Работа у него такая.

Все трое уселись за столом на кухне.

– Лапшичка! – Эвис довольно похлопал в ладоши и, протянув к себе пакет, опустил в него голову, нюхая. – С курочкой... ммм... моя любимая. – Он достал одну коробку и стал оглядываться по сторонам в поисках чего-то. – Вилка-то у тебя найдется? – Лазарь молча дотянулась до шкафа за спиной и достала из него вилку. – Спасибо, а то никакого удовольствия с этими палочками.

– Итак? Как у нас дела? – индеец обратился к девушке.

Мария шумно вдохнула.

– Это оказалось легче, чем я думала. – Она сложила руки в замок и поднесла их к губам. – Даже слишком. – Тогай

заметил, что она кусает костяшку указательного пальца.

– И какого результата ты уже добилась?

– Особо никакого, но посеять в нем семя сомнения было легко. Осталось лишь заставить его делать то, что нужно.

Гарсия громко сглотнул.

– Как зомби, что ли? – Эвис переводил взгляд с Марии на Тогая, не очень понимая происходящее.

– Стесняюсь спросить, – Лазарь встала из-за стола и пошла к окну, – как, ты думаешь, я работаю? – Девушка взяла с подоконника пачку сигарет и вытряхнула из нее последнюю. – А, Эвис? – Чиркнула спичка, и мексиканцу отчего-то очень не понравился взгляд Марии.

– Откуда мне знать? – попытался улыбнуться Гарсия. – Понятия не имею, если честно, – добродушно развел он руками. – Все методы хороши.

Лазарь хмыкнула и закатила глаза.

– Мда, Чинганчгук, что ж ты ему не пересказал дедушкину сказку? Человек теперь думает, что я работаю телом. – Мария выпустила клуб дыма в приоткрытое окно. – Идиоты... – прошептала она.

– Я, между прочим, ничего такого не думал, – замотал головой Гарсия. – Я полагал, речь шла о медикаментозном влиянии... Честно! – Он положил правую руку на сердце.

– Рассказал, просто он не поверил. В общем-то, я и сам не очень знаю про твой дар.

– Меньше знаешь – крепче спишь.

– Но я видел твой район. – Голос Тогая стал тише. – Видел, что тебя не замечают другие, ты там словно тень. Уверен, спроси я кого-либо из твоих соседей, видели ли они тебя, мне скажут «нет». Ума не приложу, как тебе это удалось.

– На это ушло время.

– А поподробнее можно? – Гарсия поерзал на стуле. – Жажду подробностей. – Он широко улыбнулся.

– Гипноз... – сказал Тогай.

– Да ладно! – Эвис с восхищением посмотрел на Лазарь. – Правда? Это когда часами перед глазами машут и отдают команды громким строгим голосом?

На кухне повисла тишина. Индеец и девушка с нескрываемым удивлением смотрели на Гарсию.

– Что? И тут наврали? Печаль...

– Не расстраивайся, – улыбнулась Мария, – про результат не наврали, точно.

– И давно ты это умеешь? Черт! Хочу на себе ощутить! Загипнотизируй меня! – он поудобней уселся. – Заставь меня что-то сделать против моей воли!

– Эвис, – покачал головой Тогай, – мы не в цирке, и она не клоун тут...

– Да погоди ты! – отмахнулся мексиканец. – Я просто хочу ощутить это на себе!

Лазарь молча смотрела в окно.

– Мария?.. Извини, если...

– Сейчас вернусь. – Она вышла из кухни и скрылась за

дверью ванной комнаты.

– ...Обидел, – договорил Гарсия и посмотрел на индейца. – Что? Ну конечно, Эвис плохой, Эвис все портит. – Он махнул рукой и вернулся к столу.

Через пару минут Мария вернулась на кухню и села на свое место, как раз рядом с Гарсией. Придвинув себе пакет с коробками лапши, девушка достала последнюю.

– Теперь, – она открыла коробку, – мне нужны имена. Как привести барона к ним и прочее из вашего плана.

– О-о! Имена – это я могу, это по моей части! – Гарсия рванул в коридор за своей сумкой. Притащил ее на кухню, достал свой ноутбук в армейской раскраске и поставил его на стол. – Сейчас все покажем, расскажем. – Он принялся искать нужную информацию. – Так, мы какую часть карты ищем? – Эвис почесал в затылке.

– Линия Уокера. – Лазарь смотрела на Гарсию выжидающе, наконец он повернулся к ней. – И вся цепочка до барона... – она не моргая смотрела в его темно-ореховые глаза, а тот не мог отвести взгляд.

– Это длинная цепочка.

– Эй, Эвис, – улыбнулась Мария, – куда ты смотришь?

– На тебя, эм?

– Но ты меня не видишь. – Она улыбнулась. – Пока я не скажу обратное.

– Не понял? – Лазарь отвернулась и принялась есть лапшу. Тогай сидел напротив них и хихикал.

– Как дети, ей-богу, – смеялся он.

– А где Мария? – оглядываясь по сторонам, спрашивал Эвис. – В ванной до сих пор?

Индеец с интересом смотрел на друга, с интересом и несказанным удивлением. Он перевел взгляд на девушку.

– Куда ты смотришь? – удивился Эвис.

– И как долго это длится, а, Мария?

– Пока я не скажу. – Она довольно улыбнулась.

– Это уже не смешно, – нервничал Гарсия. – Вы прикалываетесь? – Он вскочил с места и прошел в ванную. Дверь была открыта. Он заглянул в гостиную. – Мария? – он вернулся на кухню. – Не смешно, – нахмурился он, видя смеющегося индейца.

Мария встала с места и подошла к немного напуганному хакеру.

– Эвис, – прошептала она, – ты меня видишь.

Прямо на глазах Гарсии перед ним сначала появился силуэт девушки, спустя пару секунд он уже видел ее, как раньше. От неожиданности парень даже отшатнулся.

– Ничего себе! – выдохнул он. – Да это невероятно! Как у тебя?!.. Невероятно!

Мария указала ему на место.

– Имена. – Она указала пальцем на экран ноутбука.

– Да, сейчас! – Он сел за стол. – Блин, – выругался он, – теперь я тебя боюсь.

– И правильно делаешь. – Девушка снова улыбнулась.

Эвис долго ковырялся в своих файлах. За это время Тогай и Мария успели приготовить чай и перебраться в гостиную.

– Твой дар, – поставил на стол чашку Тогай, – он удивительный.

Лазарь криво ухмыльнулась, будто вспомнив что-то.

– Я знаю много людей, кто с тобой бы ни за что не согласился.

– Ты никогда им не пользовалась раньше?

– Было дело. Правда, давно.

– А как же люди в районе?

– Это мелочи, как трюк с Эвисом. – Она передернула плечами. – Я ничего еще не сделала из того, что могу.

– А когда делала последний раз?

– В детстве. После чего с меня взяли обещание никогда этого больше не делать. – Мария забралась на диван с ногами. – Но тот, кто брал с меня это обещание... умер... а перед тем как исчезнуть, и вовсе снял с меня это обещание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.